

Сетевой научный журнал

Научный результат

Research result

Том 1

№2 2015

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Социальные и
гуманитарные
исследования*

ISSN 2408-932X

9 772408 932009

Сайт журнала:
<http://belsu-research-result.ru/>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-932X

Том 1. №2(4), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ольхов П. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Волкова О. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Мотовникова Е. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Носова Т. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Жиров М. С., доктор педагогических наук, профессор, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т. И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

RESEARCH RESULT

SERIES «SOCIAL
STUDIES AND HUMANITIES»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-932X

Volume 1. №2(4), 2015

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF:

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF:

Olga A. Volkova, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF – MAKE-UP EDITOR:

Elena N. Motovnikova, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

EXECUTIVE SECRETARY:

Tatiana V. Nosova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

ENGLISH TEXT EDITOR:

Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD:

Mikhail S. Zhirov, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винцигуэрра Л., профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожмякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Белгород-

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Irina V. Denisova, Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the University Museum, National Research University "Belgorod State University"

Irina A. Maidansky, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Elena N. Musaelyan, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, National Research University "Belgorod State University"

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Olga B. Buksikova, Doctor of Art study, head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Humanities

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Nikolai N. Veresov, Doctor of philosophy, Professor, The Monash University, Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'UPJV d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of National Research University "Belgorod State University"

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

ского государственного национального исследовательского университета

Лапина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малай В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойттинен В., доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Юбара А., доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, National Research University “Belgorod State University”

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vera V. Malai, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikeshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

Vesa Oittinen, Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

Harri Taliga, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia.

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

Zhu Tszyangan, Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, the People’s Republic of China, Jiangsu Province

Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

Annett Jubara, Doctor of Philosophy, Associate Professor, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

ОТ РЕДАКЦИИ

Ольхов П.А.*Языки и смыслы*.....6

ИССЛЕДОВАНИЯ

Бирюков Н.И.*Проблема сознания в позднем советском марксизме*.....8**Оспанов С. И.***Де/ре/про-онтологическая концепция социологии и социальной работы в софиологическом контексте*.....13**Короченский А. П.***К вопросу о специфике жанровой системы испаноязычной периодики*.....24**Жиленков А. И.***Типы биографизма в русской духовной литературе XVIII века: агиографические (святитель Иоасаф (Горленко)) и романские (Г.С. Сковорода) формы жизнеописаний*.....33**Сямина О. В.***Семейный портрет: экзистенциальные контуры и культурные смыслы*.....39**Пенская Т. М.***Цена реформ*.....47

АРХИВ

Московкин В. М., Моисеева С. А.*Публикации об инкунабулах в открытом доступе Интернета*.....60

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

Пенской В.В.*«Тема без исследования»*.....75**Чистякова Е.Ю.***Движение brights: опыт рационального диалога о религии и морали Д. Деннета*...84**Лин О.В.***Экзистенция социального: в городе кошек Лао Шэ*.....95

RESEARCHES

Olkhov P.A.*Languages and Meanings*.....6**Biryukov N.I., Sergeev V.M.***The Origins of Consciousness in Later Soviet Neomarxism*.....8**Ospanov S.I.***De/re/pro-ontological Conception of Sociology and Social Work in Sophiological Context*.....13**Korochensky A.P.***Revisiting the Specific System of Genres in Hispanic Periodicals*.....24**Zhilentsov A.I.***Types of Biographism in the Russian Spiritual Literature of XVIII Century: Hagiographic (St. Ioasaph (Gorlenko)) and Novel (G.S. Scovoroda)*.....33**Syamina O.V.***Family Portrait: Existential Outlines and Cultural Meanings*.....39**Penskaya T.M.***The Cost of Reforms*.....47

ARCHIVE

Moskovkin V.M., Moiseeva S.A.*Publications about the Incunabula in the Open Internet Access*.....50

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

Vitaly V. Penskov*«A Problem without Research»*.....75**Chistyakova E. Yu.***The Bright's Movement, or the Rational Dialogue between Religion and Morality, Experienced by D. Dennett*.....84**Lin O.V.***Social Existence: in Lao She's Cat Country*.....95

ОТ РЕДАКЦИИ

Павел Ольхов, главный редактор

ЯЗЫКИ И СМЫСЛЫ

В четвертом номере журнала сохраняется общая установка редакционной коллегии – публиковать материалы исследований, которые проводятся в *пограничных проблемно-тематических областях*. Номер очевидным образом разнообразен в тематическом отношении; однако во всех статьях дает себя знать общее стремление авторов высказываться с некоторой смысловой конкретностью, уточняя или определенным образом обновляя адресата публикуемых материалов.

У каждого автора номера – своя исследовательская территория и, более того, свой дисциплинарный статус. Не совпадая друг с другом в познавательных предпосылках и высказываясь каждый по-своему, с разной языковой конкретностью, на границах разных языков и смыслов, авторы, на мой взгляд, реализуют, с разной степенью интенсивности, некоторую общую потребность «шагнуть за горизонт», выйти за пределы привычных познавательных коммуникаций. Тем самым создается некоторое особое, актуальное пространство социальных и гуманитарных исследований *sic et nunc* –

идет ли речь об *истории идей* (как это в статье Н.И. Бирюкова «Проблема сознания в позднем советском марксизме»),

социально-исторической аксиологии петровского времени в истории России (статья Т.М. Пенской «Цена реформ...»),

практико-ориентированной *интеграции метасоциальных концептов* (статья С.И. Оспанова «Де/ре/про-онтологическая концепция социологии и социальной работы в социологическом контексте»),

структурах интерпретации жизнеописаний или *публицистики* (статьи А.И. Жиленкова «Типы биографизма в русской духовной литературе XVIII века», О.В. Сяминой «Семейный портрет: экзистенциальные контуры и культурные смыслы», А.П. Короченского «К вопросу о специфике жанровой системы испаноязычной периодики»),

библиологической реконструкции (статья В.М. Московкина, С.А. Моисеевой «Публикации об инкунабулах в открытом доступе Интернета»),

тематических лакунах гуманитарного исследования (аналитическое размышление В.В. Пенского «Тема без исследования»),

или, наконец, *экзистенции социально ангажированного мышления* (эссе и аналитические очерки О.В. Лина «Экзистенция социального: в городе кошек Лао Шэ», Е.Ю. Чистяковой «Движение brights: опыт рационального диалога о религии и морали Д. Деннета»).

Не стовариваясь, авторы разных интересов и направлений стремятся к эпистемологической искренности, к ясности высказывания, избегая крайностей какой бы то ни было познавательной партийности, или стилистико-эпистемологического энтузиазма. Публикуемые тексты в большинстве своем экзистенциально настроены или, как минимум, контридеологичны (боюсь показаться пристрастным, но все же скажу – самый рискованный из всех, резким образом, *ab ovo* междисциплинарный написан С.И. Оспановым, а самый исторически дерзкий, возвращающий нас в квазиметафизическое положение «между смыслами» – Н.И. Бирюковым). Если это общее настроение, которое все более распространяется в российских социально-гуманитарных разработках, то редколлегии остается только поздравить себя со своевременностью таким образом составившегося номера. Возможно, дело покамест заключается только в стечении обстоятельств; что же, хотелось бы это стечение упрочить. Давно уже известно, что наша познавательная область «противоестественна» (Л.Д. Ландау), или, по слову М.М. Бахтина, является областью «без подарков и гарантий». Мы менее зависимы от процедур беспощадной, обезличивающей верификации, мы избегаем «мыслить поверхностями», но тем чувствительнее наши исследования к установкам здравого смысла и умению не лгать самим себе, как бы ни было это трудно. Если эта книжка журнала будет способствовать проявлению и обновлению нашей профессиональной чуткости и профессионального здравого смысла, она не зря выходит в свет.

RESEARCHES

Nikolai I. Biryukov

THE ORIGINS OF CONSCIOUSNESS IN LATER SOVIET NEOMARXISM

Biryukov Nikolai Ivanovich,

PhD in Philosophy, Associate Professor

Moscow State Institute for International Relations (University);

76 Vernadskiy Ave., Moscow, 119454, Russia; *E-mail: nibiryukov@yandex.ru*

ABSTRACT

The article deals with a group of Soviet philosophers (active primarily in the 1960s and 1970s) who sought a non-dogmatic, innovative interpretation of Marxism. The key figures were Evald Ilyenkov (1924-1979), Felix Mikhailov (1930-2006) and Genrikh Batishchev (1932-1990). Drawing on the recently published writings of “early” Marx that dealt with subjects going beyond the official tenets of dialectical and historical materialism, they (1) attempted to reconsider the concept of the ideal, seeking to amend its status within the doctrine, (2) stressed the fundamental difference between the natural and the social and hence the irreducibility of the latter to the former, (3) emphasised activism as man’s essential quality; (4) and, first and foremost, came with an ingenious hypothesis of the origins of consciousness.

Consciousness was to them the product of communication mediated by the use of tools (collective work) that served as a kind of material (stone) “protoconcepts” symbolising both the relevant extrinsic properties of the objects of work and the relevant common practices, i. e. socialised properties, of workers. Insofar as they were instrumental in presenting the self in an objective form, tools, or rather the socialised use of them, proved crucial to the development of self-consciousness, differentiation between self and non-self, overcoming of the natural solipsist attitude and acquirement of objective knowledge, the latter allowing to transcend the limits of natural life and engage in free activity and creativity.

Key words: alienation; consciousness; ideal; praxis; Marxism.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Бирюков Н.И.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ПОЗДНЕМ СОВЕТСКОМ МАРКСИЗМЕ

Бирюков Николай Иванович, кандидат философских наук, доцент
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
E-mail: nibiryukov@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена группе советских философов, выступивших в 1960–1970-е годы с новаторской, недогматической интерпретацией марксизма. Ключевыми фигурами этой школы советской марксистской мысли были Эвальд Ильенков (1924-1979), Феликс Трофимов (1930-2006) и Генрих Батищев (1932-1990). Отталкиваясь от сочинений «раннего» Маркса, посвященных проблемам, выходящим за рамки официозного марксизма, они 1) подвергли переосмыслению категорию идеального с целью изменения ее статуса в философии марксизма; 2) подчеркивали сущностное отличие социального от природного, несводимость первого ко второму и 3) деятельностьную сущность человека; 4) выдвинули оригинальную гипотезу происхождения сознания.

Сознание понималось ими как продукт коллективного действия, опосредованного орудиями труда, которые выступают как своего рода материальные (каменные) «протопонятия», «отражающие», с одной стороны, объективные свойства предметов, на которые направлены коллективные трудовые усилия, с другой стороны, формы взаимодействия трудящихся, т. е. общественной практики. Представляя субъект действия (еще не осознанное «Я») в объективной форме, орудия труда, вернее, их коллективное использование, сыграли решающую роль в развитии самосознания, различении Я и не-Я, преодолении естественной солипсистской установки и обретении объективного знания, что, в свою очередь, сделало возможным выход за границы природного бытия в сферу свободного действия и творчества.

Ключевые слова: идеальное; марксизм; отчуждение; практика; сознание.

Introduction. The name used to identify the group of philosophers I am concerned with in this paper is, of course, controversial. Not only has it been applied earlier to various Western thinkers, such as Adorno and Marcuse or Djilas and even Sartre, with whom my men have little in common. Even more important is the fact that they would have strongly objected to being called Neomarxists themselves. For they doubtless considered themselves true though, by no means, dogmatic Marxists. However, they were not recognised as such by the Soviet philosophical establishment. To call them “Late Soviet Marxists” would be more adequate, perhaps, but for the risk of “dissolving” them in a multitude too amorphous to be meaningful.

Discovering “Early” Marx. Among other benefits of Khrushchev thaw of the late 1950s – early 1960s, less conspicuous, perhaps, but of lasting consequences, was reviviscence of creative philosophical thought. The privileged status of Marxism as the only true, and still the one officially permitted, ideology was preserved, to be sure, but this unrivalled and unchallenged *Weltanschauung* acquired new energetic followers – eager to exercise what they sincerely believed to be its creative potential and ready for its non-dogmatic, innovative interpretation. Their recognised leader was Evald Ilyenkov (1924-1979) whose *Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx’s Capital* (1960) [4] was seen as a major breakthrough, followed by *On Idols and Ideals* (1968) [2] and *The Dialectical Logic* (1974, reprinted 1984) [3]. Other key figures were Felix Mikhailov (1930-2006), author of *The Riddle of the Self* (1964) [10] and Genrikh Batishchev (1932-1990, the principal publication: *The Activistic Essence of Man as a Philosophical Principle*, 1969 [1]).

The ideological justification for their effort was the recently discovered “early” Marx of *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844* [5] and *The German Ideology* [7] (1845-46), to which were added *Economic Manuscripts of 1857-61* [8] (the so called original version of *Das Kapital*). These writings, first published in the 1930s or even as late as 1959 and hence unknown not only to the patriarchs of Russian Marxism Plekhanov and Lenin but even to the hitherto principal Soviet Marxist authority Stalin, dealt with subjects that appeared unconventional and even alien to the official tenets of dialectical and historical materialism, moreover – or worse still – already invoked by “bourgeois” or “revisionist” philosophers, such

as Existentialists and the Frankfurt school. Soviet Neomarxists welcomed them, nevertheless, as a singular insight into the origins of Marxism and an opportunity for its deeper understanding and better substantiation as well as its incorporation into the European humanist tradition.

Rehabilitation of the Ideal. The departure point of the new school was re-interpretation of the ideal. According to Ilyenkov, the ideal should not be (as “militant materialism” was inclined to do) belittled as an inferior “secondary” element. It is, essentially, the rational form of human activity and, as such, the principal concern and the fundamental problem of philosophy. The essential characteristic of human activity is man’s ability to adapt its behaviour to (“to act in accord” with) any “extraneous form”, moreover, “in accord” with this extraneous form’s potential changes. This ability is due to a unique human capacity that Ilyenkov called productive imagination. The latter is a capacity to operate not only with external objects (a faculty we share with animals), but also with their ideal models.

Insofar as such activity to be effective (successful) is to be “subdued” to the specific qualities of external objects, the ontological priority of being (matter) as the principal tenet of philosophical materialism remains unchallenged (not a minor point under Soviet circumstances), but consciousness is no longer seen as primarily a passive “reflection” of the external reality, but rather as a prerequisite and an instrument of reality’s transformation into forms it lacks in its initial (spontaneous, natural) state.

The Natural and the Social. In this way a new type of reality (being) emerges, which, although resting on a natural foundation, cannot be described in natural terms nor accounted for by natural laws alone. It were repeated attempts to reduce this transnatural reality to the purely natural that rendered pre-Marxist materialism easy prey to criticism by idealist philosophers. (Soviet Neomarxists were fond of citing Lenin on this point who once observed that “clever materialism”, by which he presumably meant his own version thereof, was closer to “clever idealism” than it was to “silly materialism”). The genius of Marx, they held, consisted in demonstrating in a comprehensive and convincing way that the newness of social novelties (both with regard to the natural and with regard to their own previous forms), i.e. their irreducibility to the already existing (the

“given”), was in principle compatible with them being objectively conditioned, i.e., in Marxist jargon, “material”. The key to this dialectical enigma was the concept of material production, which was broadly interpreted by Soviet Neomarxists as the objective material activity transforming the world, alias “practice”.

Activism as Man’s Essential Quality. *Practice* is another category of “early” Marx, central in his *Theses on Feuerbach* (1845, published 1888) [7] and critical for his understanding of man as a transnatural, historic being. With Neomarxists practice, in fact, replaces matter as the central philosophical category; it serves as a kind of substantia of the social, like pre-Marxist materialism saw matter as the substantia of the natural (though, strictly speaking, of course, substantia is a foreign term in Marxist vocabulary). Neomarxists treat practice as the materialist equivalent (“the rational kernel” as they style it) of Hegelian “identity of being and consciousness”. Though mediated by thought (“the ideal”), practice as the world-transforming activity is essentially material because it is, on the one hand, subject to objective laws of external reality and is, on the other hand, exercised in socially determined forms.

The Nature and Genesis of Consciousness. The capacity to be guided by the laws of some other nature and not just by the intrinsic laws of one’s own nature is the *differentia specifica* of human beings that distinguishes them from animals. For this to be possible, however, this extrinsic law must be *known* (whereas intrinsic laws require no mediation of knowledge to be effective). Knowledge and, more generally, consciousness are thus central to distinguishing between the social and the natural. This sounded suspiciously “idealistic”, but Neomarxists held (justly, it seems) that materialism would never be truly substantiated until it came with a convincing hypothesis of the origins of consciousness, considering Marxists’ uncompromising refusal to include the latter among the world’s “primary” elements that might be safely “taken for granted”.

Consciousness is, somewhat circularly (or should we rather say – dialectically), explained by Neomarxists in social or, to be more specific, in communicational terms, viz. as a product of communication mediated by specific external objects – *tools* (undeniably, a “legitimate” Marxist topic). For tools are essentially things molded to fit external reality: they would be useless unless they

“reflected” the relevant objective characteristics of the would-be “targets” (as would be futile, for example, to attempt to draw water in a sieve). In this they are a kind of “material (tangible) ideal”, “protoconcepts” in stone, or “words of the real-life language”, as Mikhailov puts it¹.

But tools, of course, are possessed of no consciousness of their own, no more so than printed words in a book. In human communication mediated by the use of tools, however (i.e. in collective work), the latter operate as double-faced signs: on the one hand, tools “represent” (“stand for”, “symbolise”) the objects they are used to modify, on the other hand, they “represent” the social practices, and with them the newly acquired socialised properties, of those who use them, including “the self”.

For the riddle of self is the riddle of reflection, of this peculiar capacity to view oneself as if from the outside, as if one were a different being. This is only possible if one can truly encounter oneself as something (or somebody) different from self, encounter something or somebody that is both self and non-self. This “dialectical” requirement is met by only one instance, viz. some other person (some other self) provided *his/her* activities are at the same time *my* activities. No one’s *natural* activities can, however, be also *my* activities, just like *my* natural activities can never be also someone else’s activities, even if the two are identical, for we cannot “represent” (“stand for”) each other in our natural functions: I would not get rid of *my* hunger and *my* thirst if somebody ate or drank in my stead, nor would anyone be able to beget (or carry) *my* children for me. And only *our mutual* activities mediated and “conditioned” by the use of an external thing different from but common to both my counterpart and myself result in a situation in which reflection and self-consciousness are possible.

The importance of self-consciousness lies in the fact that only insofar as I am conscious of myself, i.e. capable of distinguishing between self and non-self, can I also be cognisant of non-self, can apprehend the outer world as something that exists and is possessed of properties *in* and *for itself* and not just as a part or aspect of *my* subjective world. Self-consciousness is thus a necessary prerequisite for overcoming what might be called a natural solipsist attitude. Insofar as they

¹ See https://www.marxists.org/archive/mikhailov/works_riddle/riddle3b.htm

“reflect” objective properties of other things, “represent” them in forms different from the original ones (“idealised”), tools prove instrumental in the understanding of the objective world, too. And objective knowledge (“cognised necessity”) produces an entirely new situation: it allows to transcend the limits of natural life and makes free activity and creativity possible.

Alienation. For the majority of human beings, however, this freedom remains a remote or, worse still, a denied possibility. In class society the “transparency” of social relations is lost and people are subject to irrational external forces, only in this case social rather than natural. This enslavement of man by forces and circumstances created by himself is what Marx called “alienation”. Alienation deprives man of his superior capacities and his creative potential, reduces him

to the state of a mere appliance of that grand surplus-value producing machine society becomes under capitalism. It obliterates his unique talents in favour of standardised skills – very much like in market economy goods’ intrinsic qualities disappear in the abstract category of “value”.

Overcoming alienation is the primary goal at the present stage of human development. To become truly and fully free man must subdue social elements as he has subdued (to some extent) natural ones. This is to be achieved through understanding the laws of social reality (here Marx’s contribution was, presumably, decisive) and using this knowledge to establish a social order that would henceforth be under man’s conscious control (implying, to be sure, a Communist society). In this Ilyenkov and his collaborators remained quite orthodox, indeed.

REFERENCES:

1. Batischev, G. S. The Activity of Human Nature as a Philosophical Principle [Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskiy printsip]. *The Problem of Man in Contemporary Philosophy*. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 73-144 (in Russian).
2. Ilyenkov, E. V. About Idols and Ideals [Ob idolakh i idealakh]. Moscow: Politizdat, 1968. (in Russian).
3. Ilyenkov, E. V. *Dialectical Logic: Essays on Its History and Theory*. Moscow: Progress Publishers, 1977; recent publication: Delhi: Aakar Books, 2008; for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/ilyenkov/works/essays/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).
4. Ilyenkov, E. V. *The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Marx's Capital*. Moscow: Raduga Publishers, 1982; for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/ilyenkov/works/abstract/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).
5. Marx, K. *Economic & Philosophic Manuscripts of 1844* (Digireads.com, 2014); for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1844/manuscripts/preface.htm> (date of access: May 10, 2015).
6. Marx, K. *The Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 and the Communist Manifesto*. Prometheus Books, 1988.
7. Marx, K. & Engels, F. *The German Ideology, including Theses on Feuerbach*. Prometheus Books, 1998; for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1845/german-ideology/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).
8. Marx, K. & Engels, F. *Collected Works*, vol. 28-29 (International Publishers, 1986-1987); for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1857/grundrisse/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).
9. Marx, K. & Engels, F. *The German Ideology, including Theses on Feuerbach*. Prometheus Books, 1998; for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1845/theses/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).
10. Mikhailov, F. T. *The Riddle of the Self*. Moscow: Progress Publishers, 1980; for an online version, see: <https://www.marxists.org/archive/mikhailov/works/riddle/index.htm>. (date of access: May 10, 2015).

УДК 304:308:364

Оспанов С.И.

**ДЕ/РЕ/ПРО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В СОФИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Оспанов Сапар Имангалиевич, доктор философских наук, доцент
Казахский государственный женский педагогический университет,
ул. Айтеке би, 99, г. Алматы, 050000, Республика Казахстан
E-mail: Sapar49@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Качественное улучшение условий жизнедеятельности представителей социально незащищенных слоев и групп населения (ПНСГН) возможно путем особого подхода к ним. Условия, составляющие родовую основу жизнедеятельности человечества, представляют собой сущность общественного бытия. Они онтически (объективно) пребывают и обнаруживают себя в таких явлениях социального бытия живущего здесь-и-сейчас поколения, как: производственно-экономические, материально-технические, культурно-духовные, психолого-ментальные, даже архетипические и иные состояния и действия. Они в каждую эпоху осознаются и осмысливаются в характерных вербально-дискурсивных структурах. Их существенные, смыслонесущие опоры отливались в мудрости великих мыслителей, народного фольклора, сакрально-скрытом менталитете обычаев, традиций, в целом – в семантических сокровищах языкового бытия сознания. Они в единстве, по мнению автора, составляют софиологический контекст общественного, социального и индивидуального бытия и обеспечивают эпистемологический контур де/ре/про-онтологической концепции социологии и социальной работы.

Проблему качественного улучшения условий жизнедеятельности ПНСГН предлагается решить в перспективе онтологического обновления современных социально-познавательных практик скованного симулякрами научности (деонтологизированного) социального знания. Эта перспектива предполагает реонтологизацию, возрождение первичных ценностно-нормативных смыслов социальных понятий, их преобразующую фиксацию. Онтологическое обновление позволяет развить теорию социальной работы, возвысить ее из современного состояния комплекса дисциплин (СРКД), до продуктивного уровня системы дисциплин в научно-исследовательском и практическом планах.

Ключевые слова: де/ре/про-онтология; деонтология; герменевтика; мудрость общественного бытия; онаученное социальное бытие; онтология; проонтология; реонтология; экзистенциализм; феноменология.

UDC 304:308:364

*Sapar Ospanov***DE/RE/PRO-ONTOLOGICAL
CONCEPTION OF SOCIOLOGY
AND SOCIAL WORK
IN SOPHIOLOGICAL CONTEXT**

Ospanov Sapar Imangalievich, *Doctor of Philosophy, Associate Professor*
Kazakh State Women's Pedagogical University,
99 Aiteke-bi St., Almaty, 050000, The Republic of Kazakhstan
E-mail: Sapar49@mail.ru

ABSTRACT

The qualitative improvement of living conditions of *socially vulnerable segments of the population* (SVSP) is possible through a special approach. Conditions containing a generic basis of human activity are the essence of social life. They objectively dwell and find themselves in such phenomena of a social life of the “here and now” living generation, as industrial and economic, technical and cultural, spiritual, and psychological and mental, even archetypal, and other kinds of states and actions. In every age, they are understood and comprehended in the specific verbal and discursive structures. Their essential, sense-containing supports were founded in wisdom of great thinkers, in folklore, in a sacred, hidden mentality of traditions, in semantic treasures of a language being. In their unity, according to the author's opinion, they compose a sophiological context of a public, social and individual life and provide an epistemological contour of the de/re/pro-ontological conception of sociology and social work.

The problem of the qualitative improvement of SVSP living conditions is proposed to solve within the perspective of the ontological renewal of contemporary social and cognitive practices shackled by simulacra of a social knowledge scientific character. This perspective assumes the re-ontologization and the revival of the primary values and norms of social meanings. The ontological renewal allows to develop the theory of social work, to subtilize it from the current state of the disciplines complex (CSDC) to the productive level of the disciplines in the research and practical plans.

Key words: de/re/pro-ontology; deontology; hermeneutics; the wisdom of public life; scientific social existence; ontology; pro-ontology; re-ontology; existentialism; phenomenology.

Постановка проблемы. Современные демократические отношения, базирующиеся на рыночной экономике, содержат в себе сильный отголосок-рефрен времен монополистического капитализма, завуалированный в сфере социальной работы многократной аранжировкой под давлением новых требований либерализации, гуманизации и гармонизации общественных отношений и социальных взаимосвязей ПСНСГН с представителями иных социальных слоев и групп, а также с государственными структурами. Этим устойчивым рефреном является неустранимый принцип эгоистического индивидуализма, преследующего лишь свои материальные выгоды. Он стал даже юридической силой, которая диктует характер формирования и функционирования общественных отношений, социальных норм взаимоотношений и ценностей, мотивирующих поведение людей.

Во всем обществе он обнаруживает себя в диктате материально-финансовой алчности над духовно-культурными ценностями человечества. А в социальной работе в структуре общественных отношений (СРСО) он содержится в открытом или скрытом патерналистском менторстве государственного аппарата по отношению к ПСНСГН. Это эхом отдается в надменно-нахальных повседневных отношениях или эмпатических симулякрах опеки над ПСНСГН со стороны государства, различных филантропов, спонсоров, а отражением этого, в свою очередь, является стрессово-фрустрационная экзатика в субъективном мире значительной части ПСНСГН. Для социальной работы как комплекса дисциплин (СРКД) эта проблематика пока еще остается недоступной интеллигентной сферой теоретического осмысления и не измеряемыми сенсительными пластами для их эмпирических социологических исследований. Для осознания и решения этих проблем автор предлагает новую концептуальную теоретико-методологическую платформу – *де/ре/про-онтологическую базу*, способную раскрыть ракурс софиологического видения и принципа изучения в СРКД и практического возвышения качества структурно-функционального строя СРСО.

Автор выдвигает свою тему как титул новой научно-практической тематики СРКД. Она может служить импульсом для обсуж-

дения и определения научно-практических дискурсов по этой тематике.

Целевая задача работы – показать возможность и необходимость де/ре/про-онтологического обоснования онтолого-социологического доказательства возможных путей преодоления на софиологической основе изъянов косных деонтологических оснований современной СРКД и СРСО.

Философско-теоретический базис

Онтология – базовая теоретико-методологическая категория нашей тематики. Она нами берется в версии, которая обоснована М. Хайдеггером в его «фундаментальной онтологии сознания» и мыслится посредством синтетического единства феноменологического, герменевтического и экзистенциалистского подходов к бытию сознания [24, с. 34-39, 436; 26, с. 152; 27, с. 216-217]. Актуальная необходимость нашей концепции раскрыта на основе именно этих подходов. Они презентованы в нижеприведенных интерпретациях конспективно, согласно представляемой нами структуре сути и содержания нашей тематики.

Феноменология Э. Гуссерля опирается на такие понятия, как *жизненный мир* и *феноменологическая редукция*. Если человек воспринимает реальность как феномен, то он осмысливает ее суть и содержание исходя из своего жизненного опыта и накопленного им знания. Они составляют интеллектуальный остов жизненного мира человека – единственно действительного мира для него. Этот мир для него является важным не столько из эмпирического содержания действительности, сколько из его духовно-культурной ценности в историческом контексте.

Жизненный мир человека является и его субъективным миром. Ибо он складывается из содержания его индивидуальных социальных жизненных форм и из того смысла существования, который он определил для себя. Такое обдумывание и определение сути и смысла жизненного мира есть феноменологическая редукция. Даже абстрактные научные знания человеком воспринимаются через систему очевидности и каузальности, выстроенную посредством такой редукции. А в тех случаях, когда суть и смысл наиболее сложных явлений «не проходит» через сито такой системы, человек обращается к их первоначальным,

доопытным, донаучно-излагаемым основаниям. Тогда в силу вступают трансцендентные ценности культуры, морали, смысла жизни и существования, которые имеют место в социальной среде и/или в системе общественных отношений, в которых находится человек. Поэтому кризис морали в обществе отражается и в нравственном мире человека. Они имеют и силу долженствования: нравственные законы, обязанности, чувства долга могут стимулировать механизм самопринуждения личности. Они соизмеряются с понятиями пользы, интереса, цели [6, с. 548-552, 556-563, 601; 7, с. 741-743]. Такая структура и подобные механизмы функционирования бытия сознания по-особому, часто более обостренно, пульсируют в сфере сознания ПСНСГН.

Конкретный содержательный процесс развертывания феноменологической редукции на вербальном уровне осуществляется через язык и письменность. Для этой цели самым эффективным образом может служить такая теоретико-методологическая система истолкования бытия сознания как герменевтика.

Герменевтика в истории философии актуализировалась как учение о таинственном (сакральном) в священных текстах, в отличие от обыденного (профанного) представления о них. В Новое время она возродилась как анализ смыслового строя языка и речи как таковых. Герменевтика в онтологическом контексте развернулась как способ и средство усиления и углубления понимания жизни, жизненного мира личности. В письменности и речи она выясняет особенности и взаимосвязанность исторического и культурного, духовного, интуитивного и интеллектуального, вчувствования и переживания в жизни. Герменевтический подход, своего рода «алгоритм» глубокого понимания речи предполагает: 1) выяснение непосредственного *содержания* самих слов и звуков; 2) определение *значения* речи, 3) раскрытие «*души говорящего*» и 4) *истолкование* их системно-целостно. Такие толкования могут иметь индивидуальное, социальное (родовое), общественное и историческое значения.

Х.-Г. Гадамер предложил в *интерпретацию текста* (речи) включить особенности бытия самого интерпретирующего, а также ту *фоновую ситуацию*, при которой она осуществляется. Даже отдаленные *историче-*

ские факты обретают жизнь, благодаря той точке зрения, с которой их нам показывает интерпретатор. Основанием, которое объединяет историческое с индивидуальным в интерпретации, является первоначальная сила смысла традиций, какой обладает предание. Оно направляет интерпретацию. И в конце мы получаем определенный ответ, доказывающий эту силу. Как считает Гадамер, текст или речь другого мы понимаем не лучше, чем автор, а – иначе. Только романтизм претендовал на окончательную истину и считал, что мы понимаем текст лучше, чем его автор. Между тем, интенсивность и направленность авторского понимания связаны с тем, что и самому автору доступно и подвластно лишь отчасти: переживания, глубинные условия целеполагания и др. Аутентичное понимание их во многом для нас закрыто, заслонено теми обстоятельствами, которые формируют специфику нашего жизненного мира, о которой никак не мог подозревать автор текста [5, с. 110, 337-339, 348-355].

П. Рикер герменевтическую феноменологию дополнил религиозным и иными опытами мировоззрения, понимания смысла и значения мифов, включая даже то, что означается понятием «греховность». Он предлагал в этот анализ включать и интерпретацию символов таких сфер бытия реальности и сознания, как космическое, онирическое (смысл сновидения), поэтическое [21, с. 18-21, 34, 39-40, 87, 97-110, 281 и др.].

Таким образом, герменевтика анализирует содержательную структуру бытия сознания. Она помогает приближаться к содержательному строю сознания, механизму мышления и *экзистенциального* осмысления собственной судьбы, своего места в социальной структуре. Человек находится в системе конкретных временных условий, связанных с такими экзистенциалами, как деятельность, искание, напряжение и ожидание. Эти условия ограничены конкретными, не зависящими от воли субъекта, историческими рамками. Временность, историчность и ситуационность жизни человека порождают в нем чувство его «брошенности» в этот мир. Из них вырастают модусы содержания его «бытия-в-мире». Они формируют глубочайшие тайны экзистенции. Они обуславливают выход человека в сферу

символов и мифопоэтических трансцендентов. Свобода, согласно экзистенциализму, должна быть понята исходя из экзистенции. Экзистенция выражается в «направленности-на» (М. Хайдеггер), в поиске свободы в Боге (К. Ясперс) [28, с. 481, 490-502].

Экзистенциализм вникает в сущностные и значимые структуры социальной ситуации через осмысление внутреннего мира человека. В том числе таких индивидов, которыми являются ПСНСГН. Однако из-за абстрактности его категориального аппарата дискурсы экзистенциализма не всегда являются адекватными логическими средствами для проведения эмпирического социологического исследования в сфере СРКД. Ибо они не совпадают с социолингвистической структурой и содержанием лексикона конкретных индивидов и дискурсом их миропонимания. Для них наиболее аутентична и духовно интимна содержательная структура философии жизни.

Если *онтология* раскрывает всеобщее основание такой человеческой способности как «сознание» в целом и как таковой, то *философия жизни* непосредственным образом выясняет структуру, состояние «мышления» – реальное и содержательное функционирование, точнее, «живую жизнь сознания». Философия жизни идет дальше экзистенциального понимания жизни как жизни сознания, обнаруживающего себя в некоторой текучей субстанциальности, в предельных отношениях «жизнь и смерть», «смысл жизни», «брошенность» и т. д. Философия жизни к сознанию подходит с позиции его содержания, осмысливая живые потребности «глубин души».

Как пишет Г. Риккерт, «жизнь объявляется собственной “сущностью” мира и в то же время органом его познания. Сама жизнь должна из самой себя философствовать без помощи других понятий, [выделено мной. – С.О.] и такая философия должна будет непосредственно переживаться» [22, с. 275]. Человек, связывая свое состояние с обществом, социальной и исторической целокупностью человечества, совершенствует свой философский дух, поведение, действие и культуру, осознает таким образом свою причастность к характеру наций и эпохе (В. Дильтей) [9, с. 27, 38-39, 58-59, 94; 10, с. 69, 115, 126, 138-139, 142]. Г. Зиммель указывал, что философия жизни с помощью интеллекта исследовате-

ля «разрывает» синтетическую целостность личности, жизни и вещи и превращает их в инструменты познания и преобразования их [13, с. 16-20, 25-26, 141, 514-516]. Содержательный строй философии жизни следует не догматически рациональной, а «витальной» жизненной логике – той, что оседает в структурах естественной, обычной речи: в поговорках, пословицах, изречениях мудрецов различных эпох и народов.

Все эти смыслообразующие компоненты философии жизни связаны с культурным, духовным, ценностным, психологическим и иными, в т. ч. и психическими аспектами социологических исследований и, в частности, с проблемами жизнедеятельности клиентов социальной работы. Они могут послужить и важными денотатами для операциональных определений основных понятий и эмпирических интерпретаций показателей и индикаторов социологических исследований проблем клиентов социальной работы. Социологические методы исследования могут помочь раскрыть не только аналитическую редукцию самого ученого из СРКД, но и редукционистский тип осмысления того, о чем ведут разговор ученые, с позиции клиентов социальной работы. Их следует осмысливать на основе феноменологической редукции; это есть основа и путь осмысления и построения онтологической концепции СРКД.

М. Хайдеггер конечной точкой феноменологического движения видел возвращение «к самим вещам», завершение всякой метафизики, в том числе и претендующего на окончательность догматического, картезианского рационализма¹. Эти «вещи» коренятся в са-

¹ Хайдеггер пишет: «Декартовское истолкование сущего и истины впервые создает предпосылку для возможности гносеологии или метафизики познания. <...> Однако голая картезианская схоластика с ее рационализмом утрачивает всякую силу для дальнейшего формирования Нового времени. С Декарта начинается завершение западной метафизики. <...> С истолкованием человека как субъекта Декарт создает метафизическую предпосылку для будущей антропологии всех видов и направлений. <...> Благодаря антропологии начинается переход метафизики в процесс элементарного прекращения и оставления всякой философии» [25, с. 54]. Об этом же пишет и Гуссерль, см.: [6, с. 550-558].

мой реальности и, как модусы единого бытия, по-разному осмысливаются в рамках онаученной (т. е. рационально-логической и дискурсивно дефиницированной и валидизированной) онтологии. В рамках нашей тематики единым и глубоким основанием для частных тем, подходов и исследований СРКД, с учетом познавательного продуктивных подходов философии жизни, может и должна служить мудрость, *σοφία*, – то, что потеряно в тематической структуре западной философии.

Первичная софиология¹

Онтологическая основа, которая, по нашему убеждению, может служить платформой для построения де/ре/про-онтологической концепции СРКД, заключается в обновлении понимания мудрости как таковой. При этом мудрость мы предлагаем понимать не только как мудрость отдельного индивида, как это было принято всегда и почти везде, но и как мудрость общного человеческого бытия – то, что в казахском языке проявляется через две дополняющие друг друга речевые формы: *халық даналығы*, народная мудрость, мудрость людей, и *адамзат кемеңгерлігі*, мудрость человечества, общественная мудрость. Следует преодолевать традиционное представление о мудрости только лишь как об индивидуальном качестве². Только тогда можно преодолеть многие барьеры, которые существуют между ПНСГН и теми, кто к ним не относится.

Мудрость замечается и становится особым условием познания в первичной исторической ситуации любомудрия, целостного философского опыта. Однако после Аристо-

теля научно корректное знание и мудрость переосмысливаются и различаются чаще всего как логическая форма и этическая добродетель [3, с. 67, 102; 4, с. 179; 2, с. 334]. Средневековая инквизиция во имя защиты священности и незыблемости божественной мудрости совершала гонения на сторонников новых научных открытий. Философы-теисты и дейсты, соглашаясь с божественной мудростью, оставляли без внимания суть, смысл и социально-общественную необходимость мудрости как таковой. В эпоху дуализма и двойственного понимания истины философские размышления шли, каждый раз очерчивая себе круги из однозначно определенных научных и/или эпистемологических понятий, терминов, формул, схем и т. п., подобные кругу-оберегу от злых сил, к которому общался Фома в гоголевском «Вие». В трудах Р. Декарта такой тип философствования получил свою рационально-логическую систему координат. Философское мышление приобрело начальную «мертвую», «нулевую точку» «чистой доски» – принцип *cogito ergo sum*. Декарт, создав таким образом догматическую предпосылку в мышлении, замкнул философское мышление на нем самом. Начиная с эпохи Просвещения, вопрос о мудрости вообще был оставлен в распоряжении герменевтики священных писаний. В философских энциклопедиях и словарях советского периода вообще не было специальной статьи о «мудрости». Вместе с тем, все настоятельнее потребность, возвращаясь «к самим вещам», вернуться и к первичной полноте жизненных понятий, обращая внимание на «мудрость» как одно из ключевых.

В восточной интеллектуальной традиции, исследование которой интенсифицировалось в философии жизни, мы встречаем особое понимание мудрости, ее исторических корней. Лао-Цзы, как и многие другие восточные философы, мудрецов называет жизненно уместными, как бы растворенными в самой жизни делателями добра. По его определению, «высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и ничему не противоборствует» [16, с. 189]. Понимание социальной реальности или конкретного индивида должно быть адекватным самой действительности: сам человек, со всеми его культурными,

¹ Здесь термин «софиология» используется в своем основном этимологическом смысле и не соотносится содержательно с тем его пониманием, которое имело место в истории философии и учений о духовности, особенно в русской философии XIX-XX вв.

² Например, А. Конт-Спонвиль и Л. Ферри в книге «Мудрость современности. Десять вопросов нашего времени» очень долго рассматривая проблему о мудрости, в конечном счете приходят к выводу, что мудрость возможна лишь в цивилизованном обществе, в духовности и т. п. [15, с. 546, 578, 594]. Тем самым отрицается ценность древней мудрости; ее социально-историческая укорененность. Далай-Лама и П. Экман [8] мудрость находят в психологическом равновесии и тем самым девербализуют и десоциализируют ее, не признают самоценность общественной мудрости.

духовными, ментальными, психологическими, даже психическими особенностями, воспринимается максимально аутентично тогда, когда он берется в неразрывном единстве с его конкретной этносоциальной средой (со своими верованиями, обычаями и традициями, реалиями архетипического или ценностно-нормативного порядка). Структурным средоточием социальной реальности является ее нравственно-политический и правовой порядок, соблюдаемый государственным аппаратом всех уровней. Жизненность социальной среды ПСНСГН есть первая ключевая забота мудрых правителей, – то, о чем они должны хлопотать как «вода» – поступая незаметно, поддерживая жизненные контуры реальности таким образом, чтобы потребности ПСНСГН были бы удовлетворены без всяких сложностей, рогатин, сит и т. п. «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает», говорил тот же Лао-Цзы [16, с. 188].

Мудрость в ее целостном понимании не есть предмет исключительно рационального выбора; она не вместима, в частности, в тот деонтологический тип мышления, который является основой современного проевропейского или, точнее, прозападного государственного и правового сознания, в котором обоснование юридических действий и контуров юридических систем, принимаемых государственных решений и создаваемых структур совершается в рамках картезианской рациональной догматики. Исторические истоки формирования такого типа мышления обдумывал еще Дж. Бентам, применив к нему термин «деонтология»¹, указав тем самым на его особый утилитарный статус (на то, что выгода, удовольствие и первичные переживания добра и счастья являются ценностно-нормативными условиями деонтологического типа мышления). Политико-правовые структуры в этом типе

¹ Термин «деонтология» был введен в науку Дж. Бентамом в работе «Деонтология, или наука о морали» (Deontology or The Science of Morality. V. 1-2. 1834). Его значение в педагогике он развил в своей «Хрестоматии» (Chrestomathia. 1816).

мышления легко переинтерпретируются, а в крайних ситуациях принимают вид познавательных мнимостей, симулякров и т. п.

Эпистемологические контуры

Актуальные смыслы жизненных ситуаций, взаимоотношений между различными ПСНСГН и государственными структурами в настоящее время определяются деонтологически. Понимая деонтологические предпочтения, которые лежат в основании политико-правовых вариантов решения проблем социальной защиты, следует многогранно и многослойно изучать их с позиции самих ПСНСГН. Уточнение постдеонтологических перспектив в области социальной защиты требует изучения *жизненных оснований социальных норм и ценностей – духовно-ментальных начал традиций и обычаев*, которые придают им *жизненный смысл и историческую значимость*. Такое изучение предмета и объекта СРКД еще только предстоит реализовать.

Субъективный мир ПСНСГН в настоящее время изучается дифференцированно, как различные объекты частных дисциплин, входящих в СРКД. Выдвигаемая нами *реонтологическая* концепция направлена к такому основанию, которая объединяет их. Сознание индивида (в т. ч. клиента социальной работы) всегда есть живая социальная данность; состояние мудрости индивида пульсирует в симбиозе с мудростью социального бытия, проявляется в той социальной среде, в которой находятся ПСНСГН, и вербализуется в рамках СРКД. При этом следует специально осмысливать и устанавливать реальные содержательные параметры мудрости ПСНСГН. Особенно важно понять и опознать уровень акме (зрелости) мысли различных категорий ПСНСГН в реальных социальных условиях и возможностях.

Каждое поколение человечества вырабатывало эффективные способы, пути, средства совершенствования жизнедеятельности. Формировался и преобразовывался архетипно-ментальный каркас мудрости социальных взаимоотношений и связей, сохраняясь и проявляясь в ценностно-нормативном строе обычаев, традиций и ритуалов. На основе такой мудрости возникала мудрость отдельных социальных образований – на уровнях локальных общностей, эт-

**ДЕ/РЕ/ПРО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОФИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

нических групп, государств, в конце концов, всего живого поколения людей настоящего времени в целом.

Рассуждая в обратном порядке, можно сказать так. Мудрость *отдельного мудреца* отражает сущностное значение смысла *мудрости социального бытия* людей. Она формируется на основе *мудрости общественно-го бытия* человечества в целом. Иначе говоря, значимость мудрости мудреца определяется тем, насколько она отражает и усиливает ценность мудрости социального бытия людей. В свою очередь, основа и степень социальной мудрости жизнедеятельности живого поколения человечества определяется тем, насколько она отражает и реализует лучшие основы, аспекты, формы, ценности и нормы общественной мудрости всего человечества.

Категоризация

Основные понятия, смысловой строй и практически значимое содержание *де/ре/про-онтологической концепции* могут быть представлены следующим образом.

Онтология – познавательная установка, которая помогает раскрыть смысловые контексты социального бытия и контекст инновационной реорганизации содержания теоретико-методологического строя СРКД.

Деонтология – тип мышления, сформированный под влиянием светского просвещения, научно-позитивно-эмпирического знания и либерально-демократической идеологии, этики и педагогики.

Реонтология – концептуальный термин, который предлагается мною для выражения потребности реанимации традиционных норм и ценностей, и включения их в современную жизнь на основе раскрытия вневременной глубины мудрости социального бытия людей (в пределах нашей темы – для повышения качества социальной работы).

Проонтология – концептуальный термин, также предлагаемый мною для уточнения социальной целесообразности реонтологической потребности – понимания того, для каких целей будущего общества и каким образом развивать сознание подрастающего поколения, духовно-интеллектуальную субструктуру социального бытия в целом (в рамках СРКД у ПСНСГН).

Де/ре/про-онтология – понятие, выражающее единство прошлого, настоящего и

будущего онтологических процессов на основе их изначального гуманистического потенциала, наполненного смысловыми коннотациями традиционных норм и ценностей *для того, чтобы в будущем ограничить и преодолеть дисгармонизирующие последствия односторонней деонтологии по отношению к мудрости социального бытия.*

Мудрость социального бытия (адамзат кемеңгерлігі) – наиндивидуальное, исторически сложившееся в традиционных обликах (традициях, обычаях и т. п.) живое общечеловеческое познавательное целое, существующее в гуманных контекстах совместной жизнедеятельности людей всех времен. Она диалогична по отношению к народной мудрости (*халық даналығы*), экзистенциально наполнена и может быть представлена в познавательных формах философии жизни. В этико-познавательном смысле контекст мудрости социального бытия более адекватен модусу «быть», чем «иметь» (или «знать», «имея») [21].

Онаученное социальное бытие – деонтологизированное единство социального бытия людей. В модусах онаученного социального бытия (жизнь, свобода, труд, игра, творчество, общение, любовь, смерть) доминирует этико-познавательный смысл обладания; ценностно-нормативное состояние «иметь» предпочитается состоянию «быть»¹.

Заключительная апология

Отрицательные последствия деонтологизации общества обнаруживаются в том, что «сами вещи» становятся недоступными для понимания, ускользают и прячутся за симулякрами неистового «вещизма». Рациональная деонтология стала своего рода типологическим условием исторически иррациональных атак на гомеостатические возможности природы и проявилась в политических стремлениях к господству одних государств над другими. Мировые войны XX в., экологические и материально-финансовые издержки холодной войны, перепроизводства, техногенные эпидемии и т. п. были и остаются доказательствами узости, смертоносности различных монстров деонтологизма.

На этом общем фоне выделяются собственно онтологические проблемы СРКД и СРСОО.

¹ См., напр.: [14].

**ДЕ/РЕ/ПРО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОФИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

1. Социологическая наука по своей теоретической базе, методологическим возможностям и методическим средствам имеет наиболее универсальную природу. В силу этого она может быть адаптирована, растворена в сфере различных общественных, социальных и гуманитарных наук. Как следствие этого, в сфере частных наук имеются свои социологические разделы или направления (например, экономическая социология, социология культуры и т. д. и т. п.). Поэтому смелое и широкое использование социологии в сфере изучения и управления социальными проблемами ПСНСГН является самой неотложной проблемой СРКД¹.

2. Для развертывания реонтологического аспекта (раздела) нашей тематики следует обращаться к исследовательским прообразам, богатым историко-генетическим истокам СРСОО [см., напр.: 1].

3. Для проведения про-онтологических исследований требуется переосмыслить ключевые содержательные аспекты и эпистемологические структуры современных теорий и методик СРКД. В частности, экзистенциально напряженные и социологически измеряемые аспекты и перспективы социальной работы можно раскрыть через призмы различных «очков», которые эпистемологически сконструированы М. Доэлом и С. Шадлоу [11, с. 37-44]. Эти «очки» могут быть «надеты» на восприятие как самих ПСНСГН, так и использоваться персонально ответственными работниками различных государственных организаций, непосредственно или опосредованно отвечающими за решение проблем клиентов социальной работы. Если на эти очки ставить «линзы де/ре/про-онтологии», то можно усмотреть спектр проблем СРСОО и СРКД. Онтологические проблемы социальной работы в целом уже находятся в поле исследователь-

ского внимания². Особым является вопрос о сопоставлении, возможных реструктуризациях с ними предлагаемой концепции.

4. Утилитаризм, позитивизм, либеральный демократизм, коммунизм и другие деонтологически ориентированные учения (с их маршевым гимном разрушения всего до самых оснований и рационального построения нового мира) привели к деструкции традиционных основ социальных систем. Еще в свое время К. Маркс предвидел разрушительные последствия оголтелой деонтологии Дж. Бентама и отрицательно отзывался о ней [18, с. 624].

5. Наиболее важные смыслы предлагаемой концепции задаются пониманием живого единства социального сознания, которое является в некотором ансамбле индивидуальных и неповторимых проявлений, у каждого – по-своему. Одним из всеобщих, общечеловеческих оснований такого понимания может стать мудрость, в ее первично-познавательном, целостном смысле.

6. Категория мудрости обеспечивает целостное понимание проблем СРКД в исторической динамике «прошлого – настоящего – будущего». Предметное содержание мудрости на теоретическом уровне соразмерно предметно-объектной области СРКД; только так можно подняться до общетеоретического уровня СРКД. СРКД, тем самым, приобретает масштабный теоретический ракурс для понимания методологических и отраслевых составляющих этой науки. Такая теоретическая база послужит для подготовки и проведения исследований социологических проблем СРКД в прикладном аспекте наиболее эффективным образом, как для науки, так и для практики общественной и индивидуальной жизни.

Хотелось бы думать, что *замысел*, положенный в основу представленной концепции, найдет новые подтверждения в междисциплинарных социальных исследованиях и сослужит свою службу в теоретико-методологической разработке проблем теории социальной работы.

¹ П.Д. Павленок социологическую науку рассматривает как самое важное условие возможности становления социальной работы как самостоятельной науки. См.: [20]. В одном из серьезных учебников по социальной работе приводится программа курса «Социологические методы и техника изучения социальной работы», который включает 18 тем. См.: [19].

² М.А. Лыгина из важнейших факторов предметного самоопределения теории и практики социальной работы на первое место ставит «принцип онтологического приоритета общественных интересов перед личностными» [17, с. 6].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антология социальной работы. В 5 тт. / Сост. М.В. Фирсов. М.: Сварогъ – НВФ СПТ. 1994-1995.
2. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 295-374.
3. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1984. С. 65-367.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. С. 53-294.
5. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. ... Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 543-624.
7. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. ... Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. С. 667-743.
8. Далай-лама, Экман, П. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия. Пер. с англ. В. Кузина. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
9. Дильтей, В. Описательная психология. Изд. 2-е. СПб: Алетейя, 1996. 160 с.
10. Дильтей, В. Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 159 с.
11. Доэл М., Шадлоу С. Практика социальной работы. Пер. с англ. яз. под ред. Б.Ю. Шапиро. М.: АО «Аспект Пресс», 1995. 236 с.
12. Дьюи, Д. Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997. 208 с.
13. Зиммель, Г. Созерцание жизни // Зиммель, Г. Избранное. В 2 томах. Т. 2. М.: Юристъ, 1996. 607 с.
14. Калинин, И.В. Модусы человеческого существования как фундамент для построения ценностно-потребностной модели субъекта управления // Мир психологии. 2008. № 4. С. 189-201.
15. Конт-Спонвиль, А., Ферри, Л. Мудрость современности. Десять вопросов нашего времени. Пер. с франц. под ред. А.М. Руткевича. М.: РУДН, 2009. 604 с.
16. Лао-Цзы // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1. Философия древности и средневековья. М.: Мысль, 1969. С. 181-189.
17. Лыгина, М.А. Философские основания теории социальной работы. Автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.11. Санкт-Петербург, 2011. 44 с.
18. Маркс, К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 908 с.
19. Основы социальной работы: учебник. Отв. ред. П.Д. Павленок. 3-е изд. испр. и доп. М.: ИНФРА – М, 2007. 560 с.
20. Павленок, П.Д. Социология социальной работы: Монография. М.: ГОУВПО «МГУС», 2005. 140 с.
21. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. 411 с.
22. Риккерт, Г. Философия жизни. К.: Ника-Центр, 1998. 512 с.
23. Фромм, Э. Человек для себя. Иметь или быть? Мн.: Изд. В. П. Ильин, 1997. 416 с.
24. Хайдеггер, М. Бытие и время. М.: AD MARGINEM, 1997. 451 с.
25. Хайдеггер, М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41-63.
26. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 63-176.
27. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192-220.
28. Ясперс, К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 419-508.

REFERENCES:

1. *Anthology of Social Work*. In 5 vols. Comp. by M. V. Firsov. Moscow: Svarog – NVF SPT. 1994-1995.
2. Aristotle. *Magna Moralia. Works at 4 t.* Т. 4. Moscow: Mysl', 1984. Pp. 295-374.
3. Aristotle. *Метафизика. Works at 4 t.* Т. 1. Moscow: Mysl', 1984. Pp. 65-367.
4. Aristotle. *Nicomachean Ethics. Works at 4 t.* Т. 4. Moscow: Mysl', 1984. Pp. 53-294.
5. Gadamer, H.-G. *Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
6. Husserl, E. *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Logical Investigations. Cartesian thinking...* Minsk: Kharvest, Moscow: AST, 2000. Pp. 543-624.
7. Husserl, E. *Philosophy as a Rigorous Science Logical Investigations. Cartesian thinking...* Minsk: Kharvest, Moscow: AST, 2000. Pp. 667-743.
8. The Dalai Lama and Ekman, P. *Wisdom of the East and the West. Psychology of balance*. St. Petersburg: Piter, 2010. 334 p.
9. Dilthey, W. *Descriptive Psychology*. 2nd ed. St. Petersburg: Aletheia, 1996. 160 p.
10. Dilthey, W. *The essence of the philosophy*. Moscow: Intrada, 2001. 159 p.
11. Doel, M. Shadlou, S. *Practice of Social Work*. Moscow: "Aspekt-press", 1995. 236 p. (In Russ.)
12. Dewey, J. *Psychology and Pedagogy of Thinking*. Moscow: Sovershenstvo, 1997. 208 p.
13. Simmel, G. *Contemplation of Life. Selected*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Yurist, 1996. 607 p.
14. Kalinin, I.V. *The Modes of Human Existence as the Foundation for Building Value-need Models of Subject of Management. Mir psikhologii*. № 4. 2008. Pp. 189-201.
15. Comte-Sponville, A. and Ferry, L. *The Wisdom of Our Time. Ten Issues of Our Time*. Moscow: RUDN, 2009. 604 p.
16. Lao Tzu. *Anthology of World Philosophy*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1969. Pp. 181-189.
17. Lygina, M.A. *Philosophical Foundations of Social Work*. Abstract of Thesis ... Doctor of Philosophy: 09.00.11. Saint Petersburg, 2011. 44 p.
18. Marx, K. *Capital. K. Marx and F. Engels, Works*. 2nd ed. Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 908 p.
19. *Basics of Social Work: a textbook*. Ed. By P.D. Pavlenok. 3rd ed. Moscow: INFRA – M, 2007. 560 p.
20. Pavlenok, P.D. *Sociology of Social Work*. Moscow: GOUVPO «MGUS», 2005. 140 p.
21. Ricoeur, P. *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: «Academia-Tsentr», «Medium», 1995. 411 p.
22. Rickert, H. *Philosophy of Life*. Kiev: Nika-Tsentr, 1998. 512 p.
23. Fromm, E. *Man for Himself. To Have or to Be?* Minsk: Izd. V. P. Ilyin, 1997. 416 p.
24. Heidegger, M. *Being and Time*. Moscow: AD MARGINEM, 1997. 451 p.
25. Heidegger, M. *The Age of the World Picture. Time and Being. Articles and speeches*. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41-63.
26. Heidegger, M. *European nihilism. Time and Being. Articles and speeches*. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 63-176.
27. Heidegger, M. *Letter on Humanism. Time and Being. Articles and speeches*. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 192-220.
28. Jaspers, K. *Philosophical Belief. Meaning and Purpose of History*. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 419-508.

УДК 82.01/09:821.134

Короченский А.П.

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ
ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ
ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ**

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: korochensky@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлена характеристика жанровой системы испаноязычной периодической печати, способствующая выявлению ее своеобразия. Автор исходил из наличия в жанровом комплексе прессы Испании и испаноязычных стран Латинской Америки как элементов тождества с аналогичными комплексами в периодике других государств, так и признаков существенного различия. Выявление своеобразия жанровой системы испаноязычной периодики осуществлялось на основе поиска ее историко-культурных истоков и применения компаративного подхода, через сравнение классификаций жанров в работах представителей различных исследовательских школ, а также практического жанроприменения.

Ключевые слова: периодическая печать; жанровая система; Латинская Америка; Испания; национальные школы журналистики.

UDC 82.01/09:821.134

*Alexander P. Korochensky***REVISITING THE SPECIFIC SYSTEM
OF GENRES IN HISPANIC
PERIODICALS**

Korochensky Alexander Petrovich, *Doctor of Philology, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: korochensky@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article presents the characteristics of Spanish-language periodicals genre which helps to identify its originality. The author proceeds from the presence of the elements of identity with similar complexes in other states periodicals, as well as characteristics of a significant difference in the press genre of Spain and Spanish-speaking countries of Latin America. In the study the revealing identity genre of Spanish-language periodicals is based on the search for its historical and cultural origins and the use of comparative approach to genre classifications in the works of the representatives of various research schools, as well as practical genre application.

Key words: periodicals; system of genres; Latin America; Spain; national traditions in journalism.

Изучение своеобразия различных национальных школ журналистики представляется чрезвычайно актуальной научной задачей в условиях современного глобализирующегося мира, в контексте широкого распространения унифицированных форм журналистского творчества. Несовпадения в жанровых системах журналистики в различных регионах мира, включая Испанию и испаноязычные государства Латинской Америки, требуют исследования, позволяющего выявить специфику национальных школ журналистики в этих странах.

Сегодня на фоне широкого распространения англо-американских журналистских стандартов, представляемых в качестве единственно верных образцов профессиональной деятельности работников печатной и электронной прессы, наблюдаются попытки полного игнорирования национального своеобразия журналистики различных стран и регионов мира. Однако такое своеобразие существует, о чем свидетельствует, в частности специфика жанровых форм, которые используются журналистами, представляющими иберо-американскую школу журналистики.

Выявление своеобразия жанровой системы, сформированной в рамках той или иной национальной школы журналистики, может осуществляться как по линии изучения исторических истоков специфики сложившихся жанровых форм и их классификаций, так и через сопоставление с системами жанров, сформировавшимися в контексте иных журналистских школ. В данной работе с целью выявления первопричин своеобразия жанров иберо-американской периодики использован исторический подход: рассмотрено воздействие историко-культурных факторов на генезис и развитие жанровых форм периодической печати в Испании и странах Латинской Америки.

Основу методологии исследования формирует также компаративный подход, который позволяет выявить сходства и различия в общем наборе жанровых форм, которыми оперирует журналистика в различных странах мира, объединенных как общими историческими судьбами, так и родственным культурным наследием. К числу таких стран

относятся Испания и испаноязычные страны Центральной и Южной Америки – в прошлом испанские колонии, испытывавшие существенное культурное влияние со стороны бывшей метрополии. Осуществляется сравнение классификаций жанров в работах представителей различных национальных исследовательских школ, а также сравнительное изучение практического жанроприменения, выявляющего элементы своеобразия.

На историческом формировании жанров испаноязычной журналистики сказались три основных фактора, определивших ее национальное своеобразие. Первым из них является *влияние испанской дожурналистской летописной и литературной традиции*. В XVIII-XIX вв. развитие специфичной жанровой системы испаноязычной периодики было связано также с *воздействием французской школы журналистики*, проявившимся на протяжении всего века, когда Франция была полюсом культурного притяжения не только для прогрессивно мыслящих испанцев, но и для многих жителей латиноамериканских стран. Современный жанровый комплекс испаноязычной журналистики сформировался значительно позже, уже в XX в. В начале XX в. в Испании и Латинской Америке проявилось *влияние англо-американской школы «фактуальной» журналистики*, нашедшее отражение, в частности, в распространении жанров репортажа и интервью, оформившихся в газетной периодике США и Англии в историческом промежутке между 1870 и 1914 гг. Это влияние, усилившееся после первой мировой войны в связи с углублением коммерциализации журналистики, представляет собой еще один фактор, определивший своеобразие современной жанровой системы испаноязычной периодики [1, с. 195-200].

В работах испаноязычных исследователей, как правило, нет четких дефиниций понятия «журналистские жанры», однако представлены их разнообразные классификации. Даже беглое сопоставление описаний жанровых систем российской журналистики и испаноязычной периодической печати выявляет существенные различия. Они проявляются в наборе понятий, используемых испанскими и латиноамериканскими тео-

ретиками и практиками журналистики, что особенно явно просматривается при сопоставлении иберо-американских и российских классификаций жанров. Их сравнение выявляет признаки несовпадения как на уровне дефиниции отдельных жанров, так и целых жанровых групп.

Различия проявляются, в частности, и в несовпадении содержания одних и тех же понятий, используемых в России и в испаноязычных странах. Так, например, хроника в российской традиции определяется как краткая жанровая форма новостной журналистики, в то время как хроника (*la crónica*) в испаноязычной журналистике представлена беллетризированным жанром высшей степени сложности.

Исторически сложившаяся система жанров испаноязычной периодики имеет специфику, отраженную как в журналистской практике, так и в теоретических воззрениях испанских и латиноамериканских исследователей на жанры периодической печати и их классификацию. Так, при характеристике жанрового диапазона публицистических произведений в латиноамериканской прессе кубинский исследователь Р. Фернандес Ретамар оперирует понятиями и терминами, отсутствующими в работах российских теоретиков и в отечественной журналистской практике: критика (*la crítica*), свидетельство (*el testimonio*), этопея (*la etopeya*) [3, p. 17-18].

Эти и другие проявления специфичности не позволяют применять в полной мере принятую в России классификацию при характеристике системы жанров и жанрового своеобразия испаноязычной периодики, так как при этом не достигается адекватность жанровой характеристики произведений. При значительной степени сходства в характеристиках и классификации большинства информационных жанров (репортажа, интервью, информационной заметки) и аналитических жанров (статьи, комментария), воззрения российских теоретиков и практиков журналистики существенно отличаются от взглядов испанских и латиноамериканских авторов на природу и классификацию художественно-публицистических, очерковых форм.

Наличие несовпадений и признаков специфичности, выявляемых при сравнении жанровых систем российской и иберо-американской периодики, подтверждают наличие «латинской модели» журналистики, упомянутой Р. Йанесом Месой (Испания) [15]. Эта модель – продукт исторического развития журналистики в Испании и странах Латинской Америки, определившее ее жанрово-стилевое своеобразие.

Выработанные к настоящему времени классификационные схемы жанров испаноязычной периодической печати отличаются существенным разнообразием. Так, бывший председатель Союза журналистов Кубы, ныне декан факультета социальной коммуникации Гаванского университета Х. Гарсия Луис придерживается бинарного деления жанров периодики, традиционного для англо-американской школы журналистики (хотя и добавляет при этом, что не жалуется классификации как таковые). Он делит жанровый комплекс прессы на две большие классификационные группы: *жанры новостей (géneros de noticias)* и *жанры мнений (géneros de opinión)*. Такого же мнения придерживаются Х. Гаргуревич и некоторые другие латиноамериканские авторы [см.: 5].

К жанрам мнений Х. Гарсия Луис относит «все основные виды статьи», к числу которых он причисляет следующие жанровые формы:

- редакционную статью (*el editorial*);
- комментарий (*el comentario*);
- статью как таковую (*el artículo general*);
- литературно-художественную критику (*la crítica de arte y literatura*);
- хронику (*la crónica*) в ее некоторых разновидностях [4, p. 4].

Попытки классификационного деления жанров испаноязычной периодики, предпринимаемые учеными Испании и стран Латинской Америки, исходят также из учета общих функций, присущих той или иной группе жанров. При этом главное внимание уделяется функциям передачи новостной информации, а также интерпретации и выражения мнений.

Ряд испаноязычных авторов критически относится к англо-саксонскому бинарному делению жанров на группы, справедливо от-

мечая, что журналистские тексты не только информируют либо служат средством выражения мнений, но и анализируют, интерпретируют факты и явления действительности. Более традиционным для «латинской модели» журналистики является трехчастное классификационное деление, когда вся жанровая система распределяется по трем блокам: *жанры информационные* (*géneros informativos*), *жанры интерпретирующие* (*géneros interpretativos*), и *жанры мнений* (*géneros de opinión*) [15, p. 20]. Эти три группы Мириам Родригес Бетанкур характеризует как «большие макрожанры» испаноязычной журналистики [11, p. 325].

Рауль Пеньяранда расширяет классификационное деление жанров, обозначая четыре их группы:

– *информационные* (их основная функция – повествование о новостях, максимально свободное от выражения авторских мнений о происходящем. К этой группе автор относит новостную заметку (*la noticia*), хронику (*la crónica*), интервью (*la entrevista*) и зарисовку (*el perfil*);

– *жанры мнений* используются для выражения идей и мнений в противоположность передаче фактов. Мнения служат передаче ценностей, идей и чувств автора без обязательной опоры на факты. Данная группа включает, по мнению Рауля Пеньяранды, редакционную статью (*el editorial*), колонку (*la columna*)¹, статью (*el artículo*), карикатуру (*la caricatura de opinión*), комментарий (*el comentario*), критику (*la crítica*) или рецензию (*la reseña*) и письмо (*la carta*);

– *интерпретирующие жанры* (*géneros interpretativos*) определяются как жанровые формы, занимающие срединное положение между жанрами новостей и мнений. Избегая изложения субъективных мнений, они раскрывают избранные темы на основе большого количества данных и сопоставления контрастных интерпретаций при их рассмотрении, помогая при этом читателю разобраться в предложенных фактах. Рауль Пеньяранда полагает, что эта жанровая группа включает репортаж (*el reportaje*) и анализ (*el análisis*);

¹ Некоторые авторы не без оснований отказывают колонке в праве именоваться самостоятельным жанром журналистики.

– *развлекательные жанры* (*géneros de entretenimiento*) служат для того, чтобы развлечь и позабавить читателя. Его функциональное предназначение заключается, в отличие от других жанров, не в углубленном изложении фактов и их оценке, а в достижении эффекта развлечения, рекреации. К числу развлекательных жанров Рауль Пеньяранда относит комиксы, кроссворды, гороскопы, игры, а также карикатуры, не относящиеся к конкретным событиям или персонажам [10].

Национальное своеобразие жанровой системы испаноязычной журналистики просматривается и в других классификациях основных групп газетно-журнальных жанров. Широко распространено деление жанров на две основных группы по признакам их содержания и стилистическим характеристикам: *жанры новостной журналистики* и *жанры литературной журналистики* [2].

Примеры подобной двухчастной классификации встречаем также и в работах мексиканки М.Х. Сьерра и некоторых других авторов. Первая группа объединяет как жанры, включаемые в российской классификации в группу информационных: новостную заметку (*la noticia*), репортаж (*el reportaje*), интервью (*la entrevista*), так и жанры, которые упоминаются в отечественных классификациях в группе аналитических: индивидуальная журналистская колонка (*la columna*), редакционная статья (*el editorial*), аналитическая статья (*el artículo de fondo*), и специфическая жанровая форма – хроника (*la crónica*). Объединение всех этих весьма разнородных жанров в общую группу жанров новостной журналистики представляется неоправданным – хотя бы потому, что на практике аналитическая либо редакционная статья далеко не всегда демонстрируют непосредственную «привязку» к текущим новостям.

В свою очередь, группа жанров испаноязычной «литературной журналистики» (в классификации М.Х. Сьерра [12]) включают эссе (*el ensayo*), краткий портретный или биографический очерк (*la semblanza*), документальный очерк (*la historia verídica* или *el cuento de vida real*). По составу жанров данная группа напоминает отечественные художественно-публицистические жанры, хотя в

ней отсутствуют привычные нам фельетон, памфлет, иные очерковые формы помимо портретного/биографического и документального очерка.

Современные варианты классификационной дифференциации по группам жанрам исходят из того, что нынешняя картина жанрового разнообразия испаноязычной прессы гораздо богаче, чем его традиционные описания и классификации.

Так, Х.Х. Муньос предпринял новую попытку теоретического осмысления жанров, распределив их на пять больших групп:

1) *Жанры с информационной доминантой (géneros de predominio informativo)*, к числу которых относится новостная заметка во всех ее разновидностях, а также *отчет (el informe)* и *описание результатов социологических опросов (la transcripción de encuestas)*;

2) *Смешанные информационно-интерпретирующие жанры (géneros ambiguos-mixtos de información e interpretación)*. Среди них Муньос упоминает статью, пропагандистскую статью (*el artículo divulgativo*), *биографическую статью (el artículo biográfico)*, описание откликов прессы (*la transcripción de ruedas de prensa*), хронику и рецензию (*la reseña*);

3) *Жанры интерпретирующей журналистики (géneros del periodismo interpretativo)* – к ним упомянутый автор относит *репортаж* в его различных разновидностях, а также *интервью* (не затрудняясь при этом поиском развернутой аргументации в пользу своей более чем спорной точки зрения);

4) *Смешанные жанры интерпретации и мнений (géneros ambiguos-mixtos de interpretación y opinión)*: в эту группу Муньос включает письма читателей, интервью, подчиненное выражению мнения (*la entrevista de opinión*), а также различные журналистские публикации, обычно размещаемые под рубриками «Отовсюду», «Это любопытно», «Смесь» и т.п.;

5) *Жанры мнений (géneros de opinión)* – среди них названы статья-мнение (*el artículo de opinión*), комментарий (*el comentario*), разновидностями которого испанский автор считает персональную колонку (*la columna*),

редакционную статью (*el editorial*), *критику (la crítica)* и эссе (*el ensayo*) [9, p. 125].

Классификационное деление, предложенное Муньосом, фактически является попыткой развития характерного для «латинской модели» журналистики трехчастного деления жанров периодики по группам.

Наблюдаются и другие аналогичные классификационные попытки. Так, Сильвия Гонсалес Лонгория (Мексика) дополнительно к группе *информационных жанров*, в которую она включила новостную заметку, интервью, хронику, колонку и репортаж, а также к группе *жанров мнения*, объединяющей статью, редакционную статью, колонку, эпиграмму, карикатуру, хронику, рецензию, критику и эссе, предложила третью группу: *жанры-гибриды (géneros híbridos)*.

Этот автор принципиально отказывается от термина *интерпретирующие жанры*, не без оснований замечая, что элементы интерпретации в той или иной степени «встроены» в журналистские тексты, относящиеся к любому из жанров, а потому нет необходимости выделять отдельную жанровую группу именно по этому признаку. Назвав жанры третьей группы гибридными, С.Л. Гонсалес Лонгория упомянула среди них персональную колонку и хронику – на том основании, что эти жанровые формы позволяют как информировать, так и высказывать мнения [6, p. 41-43].

Характерно, что мексиканская исследовательница отмечает колонку и хронику в составе всех трех жанровых групп. К ней присоединился и венесуэлец К. Марин, также описавший три вида хроники: новостную, интерпретативную и хронику мнений [7, p. 199-224].

Означает ли это, что разновидности хроники и колонки, представленные во всех классификационных группах, выполняют разные функции? Но насколько правомерно тогда объединение столь разнородных форм под общим названием – будь то хроника или колонка? Очевидно, если между ними наблюдается разительный функциональный разброс, речь должна идти уже не о варьировании одного жанра в качестве его разновидностей, а о разных жанрах, каждый из которых имеет свою функциональную специфику.

Х. Гаргуревич в испаноязычной периодике американского континента выделил 12 жанров, не применяя к ним классификационного деления по группам:

- информационная заметка (*la nota informativa*);
- интервью (*la entrevista*);
- хроника (*la crónica*);
- репортаж (*el reportaje*);
- графика (*gráficos*);
- колонка (*la columna*);
- статья (*el artículo*);
- свидетельство (*el testimonio*);
- рецензия (*la reseña*);
- критика (*la crítica*);
- полемика (*la polémica* или *el debate*);
- кампания (*la campaña* или *la cruzada*).

Не использует классификационное деление и кубинец Р. Фернандес Ретамар, который упоминает следующие жанры:

- общественно-политическое эссе (*el ensayo sociopolítico*);
- аналитическая статья (*el artículo de fondo*);
- художественная критика (*la crítica*);
- биографический очерк – «этопея» (*la etopeya*);

– свидетельство (*el testimonio*) – по мнению Р. Фернандеса Ретамара, это жанр, близкий к хронике, но отличающийся от нее полной включенностью автора в описываемые им события (автор является, как правило, непосредственным участником и свидетелем происходящего);

– речь, доклад (*el discurso*) – этот жанр устной публицистики рассматривается и как форма публицистического обращения к читательской аудитории в тех случаях, когда речь полностью (или ее подробное изложение) публикуется в печати;

– письмо (*la carta*) – рассматривается как произведение журналистики в ее эпистолярном варианте;

– хроника (*la crónica*) [3, p. 17-18].

Ряд латиноамериканских авторов упоминают также следующие жанры:

- *la biografía* – развернутый биографический очерк;
- *el bosquejo* – набросок, зарисовка, небольшой очерк;

– *el comentario* – комментарий;

– *la revista* – обозрение

– *la reseña, la crítica de arte y literatura* – рецензия;

– *el folletín* – «фельетон», представляющий собой зарисовки бытовых сцен, этот термин заимствован из французского языка;

– *el enfilete (entrefilete)* – еще один галлицизм, обозначающий краткий иронический, сатирический или юмористический комментарий, реплику.

Автор «Журналистского словаря» Э. Тельерия Тока (Куба) перечислил следующие жанры, не относя их к какой-либо определенной классификационной группе:

1) информационная заметка (которая в версии кубинского автора именуется информацией – *la información*, либо новостью – *la noticia*);

2) репортаж;

3) интервью;

4) хроника;

5) статья;

6) редакционная статья;

7) критика.

Как правило, названные жанры так или иначе характеризуются и в работах других исследователей. Вместе с тем в «Журналистском словаре» даны определения форм, которые многими авторами не упоминаются. Так, Э. Тельерия Тока включает в число жанров периодики «заметки между строк» (*el entrefilet, entrefilete*) и фельетон (*el folletín*).

El entrefilet, entrefilete характеризуется им как сатирическая краткая реплика, размещаемая в тексте другого автора и выделенная в нем линейками.

Под фельетоном понимается «фрагмент романа или другого обширного произведения, публикуемого из номера в номер с продолжением». Автор словаря добавляет, что в Испании фельетон – это сатирический жанр, «хроника, написанная колумнистом» [14, p. 135].

Испанский автор Г. Мартин Вивальди упоминает хронику в своем описании жанровой системы периодики, которое включает также новостную заметку, репортаж, интервью, критику, статью – то есть, формы, признаваемые также большинством других

исследователей и практиков. Вместе с тем в классификации Мартина Вивальди присутствуют «большой репортаж», комментарий и заголовки. «Большой репортаж» не признан большинством авторов в качестве самостоятельного жанра – либо попросту не упоминается в их работах. Отнесение же заголовков к числу журналистских жанров следует признать безусловно ошибочным [8].

Классификации, предлагаемые испанскими и латиноамериканскими авторами, иногда включают группы жанров, которые составляют часть газетно-журнального содержания, но вместе с тем не являются собственно журналистскими жанрами. Например, Х.И. Серрано наряду с жанрами новостей и мнений упоминает также развлекательные жанры: гороскопы, комиксы, карикатуры, кроссворды, головоломки, художественные произведения [13, р. 110]. Существующие классификации включают либо не включают графические жанры (карикатуры, различные формы инфографики: диаграммы, карты, схемы и пр.

Итак, в выявленном классификационном делении жанров испаноязычной периодики по группам преобладающими являются следующие подходы:

а) наиболее часто употребляется традиционное для «латинской модели» журналистики трехчастное деление жанров, когда все жанры распределены по трем блокам: *информационные; интерпретирующие; жанры мнений.*

б) Применяется также бинарное деление жанров периодики, традиционное для англо-американской школы журналистики. При этом весь жанровый комплекс делится на две большие классификационные группы: *жанры новостей и жанры мнений;*

в) В испаноязычных странах широко распространены является деление жанров на две основных группы по признакам их содержания и стилевым характеристикам: *жанры новостной журналистики и жанры литературной журналистики.*

Любое из вышеназванных классификационных делений не совпадает с доминирующим в российской журналистике и журналистской науке традиционным распределе-

нием жанров периодики по трем группам: информационные, аналитические, художественно-публицистические.

В последние годы предпринимаются попытки усовершенствовать традиционные классификационные деления жанров испаноязычной периодики. Однако достигнутые при этом результаты не могут характеризоваться как однозначно положительные по следующим причинам:

– отсутствуют единые строго научные основания для классификации жанров;

– превалирует схоластический подход, в результате чего авторы предлагают разного рода умозрительные схемы, не опирающиеся на тщательный анализ практического жанроприменения и современных тенденций развития жанров.

Наличие в жанровом комплексе испаноязычной периодики форм с терминологическими обозначениями, не имеющими аналогов в российской журналистике и в периодике других стран, требует особого рассмотрения признаков журналистских текстов, к которым относятся эти обозначения. Речь идет прежде всего о критике, семблансе, хронике и тестимонио. Особого внимания заслуживает такая форма, как колонка, ввиду дискуссионности отнесения ее к числу журналистских жанров.

Автор выражает свою признательность и благодарность коллегам и друзьям, преподавателям журналистики и журналистам-практикам, великодушная помощь которых позволила реализовать этот проект: бывшему председателю Союза журналистов Кубы, а ныне – декану факультета социальных коммуникаций Гаванского университета Хулио Гарсиа Луису и преподавателям этого факультета Ласаре Пеньонес Мадан и Мириам Родригес Бетанкур, почетному профессору Автономного университета Барселоны Мануэлю Паресу Майкасу, а также венесуэльской журналистке Сорайе Борелли Кастро.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Короченский, А.П. Историко-культурные истоки классификационного разнообразия жанровой системы испаноязычной периодики // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). Выпуск 11. С. 195-206.
2. Bernál, S. y Chillón, L. A. (1985) Periodismo informativo de creación. Barcelona: Ed. Mitre.
3. Fernández Retamar, R. (1981) Las letras fieras de José Martí. // Martí. J. Letras fieras. La Habana: Ed. Letras cubanas. P. 7-26.
4. García Luis, Julio. (1987) Géneros de opinión. Prague: OIP. 150 p.
5. Gargurévich, Juan. (1982) Géneros periodísticos. Quito: Ed. Belén.
6. González Longoria, Silvia L. (1999) El ejercicio del periodismo. México: Ed. Trillas. 270 p.
7. Marín, Carlos. (2004) Manual de periodismo. Caracas: Ed. Random House Mondadori.
8. Martín Vivaldi, Gonzalo. (1987) Curso de redacción. Teoría y práctica de la composición y del estilo. La Habana.
9. Muñoz González, José Javier (1994) Redacción periodística. Salamanca: Librería Servantes.
10. Peñaranda, Raúl U. Géneros periodísticos: ¿Qué son y para qué sirven? Sala de Prensa 26. Diciembre 2000. Año III. Vol. 2.
11. Rodríguez Betancourt, Miriam. (2004) Géneros periodísticos: para arrojar su hibridez // Estudios sobre el Mensaje Periodístico. Vol. 10. Pp. 319-328.
12. Sierra, M. J. (1972) Haciendo periodismo. Técnica y formación periodística. México D.F.
13. Serrano, Helga I. (1997) Técnicas de enseñanza en periodismo. México: Ed. Trillas. 197 p.
14. Tellería Toca, E. (1986) Diccionario periodístico. Santiago de Cuba. 302 p.
15. Yanes Mesa, Rafael. (2004) Géneros periodísticos y géneros anexos. Madrid: Fragua. 293 p.

REFERENCES:

1. Korochensky, A.P. Historical and Cultural Origins of the Classification System of Genre Diversity of Hispanic Periodicals. *BelSU Scientific Bulletin. Humanities*. № 18(113). Issue 11. 2011. Pp. 195-206.
2. Bernál, S. and Chillón L.A. *Creating Informative Journalism*. Barcelona: Ed. Mitre. 1985.
3. Fernández Retamar, R. The Letters Wild Beasts of José Martí. *Martí J. Letters fieras*. La Habana: Ed. Letras cubanas. 1981. Pp. 7-26.
4. García Luis, Julio. *Genres of Opinion*. Prague: OIP. 1987. 150 p.
5. Gargurévich, Juan. *Journalistic Genres*. Quito: Ed. Belén. 1982.
6. González Longoria, Silvia L. *The Practice of Journalism*. México: Ed. Trillas. 1999 270 p.
7. Marín, Carlos. *Manual Journalism*. Caracas: Ed. Random House Mondadori. 2004.
8. Martín Vivaldi, Gonzalo. *Writing Course. Theory and Practice of Composition and Style*. La Habana. 1987.
9. Muñoz González and José Javier *Journalistic Writing*. Salamanca: Librería Servantes. 1994.
10. Peñaranda, Raúl U. *Journalistic Genres: What They Are They and What Are They For? Press Room 26*. Año III. Vol. 2. December. 2000.
11. Rodríguez Betancourt, Miriam. *Journalistic Genres: to Clothe Their Hybridity. Studies Journalism Mensaje*. Vol. 10. 2004. Pp. 319-328.
12. Sierra, M.J. *Doing Journalism. Technical and Journalistic Training*. México D.F. 1972
13. Serrano, Helga I. *Journalism Teaching Techniques*. México: Ed. Trillas. 1997. 197 p.
14. Tellería Toca, E. *Journalistic Dictionary*. Santiago de Cuba. 1986 302 p.
15. Yanes Mesa, Rafael. *Journalistic Genres and Genders Annexes*. Madrid: Fragua. 2004 293 p.

УДК 82.01 / 09: 821.161[470.325]

*Жиленков А.И.***ТИПЫ БИОГРАФИЗМА В РУССКОЙ
ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА:
АГИОГРАФИЧЕСКИЕ
(СВЯТИТЕЛЬ ИОАСАФ (ГОРЛЕНКО))
И РОМАННЫЕ (Г.С. СКОВОРОДА)
ФОРМЫ ЖИЗНЕОПИСАНИЙ**

Жиленков Александр Иванович, кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: zhilenkov@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются мемуарно-биографические жанры духовной литературы XVIII века на материале биографии Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и народного философа Г. С. Сковороды.

Цель исследования заключается в изучении типологических разновидностей и рецепции биографического жанра в переходное время – от эпохи традиционализма к эпохе художественной модальности и в пространстве духовной (клерикальной) литературы.

В восприятии собственной жизни Иоасаф полностью традиционен, ориентируясь при составлении автобиографических записок на агиографию и летописания. Жития святителя, написанные в XX веке, в некоторых аспектах стремятся к преодолению канонов.

Биография Г. С. Сковороды, хоть и называется житием, все же создается отнюдь не по агиографическим клише, а испытывает влияние романного жанра.

Таким образом, переходность сказывается на мемуарно-биографических жанрах в духовной литературе, типология которых определяется либо поэтикой традиционализма, либо поэтикой художественной модальности.

Ключевые слова: традиционалистское содержание и форма; биография; автобиография; типологические разновидности; жанр.

UDC 82.01 / 09: 821.161[470.325]

*Alexander I. Zhilenkov***TYPES OF BIOGRAPHISM
IN THE RUSSIAN SPIRITUAL
LITERATURE OF XVIII CENTURY:
HAGIOGRAPHIC (ST. IOASAPH
(GORLENKO)) AND NOVEL
(G.S. SKOVORODA)**

Zhilenkov Alexander Ivanovich, PhD in Philological Sciences, Associate Professor
Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: zhilenkov@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article examines traditionalist content and form in biographies of Orthodox ascetics of the eighteenth century, Ioasaph (Gorlenko), Bishop of Belgorod, and Gregory Skovoroda. The material under consideration presents typological varieties of the biographical genre in a time of transition – from the era of traditionalism to the era of artistic modality. It is stated that Lives of the saints, written in the twentieth century, in some aspects, seek to overcome the canons. The biography of G. S. Skovoroda, though called Life of the Saint, is not created by hagiographical cliché, but it is influenced by the novel genre.

Thus, the transition period affects the memoirs and the biographical genre in spiritual literature, the typology of which is determined by a poetic manner of traditionalism, or the poetics of artistic modalities.

Key words: traditionalism of content and form; an autobiography; typological variety; the genre.

Проблема типологии биографизма на материале русской литературы в большой степени изучена, однако этого не скажешь о мемуаристике русской духовной литературы XVIII в. Здесь все соединилось под знаком новизны: и исторический период – XVIII в., отличающийся переходностью, и духовная литература, и биографические формы в ней. Биографический жанр порожден традиционалистской эпохой, и тем более он становится привлекательным для изучения его типологии и рецепции в переходный период от эпохи традиционализма к эпохе художественной модальности в Новое и Новейшее время.

Предметом рассмотрения в данной статье является автобиография православного подвижника Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского и Обоянского, и биография украинского философа Григория Саввича Сковороды. Актуальность выбора авторов обусловлена исторической значимостью религиозной деятельности Иоасафа (Горленко) и подвижнической деятельности Г. С. Сковороды, культурной значимостью их творчества.

В данном исследовании биографии представляют интерес и как исторический источник, и как отражение, с одной стороны, религиозно-философского мировоззрения, церковного сознания, с другой стороны, специфического эстетического видения жизни, детерминированного психологией эпохи и художественным мышлением.

Субъектом рецепции автобиографического жанра является клерикальная культура, прикладные «внелитературные» потребности которой, в частности, канонизация святого, предполагают обязательное составление агиографического текста на основе биографического материала. Традиционалистский характер взаимодействий объекта и субъекта рецепции задан именно клерикальным культурным контекстом.

Субъектом рецепции биографии Г. С. Сковороды становится светская культура, подчиняющая словесное творчество собственно литературным задачам. Биографический жанр в XVIII в. становится фактором литературного процесса, взаимодействует с литературными формами и испытывает художественные стилистические влияния, и, хотя по-прежнему традиционалистски обозначается «житием», все же подвергается кардинальной романизации.

«Собственноручные записки о жизни своей епископа Иоасафа (Горленко), путешествие в свете сем грешника Иоасафа, игумена Мгарского» – это записки по годам событий, которые связаны, прежде всего, с его религиозной деятельностью. Сразу же после первой записки о рождении (1705), пропуская рассказ о детстве, Иоасаф говорит о своем отроческом стремлении к монашеству и настойчивом желании стать монахом, которое осуществилось уже в 1725 г. Все последующие события жизни Иоасафа отражают его священническую деятельность.

Традиционализм мышления проявляется и в отборе жизненных событий (ранний выбор поприща, служба священником, болезни, сновидения, пророчества), в самом принципе их выстраивания в сюжете, и в видении жизни как «путешествия» «грешника». Автобиография Иоасафа (Горленко) сближается с житийным каноном и в структурном, и в идейном, и в символично-богословском, и в стилистическом уровнях произведения.

Собственноручные записки о своей жизни Иоасафа стали впоследствии основой для составления многочисленных его биографий и житий [1, с. 146-188]. В начале XX в. протоиреем Александром Маляревским ко дню канонизации было написано житие святителя Иоасафа, епископа Белгородского и Обоянского [5]. Традиционно наличие жития является непременным условием канонизации. К 300-летию со дня рождения Иоасафа, совпавшему с 10-летием возрождения Белгородской и Старооскольской епархии, было издано житие святителя, которое составил протоиерей Олег Кобец [1].

Житие согласуется с каноном. Канонична композиция произведения: будущий святой рождается от благочестивых родителей. Герой характеризуется как смиренный аскет, строгий молитвенник и постник. Его пример оказывает сильное влияние на братию монастыря, которая предлагает архиепископу Киевскому Рафаилу (Заборовскому) устроить в обители архимандрию и назначить архимандритом отца Иоасафа. Сохраняется в житии Иоасафа мотив не узнавания при переодевании в простые одежды, также примечательный для агиографии, впервые встречающийся в легенде о житии преп. Алексия, человека Божьего, еще в V в., а в русской традиции – в «Житии Феодо-

сия Печерского» второй половины XI в. Феодосий, как и Иоасаф, будучи игуменом, одевался настолько просто, что люди, не знавшие подвижника в лицо, принимали его за «убогого» и смеялись над «худостью ризной». Остается в житии Иоасафа и мотив «истязания плоти» в борьбе героя с «множеством полком невидимых бесов». Закономерно присутствие в житии Чудотворца описание чудес, происходивших с ним, либо им же творимых.

Очевидно, что житие Иоасафа (Горленко) выстроено в целом в соответствии с древнерусским житийным канонам, впрочем, в силу большого жанрового потенциала, в нем оказывается немало новых черт. Несмотря на нормативность, агиография способна эволюционировать, демонстрировать гибкость и универсальность в создании образа героя духа.

Для житийной литературы характерен прием абстрагирования, то есть намеренное игнорирование составителем определенности, точности, того, что указывало бы на частность, единичность описываемых ситуаций. Функция этого приема сводится к изображению жизни героя как бы вне времени и пространства, именно поэтому не упоминаются имена, именованная людей по их социальному положению, опускаются географические наименования, точные даты и т. п. В Житии Иоасафа, составленном в XXI в., эта традиция явно изживает себя. Святитель Иоасаф представлен в конкретизированном временном и пространственном континууме. Соблюдается точная датировка событий вплоть до времени суток, до часа, например, в эпизодах упокоения Иоасафа, в рассказе о видениях. В начале жития намечен подробный рассказ об украинском происхождении святого, его родителях, их относительно высоком социальном положении.

Житие снабжается разнообразной культурно-исторической информацией, не сводимой только к справочной функции, но расширяющей представление читателя об условиях свершения жизненного подвига героя. В ткань житийного повествования органично вплетается документальный материал – прошения, указы, распоряжения, судебные решения, вкуче составляющие представление об административной и хозяйственной деятельности святителя, об его этикетном образе.

Два фактора влияют на повествовательный стиль жития Иоасафа – стремление к до-

кументальности (следствие отказа от приема абстрагирования) и современное нам административное мышление, проявляющееся в том, что герой «эффективно решает вопросы», «делает определенные выводы», «принимает все меры к подъему образовательного (духовно-нравственного) уровня духовенства».

В житии Иоасафа появляется интерес и к самой личности подвижника, а не только к его этикетному трафарету. Осознание ценности человеческой личности – это факт уже древнерусской литературы XVII в., и в литературоведении обозначается как «открытие характера». Сквозь канонический образ подвижника церкви нельзя не усмотреть образ живого человека, целеустремленного, энергичного, всецело поглощенного духовным поприщем.

Таким образом, рассматриваемый памятник представляет собой жизнеописание не только святителя Иоасафа, но и биографию человека Иоасафа, что обуславливает новизну самого жанра – житийно-биографической повести.

Не иначе как «житием» обозначил биографию Г.С. Сковороды его друг и биограф М.И. Коваленский. «Житие Григория Сковороды» – главное сочинение М.И. Коваленского – было написано в 1796 г., а напечатано впервые через 90 лет в журнале «Киевская Старина» (1886 г., № 9).

В конце XVIII в. для писателя, составляющего биографию, ассоциация с термином «житие» вовсе не случайна. Для биографа и его современников понятна условность использования термина, обычно применяемого для определения жизни лица канонизированного. За житийным жанром – тысячелетняя традиция, «работающая» на создание уже нового образа святого, точнее, «святого от любомудрия», подвижника философии. Впрочем, для воплощения новизны прежний жанровый потенциал становится уже не столь востребованным. Выполненный по лекалам символа житийный «герой духа» теперь уступает место «характеру», который конструируется «судьбой», которой, в свою очередь, задаются и хромотопия системы образов, и сюжетный масштаб, и повествовательный ритм, и жанровая коллизия.

Образ Григория Сковороды в «Житии...» М.И. Коваленского лишен канонической символичности и преподнесен как литературный

характер, встроенный в специфическую жанровую коллизию, где он уже не агиографически схематичен, а ярко индивидуализирован, мотивированно неоднозначен, сложен и выразителен. Г. Сковорода представлен именно как литературный характер, в действиях которого непосредственно выражается только его индивидуальная судьба. Герой Коваленского противопоставлен миру («свету»), ибо «мир ловил меня, но не поймал» [2, с. 697]. В «Житии...» изображается «атомизированная», «самодовлеющая» личность, находящаяся в разладе с «окружающей средой, с ее нормами и требованиями» [8, с. 196]. Представлена такая жанровая коллизия, в которой изображен «конфликт между индивидуальными побуждениями героя и общепринятыми нормами» [7, с. 68], в которой предметом познания становится «душевный мир» личности, «так или иначе противостоящей социуму, в котором герой живет» [6, с. 278]. Герой и мир в «Житии Григория Сковороды» находятся в отношениях отчуждения. Очевидно, что данная коллизия должна быть определена как романная.

Постановка героя в романизированной коллизии «Жития...» М.И. Коваленского все же в целом напоминает ранние этапы развития романного жанра, так как герой дан уже в готовом виде, его характер не подвержен «развитию», а только «раскрытию»; на протяжении всего повествования он не столько развивает свою философскую систему, сколько раскрывает ее, поэтому основные события его жизни – это события демонстрации его мудрости, его понимания Бога, человека, мира, счастья, истины.

Романизированная структура «Жития...» вбирает в себя две повествовательные стили: диалогическую и монологическую. Диалог, обусловленный литературной традицией (диалоги Платона, диалогические повествования просветителей XVIII в.) и философским методом Г.С. Сковороды, с одной стороны; с другой стороны, – монолог, обусловленный жанровым опытом биографических и клерикальных форм. Соединение двух повествовательных установок являет собой пример романизации литературы вообще и жанра биографии в частности. Каждая из этих установок привлекает в «Житие...» свой

арсенал композиционных средств, подверженных романизации.

Это и личностное авторское присутствие, вносящее и размышления, и навязывание своей точки зрения и интерпретации событий.

Это и мотив дружбы – плодотворной и значимой как для ученика, так и для учителя – активно использованный поздними просветителями в сентиментальном романе и ставший в нем едва ли не формообразующим. В «Житии...» его реализации служит рамочная композиция, благодаря которой в жизнеописание Г. С. Сковороды с 1763 г. вводятся «Записки» самого Коваленского. Их основной лейтмотив – объяснение сложных взаимоотношений учителя и ученика.

Это и мотив любви – жанрообразующий фактор романа, но отнюдь не агиографии – трансформированный выбор Г. С. Сковородой между монашеством в миру и женитьбой. «Женитьба, которая столь одобряема природой, все же не подходила к его беспечному нраву» [2, с. 650].

Это и мотив сна, частый пересказ сновидений: своих (Коваленского), Сковороды, античных философов, – мотив, углубляющий представление о душевной жизни героя.

Этот далеко не полный состав мотивов, а так же мощный пласт излагаемой в произведении философии Г. Сковороды, начиная с вступления на тему о человеке, продолжаясь в содержании всех монологов и диалогов и завершаясь перечнем трактатов и художественных произведений, – все это демонстрирует жанровую традицию просветительского романа.

Таким образом, М.И. Коваленский, определяя биографию Сковороды в качестве жития, тем не менее, смотрит на жизнь философа и описывает ее сквозь призму жанра просветительского романа.

Следовательно, рассматривая особенности литературного мышления Нового и Новейшего времени, необходимо отметить своеобразие рецепции жизнеописаний либо в форме агиографического канона (в случае с Иоасафом (Горленко)), либо (в отношении Г.С. Сковороды) с использованием понятия жития в названии произведения, но интерпретированной в романизированном виде.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Житие, служба, акафист святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, Чудотворцу. Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. 152 с.
2. Коваленский, М.И. Жизнь Григория Сковороды. Написанная в 1794 году в древнем стиле // Сковорода Г. С. Сочинения. Минск: Современная литература, 1999. С. 642-699.
3. Литературные памятники Белгородчины. Антология. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. 564 с.
4. Литература о жизни и деятельности свт. Иоасафа // Житие, служба, акафист святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, Чудотворцу / Сост. А. Н. Крупенков, И. В. Медведева. Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. С. 146-188.
5. Маляревский, А.И. Святитель Иоасаф, епископ Белгородский и Обоянский. СПб., 1907. 37 с.
6. Мелетинский, Е.М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М.: Наука, 1983. 304 с.
7. Михайлов, А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. 352 с.
8. Пospelов, Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. М.: Просвещение, 1972. 272 с.

REFERENCES:

1. *The Life, Service, Akathist to St. Ioasaph, Bishop of Belgorod, the Wonderworker.* Belgorod: Belgorod and Stary Oskol Diocese, 2005. 152 p.
2. Kovalensky, M.I. The Life of Grigory Skovoroda. Written in 1794, in the Old Style. *Skovoroda G. S. Works.* Minsk: Sovremennaya literatura, 1999. Pp. 642-699.
3. *Literary Monuments of Belgorod Region.* Anthology. Belgorod: Belgorod regional printing house, 2008. 564 p.
4. Literature about the Life and Work of St. Ioasaph. *The Life, Service, Akathist to St. Ioasaph, Bishop of Belgorod, the Wonderworker.* Comp. A. N. Krupenkov and I. V. Medvedeva. Belgorod: Belgorod and Stary Oskol Diocese, 2005. Pp. 146-188.
5. Malyarevsky, A.I. *St. Ioasaph, Bishop of Belgorod and Oboyan.* St. Petersburg, 1907. 37 p.
6. Meletinsky, E.M. *Medieval Novel. The Origin and Classical Forms.* M.: Nauka, 1983. 304 p.
7. Mikhailov, A.D. *French Romance and the Typology of the Genre in Medieval Literature.* M.: Nauka, 1976. 352 p.
8. Pospelov, G.N. *The Problems of Historical Development of Literature.* M.: Prosveschenie, 1972. 272 p.

УДК 130.2

Сямина О.В.

**СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНТУРЫ
И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ**

Сямина Ольга Васильевна, кандидат культурологии, доцент
Тольяттинский государственный университет
ул. Белорусская, д. 14, Тольятти, 445667, Россия
E-mail: sov_tlt@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В современной России, находящейся в ситуации самоопределения и выбора стратегических ориентиров, особую значимость приобрела проблема исторической памяти. Осознание неразрывной (атрибутивной) связи культуры и памяти актуализирует вопрос о том, каковы способы и конкретные формы ее существования.

Публикуемая статья отражает проблематику научного исследования, цель которого – выявление экзистенциального статуса семейного (фамильного) портрета, его роли в сохранении и трансляции памяти в разных культурных диапазонах: семья – род – народ – Родина.

В исследовании интегрированы различные социальные и гуманитарные познавательные практики, применены современные методологические установки и подходы, выработанные в рамках философии культуры, социологии культуры, визуальной антропологии, герменевтики, семиотики. В ходе исследования значительное внимание было уделено религиозно-философской традиции второй половины XIX – начала XX веков.

Выявление событийности портрета связано с диалогической идентификацией личности в «большом времени культуры», неформализуемым личностным знанием, хранящимся в исторической памяти семьи, рода или народа. Экзистенциальные контуры портрета как культурного события могут быть представлены посредством социально-исторических категориальных форм, среди которых наиболее перспективным является генеалогическое понятие рода и связанные с ними понятия «патрофикация» (Н.Ф. Федоров), «лик», «энтелехия рода», «порода», «благородство», «сыновство» (П.А. Флоренский).

Ключевые слова: семейный портрет; род; родина; семья; генеалогия; связь поколений; традиции; историческая память.

УДК 130.2

*Olga V. Syamina***FAMILY PORTRAIT:
EXISTENTIAL OUTLINES
AND THE CULTURAL MEANINGS****Syamina Olga Vasilievna**, *PhD in Cultural Sciences, Associate Professor*

Togliatti State University

14 Belarusian St., Togliatti, 445667, Russia

*E-mail: sov_tlt@mail.ru***ABSTRACT**

In modern Russia, which is in the situation of self-determination and strategic guidelines choice, the problem of historical memory has acquired the special significance. The awareness of continuous (attribute) relation with culture and memory is kept current by the question of what are the ways and specific forms of its existence.

The given article reflects the problem of scientific research. The aim is to identify the existential status of the family, its role in maintaining and transmitting of cultural memory in different ranges: the family – clan – nation – Motherland.

The study integrates various social and human cognitive practices, applies modern methodological principles and approaches which are developed in the framework of philosophy of culture, cultural sociology, visual anthropology, hermeneutics, semiotics. The author pays considerable attention to the religious and philosophical traditions of the second half of XIX - early XX centuries.

The identity of portrait eventness is associated with dialogic identity of the person in the “long time of culture,” personal knowledge which is in the historical memory of the family, clan or nation. The existential portrait contours as a cultural event may be represented by the social and historical categorical forms. The concept of family and family related concepts such as “patrofication” (Nikolai Fedorov), “face”, “clan entelechy”, “race”, “nobility”, “sonship” (Pavel Florensky) are the most promising.

Key words: family portrait; clan; birthplace; family; genealogy; generations interaction; traditions; historical memory.

В день празднования 70-летия Победы в России произошло событие, имеющее прямое отношение к теме статьи. Речь идет об акции «Бессмертный полк», во время которой миллионы людей прошли по улицам городов с фотопортретами своих родственников – участников Великой Отечественной войны. Эта волнующая процессия стала подтверждением значимости феномена семейного портрета как механизма исторической памяти, восстановления «живой» связи с ушедшими из жизни поколениями. Всенародное шествие приобрело характер духовного действия, смысл которого – в воссоединении его участников со своими предками, своим родом, и посредством него – с Родиной, Отечеством. В каком-то смысле эта акция стала тем «общим делом» по «воскрешению отцов», которому посвятил свое учение мыслитель Николай Федоров. В таком ключе она была воспринята многими в нашей стране.

«Крестным ходом» назвал шествие протоиерей Дмитрий Смирнов (церковный и общественный деятель, председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства) в своей проповеди на 70-летие Великой Победы: «...В Москве, помимо парада, который всегда является у нас высшим образцом воинского искусства, произошло совершенно чудесное явление. Мне кажется, что ничего более грандиозного и важного в жизни мне увидеть не довелось. <...> Это воистину крестный ход, которым прошли внуки, правнуки, дети тех наших героев, и не только героев, а просто страдавших в этих страшных событиях людей, которые оказали противодействие самому жуткому злу на земле...». Православный священник развивает мысль о том, что это поистине всенародное шествие (масштабы которого никто не мог предвидеть) было вызвано потребностью людей ощутить сопричастность с историей своей семьи и через нее с историей своей страны: «Это было желание соединиться со своим родом. Потому что ведь каждый из нас не просто «из ниоткуда» – из бездны космоса

вдруг появился на земле. Нет! У каждого есть – отец и мать. У каждого есть – два дедушки и две бабушки. У каждого есть – четыре прадедушки и четыре прабабушки. У многих есть тети и дяди...»¹.

Можно привести еще одно близкое по смыслу суждение известного кинорежиссера Карена Шахназарова: «...Я думаю, что вчерашний день был, конечно, необыкновенным. Все-таки наша Родина полна каких-то скрытых смыслов. У меня ощущение, что вчера началось рождение новой российской нации... Потому что родился новый миф Победы... “Миф” – это очень важная составляющая формирования нации. Когда люди вышли с портретами – это уже не советская мифология, где герои погибли. А здесь они – воскресли! “Воскресение” – это величайшая основа для создания новой мифологии... У меня было ощущение, когда я видел эти миллионы людей, что после растерянного населения 90-х годов, появился новый народ, со своей новой идеологией...»².

Пробуждение в наших современниках родового самосознания актуализирует вопрос о смысле и функциях «семейного портрета» – феномена культуры, имеющего глубокие корни и разнообразные конкретно-исторические трансформации: от погребальных масок древности до современных медиа-образов.

История семейного портрета в России насчитывает более трехсот лет. Наиболее ярко она представлена живописными портретами (масло, акварель, эмаль и др.) представителей дворянских и купеческих родов XVIII-XIX вв., а также семейными фотографиями («светописью») дореволюционного времени. Без фамильных портретных галерей невозможно представить себе мир русской классической усадьбы. Авторами этих работ являлись как профессиональные художники (русские и иностранцы), так и жи-

¹ <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/propoved-60999/?pg=1&out=pg&frm=ex&srt=dpd&cat=p&txt=y>

² <http://vsoloviev.ru/sunday/> – Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым. Выпуск от 10.05.2015. Телеканал «Россия 1».

вописцы-самоучки, наследие которых было открыто и стало пристально изучаться отечественными искусствоведами в конце прошлого века [7, 16 и др.].

Изобретение фотографии в середине XIX века привело к широкому распространению фотографических семейных портретов, которые чаще всего носили постановочный характер и создавались в условиях специализированных ателье. Процесс фотографирования и подготовки к нему становился важным и ответственным событием в жизни семьи. В качестве фотографов нередко выступали профессиональные художники, хорошо знакомые с законами композиции в искусстве. Наиболее известными среди них были Л. Прахов (ученик А. Венецианова), А. Деньер, А. Карелин, В. Каррик. Среди фотографов XIX века, работавших в жанре семейного портрета, можно выделить имя Андрея Осиповича Карелина, который одним из первых в русской «светописи» обратился к жанру интерьерного семейного портрета («комнатные группы») [1].

Одновременно с развитием фотографии формируется культура хранения и экспонирования семейных портретов:

- появляются фотоальбомы (которые становятся семейной реликвией);
- на смену классическому картинному багету приходит фоторамка, декорирование которой отражало широкий спектр стилистических тенденций современности;
- начинают применяться паспарту, поясняющие подписи, автографы и др. Семейные фотографии развешивались на стенах в кабинете или гостиной, расставлялись на столах, полках, каминах.

В XX веке, особенно во второй его половине, вследствие разрушения традиционного семейного уклада, разрыва «нитей родового предания», семейный портрет как особый жанр искусства и бытовой культуры уходит в прошлое. Ему на смену приходят «моментальные» снимки, фиксирующие различные события жизни, или любительские фотографии членов семьи, которые редко несут в себе образное начало (сле-

довательно, вряд ли могут быть названы портретами с точки зрения традиционной эстетики). Домашние портретные галереи, в которых наглядно представлено родовое древо с образами предков, превратились в ретро-экзотику, которой в реальной жизни уже не было места.

Но чувство рода в человеке глубинно и неискоренимо, и сегодня оно вновь заявляет о себе, побуждая вернуться к прерванной традиции.

Современный подход к феномену «портрета», и «семейного портрета» в частности, имеет свои особенности. До недавнего времени в отечественных исследованиях он рассматривался преимущественно в контексте искусствознания как художественно-эстетическое явление [2, 3, 6, 8, 9, 10, 16 и др.]. Акцент делался на вопросах истории развития этого жанра в разных видах искусства, типологии (автопортрет, исторический, психологический, мифологический, семейный и др.), специфике художественно-выразительных средств портретного образа в разных видах искусства, в творчестве отдельных художников и др.

Сегодня феномен «портрета» стал осмысляться в более широком междисциплинарном контексте, что явилось следствием развития культурологической научной парадигмы, появления новых направлений в гуманитарных исследованиях, таких как философия культуры, социология культуры, культурная антропология, культура повседневности, визуальные исследования, семиотика и др. В свете новых исследовательских установок портрет рассматривается как одна из важных символических систем, «как специфические “медиа”, отражающие и транслирующие не только эстетический, но и определенный социокультурный опыт» [5, с. 130].

В этой связи не случайно именно «семейный портрет» сегодня выходит на авансцену исследовательского интереса, поскольку он в большей степени, чем другие виды изображений человека, реализует основные функции культуры: самоидентификации

личности в «большом времени культуры» и сохранения-трансляции исторической памяти семьи, рода, народа (мемориальная или мнемоническая функция).

Наиболее глубоко раскрыть природу семейного портрета позволяет обращение к русской религиозно-философской традиции второй половины XIX – начала XX веков, в которой тема рода рассматривалась в связи с фундаментальными проблемами бытия. На это время приходится расцвет российской генеалогии.

Основополагающие принципы религиозной генеалогии были сформулированы в трудах самобытного духовного мыслителя Николая Федорова, в учении которого «генеалогия обращена не только в прошлое, но и в будущее – к эсхатологической развязке мировой истории» [4, с. 64]. Федоров выступает с идеей «патрофикации» – воскрешения предков, отцов, которая подразумевала воссоздание всех живших поколений, их преображение и возвращение к Богу. «Только в учении о родстве вопрос о толпе и личности получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое все заключается... в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т. е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства, как в толпе» [4, с. 64].

Особый интерес в связи с нашей темой представляет наследие отца Павла Флоренского. Проблемы генеалогии занимали одно из наиболее важных мест в широком спектре научных интересов П.А. Флоренского [12]. Разработку теоретических проблем генеалогии он сочетал с изысканиями по истории собственного рода, по крупицам собирая сведения о предках, многочисленных родственниках.

Задачу генеалогии Флоренский видел в том, чтобы понять род как целое, смысл которого сквозит в каждом члене рода. «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и

свои упадки. Каждое время его жизни ценно по-своему; однако род стремится к некоторому определенному, особенно полному выражению своей идеи, перед ним стоит заданная ему историческая задача, которую он призван решить...» [14, с. 49-50].

Согласно концепции Флоренского, сущность рода, его идея может быть реализована в одном его представителе («лик» или «энтелехия» рода). Подобно тому, размышляет Флоренский, как у отдельного человека личность его в разных поступках, разных его состояниях, свойствах и органах проступает с различной степенью выразительности, так и у рода есть места большей или меньшей прозрачности.

Понимание рода как духовного единства коренным образом меняет нравственное самосознание человека: «Себя чувствовать надо не затерявшимся в мире, пустом и холодном, не быть бесприютным, безродным; надо иметь точки опоры, знать свое место в мире – без этого нельзя быть бодрым. Надо чувствовать за собою прошлое, культуру, род, родину. У кого нет рода, у того нет и Родины и народа. Без генеалогии нет патриотизма. Чем больше связей, чем глубже вошла душа в прошлое, чем богаче она обертонами, тем культурнее, тем более культурная масса личности...» [14, с. 29].

Долг каждого живущего, считал П.А. Флоренский, хранить память о прошлых поколениях, всматриваться в «лица» и «лики» истории, скрупулезно изучать детали. Он подчеркивал, что в генеалогических изысканиях нет мелочей и никогда нельзя заранее сказать, что важно и что не важно. На возможные возражения, что все документы и свидетельства утрачены, Флоренский убежденно доказывал, что этого не может быть: человек, лицо, живя в культуре, не может затеряться, так как он связан тысячами нитей с окружающей жизнью, и эти связи так или иначе сохраняются. Просто нужны усилия по восстановлению генеалогии – и физические и духовные: «Мое заветное ощущение жизни, мое самое глубокое чувство и моя вера, многократно под-

тверждавшаяся на опыте, что есть основная аксиома истории: ничто не пропадает. Ни хорошее, ни плохое. ...Надо, следовательно, не лениться в поисках. Надо много трудиться над разысканием следов прошлого. Они останутся, да. Но помните, что и нашей небрежности к прошлому, нашей духовной невоспитанности, нашего замыкания в себе следы тоже останутся» [14, с. 32].

Концепция Флоренского предусматривает ответственное отношение не только к предкам, но и к собственной жизни: долг каждого – как представителя рода – выявить свое лицо, то есть воплотить свою индивидуальность, свои чувства, мысли, опыт – для следующего поколения сынов: «Бесплодие же (физическое и духовное), одиночество есть невыявленность миру лица... Наиболее глубокое познание личности возможно только сыну ее и через сына ее...» [14, с. 57].

В рамках своего понимания рода Флоренский разрабатывал основы биографики – особого способа изучения личности в контексте истории рода.

В свете концепции Флоренского интерес представляет его трактовка понятий «порода» и «благородство». Наглядным проявлением разрушения родового самосознания он считал утрату современным человеком таких качеств, как благородство, породистость: «...Член определенного рода – родовит, он – определенной «породы», породист..., то есть одновременно «породистый» и «благородный». Это значит, что род в нем явно сквозит. Да и что иное есть благородство, как не прозрачность эмпирической оболочки для ноуменального содержания... Ведь благороден тот, в ком вид определен, целен, невозмущен, то есть, зрим четко обрисованным. Благороден – тот, в чьем виде зрим род его, то есть в чьем лице видно вечное и вселенское...» [14, с. 123].

Центральное место занимал «семейный вопрос» в размышлениях Василия Васильевича Розанова. «Род – на – род = народ» – этот афоризм очень любил В.В. Розанов, на этом принципе строится его концепция семьи и воспитания. В обобщенной форме теория рода изложена философом в книге «Семейный вопрос в России» (1903 г.) [11]. Идеи Розанова звучат сегодня особенно актуально, они помогают глубже осмыслить метафизику семьи и рода, истоки традиционных семейных ценностей и тех форм жизни, в которых они воплощаются. Следует отметить, что В.В. Розанов значительное внимание уделял сохранению архива своей семьи.

Главная «миссия» семейного портрета – быть хранителем и транслятором семейного мифа, своеобразным мостом между бытом и бытием, прошлым и настоящим в жизни семьи, рода.

Актуализация традиции семейного портрета, фамильных портретных галерей применительно к современным реалиям жизни является очень важной как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. К сожалению, в настоящее время эту нишу в основном заняли низкохудожественные продукты массовой культуры (портреты с фотографий с помощью фотошопа) или так называемая «креативная» фотосъемка, в которой часто и намек нет на исконный смысл семейного портрета. Результатом профессиональной проектной деятельности в этом направлении станет укрепление института семьи в России, формирование у наших соотечественников, что особенно важно – у молодежи, родового самосознания и подлинного патриотизма, когда чувство сопричастности с историей Родины проходит через историю своей семьи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андрей Осипович Карелин. Творческое наследие / сост. Семенов А.А., Хорев М.М. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. 300 с.
2. Андроникова, М.И. Об искусстве портрета. М.: Искусство, 1975. 328 с.
3. Андроникова, М.И. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма. М.: Искусство, 1980. 436 с.
4. Антоненко, С. «Память их в род и род...» // Родина. 2005. № 7. С. 64-71.
5. Артемьева, Л.С. «Приметь перемену лица моего»: человек и его лицо в отечественной культуре второй половины XVIII века. Проблемы исследования // Выбор метода: Изучение культуры России 1990-х годов. Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. С. 130-138.
6. Василий Андреевич Тропинин. Исследования. Материалы / Под ред. М.М. Раковой. М.: Изобразительное искусство, 1982. 248 с.
7. «Для памяти потомству своему...» Народный бытовой портрет в России / Авт.-сост. Н. Н. Гончарова, Н. А. Перевезенцева и др. М.: Галактика Арт, 1993. 272 с.
8. Евангулова, О.С., Карева, А.А. Портретная живопись в России второй половины XVIII века. М.: Изд-во МГУ, 1994. 200 с.
9. Зингер, Л.С. Очерки теории и истории портрета. М.: Изобразительное искусство, 1986. 328 с.
10. Портрет в русской живописи XVII – первой половины XIX века. Альбом. Авт. ст. и сост. А. Б. Стерлигов. М.: Гознак, 1986. 150 с.
11. Розанов, В.В. Собрание сочинений. Т. 18. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 2004. 832 с.
12. Сямина, О.В. Метафизика рода. Генеалогическая концепция П.А. Флоренского // Феноменология русской усадьбы. Саратов: Саратовский источник, 2007. С. 16-22.
13. Флоренский, П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Заветание. М.: Московский рабочий, 1992. 560 с.
14. Флоренский, П.А. Сочинения. В 4-х томах. Т. 3(2). М.: Мысль, 2000. 623 с.
15. Флоренский, П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
16. Ярославские портреты XVIII-XIX веков: Ярославль, Переславль-Залесский, Ростов Ярославский, Рыбинск, Углич / сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Федорова, С. В. Ямщиков. М.: Изобразительное искусство, 1984. 36 с., [132] л. цв. портр.

REFERENCES:

1. *Andrei Osipovich Karelin. The Artistic Heritage.* Comp. Semenov, A.A., Khorev, M.M. Nizhny Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 300 p.
2. Andronikova, M.I. *On the Art of Portraiture.* Moscow: Iskusstvo, 1975. 328 p.
3. Andronikova, M.I. *Portrait. From Cave Paintings to the Sound Film.* Moscow: Iskusstvo, 1980. 436 p.
4. Antonenko, S. «Their Memory Is For Generation...». *Rodina.* № 7. 2005. Pp. 64-71.
5. Artemieva, L.S. «Note the Change in My Face»: a Man and His Face in the National Culture of the Second Half of the XVIII Century. Problems of Research. *The Choice of Method: The Study of Russian Culture of the 1990s.* Ed. by G.I. Zvereva. Moscow.: Publishing house of RSUH, 2001. Pp. 130-138.
6. *Vasily Andreevich Tropinin. Researches. Materials.* Ed. by M.M. Rakova. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1982. 248 p.
7. «For Progeny Memory...» *People Home Portrait in Russia.* Comp. N. N. Goncharova, N. A. Perevezentseva and others. Moscow: Galaktika Art, 1993. 272 p.
8. Evangulova, O.S. and Kareva, A.A. *Portraiture in Russia in the Second Half of XVIII Century.* Moscow: Moscow State University Press, 1994. 200 p.
9. Zinger, L.S. *Essays on the Theory and History of a Portrait.* Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1986. 328 p.
10. *Portrait of a Russian Painting XVII – the First Half of the XIX Century.* Album. Comp. A. B. Sterligov. Moscow: Goznak, 1986. 150 p.
11. Rozanov, V.V. *Family Question in Russia.* Ed. A. N. Nikoliukin. Moscow: Respublika, 2004. 832 p.
12. Syamina, O.V. Metaphysics of Generation. P.A. Florensky's Genealogical Concept. *Phenomenology of Russian Manor.* Saratov: Saratovskiy istochnik, 2007. Pp. 16-22.
13. Florensky, P.A. *To My Children. Memories of Past Years. Genealogical Research. From Solovetsky Letters. Testament.* Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1992. 560 p.
14. Florensky, P.A. *Works. In 4 Volumes.* Vol. 3(2). Moscow: Mysl', 2000. 623 p.
15. Florensky, P.A. *The Philosophy of the Cult (The Experience of Orthodox Anthropodicy).* Moscow: Mysl', 2004. 685 p.
16. *Yaroslavl Portraits of XVIII-XIX Centuries: Yaroslavl, Pereslavl, Rostov Yaroslavl, Rybinsk, Uglich.* Comp. and Entrod. by I. N. Feodorova and S. V. Yamschikov. Moscow : Izobrazitelnoe iskusstvo, 1984. 36 p., [132] fig.

УДК 94(4).85=161.1(045)»65»(4-015)

Пенская Т.М.**ЦЕНА РЕФОРМ...**

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с оценкой реформ Петра Великого в исторической перспективе. Автор статьи, исходя из того, что петровские реформы были предопределены ходом русской истории в предыдущие десятилетия, приходит к выводу, что из двух вариантов проведения необходимых реформ царь-преобразователь выбрал далеко не самый оптимальный. Придав развитию мощный толчок в ее экономическом развитии, Петр, как показывает исследование, наоборот, затормозил, а то и вовсе остановил политическое и социальное развитие как государства, так и общества в целом. В итоге цена реформ оказалась слишком высока и спустя два столетия привела к трем русским революциям и необходимости очередного скачка, сопряженного с немалыми жертвами и утратами.

Ключевые слова: Петр Великий; модернизация; реформы; вестернизация; цена реформ.

УДК 94(4).85=161.1(045)»65»(4-015)

*Tatyana M. Penskaya***THE COST OF REFORMS...**

Penskaya Tatiana Mikhailovna, *PhD in Historical Sciences, Associated Professor*
Belgorod National Research University
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article examines the issues associated with the assessment of Peter the Great's reforms in a historical perspective. The author proceeds from the fact that Peter's reforms were predetermined by the entire course of Russian history in the past decades. She comes to the conclusion that from the two types of reforms, the tsar chose the least optimal one. Having given a powerful impetus to its economic development, Peter, on the contrary, slowed down and stopped political and social development of the state and society as a whole. As a result the cost of the reforms was too high. Therefore two centuries later it led to three Russian revolutions and the need for the next leap, coupled with the considerable loss.

Key words: Peter the Great; modernization; reforms; westernization; the price of the reforms.

Титаническая фигура Петра I по праву считается одной из ключевых в отечественной истории. Безжалостной рукой «подняв Россию на дыбы», он провел серию радикальных преобразований едва ли не всех сторон жизни русского общества. «Нынешняя Россия, то есть Россия европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах жизни не стали мы рассматривать, о каком бы учреждении не стали бы мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся мы с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко не ушли в прошлое» [21, с. 335]. В этих словах русского историка М.Н. Погодина, как в капле воды, отражено восприятие личности Петра в российском общественном мнении, господствовавшее (и продолжающее господствовать) на протяжении веков.

Но так ли уж однозначна должна быть оценка деятельности императора-реформатора? Не секрет, что в России над этим стали задумываться еще при его жизни, и далеко не все разделяли восторженное отношение к его деяниям. И мнение князя Я.Ф. Долгорукого, ответствовавшего на вопрос царя-преобразователя о том, кто больше сделал для России, Петр или его отец, следующим образом: «Три главные дела у царей: первое – внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал <...>. Другое дело – военное. Этим делом отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск тебе путь показал; но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако, хоть и много я

о том думал, но еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать <...>. Третье дело – устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец», – было еще самым мягким [26, с. 87-88]. Были и другие, более жесткие и нелицеприятные – и тогда (те же старообрядцы сравнивали Петра с предтечей Антихриста), и потом (к примеру, известные слова И.Л. Солоневича о «первом большевике»). Одним словом, сегодня, при сохранении прежней, в большей или меньшей степени восторженной, панегирической оценки деяний Петра Великого (а величия его никто не отрицает – ни его сторонники, ни его противники), имеется и другая точка зрения, и если попытаться свести воедино обвинения в адрес Петра, то можно выразить общее мнение критиков следующим образом – деяния Петра, и в особенности последствия его реформ, стали одной из причин последующих проблем российской истории.

Почему? Попробуем дать ответ на этот вопрос. Главная цель Петра – создать сильное, могущественное государство, не уступающее ведущим европейским государствам своего времени. Эта тенденция наметилась еще при Иване Грозном, когда он поворачивал генеральное направление русской внешней политики на Запад, но особенное развитие получает в послесмутное время, при первых Романовых. Отечественный историк А.Б. Каменский, анализируя главную цель их политики, указывал, что Россия стремилась стать великой державой (не на словах: как мы себя именовали, это наше дело, а вот признавали ли нас в таком качестве соседи, те же поляки и литовцы – это совсем другой вопрос – Т. П.). «В условиях того времени стать “великой державой” значило обладать экономическим и военным потенциалом, позволяющим играть ведущую роль в мировой политике и вести активную наступательную внешнюю политику, столь же агрессивную и экспансионистскую, как у других крупных европейских держав...» [9, с. 48].

Какими обладал средствами Петр для конечной реализации этого замысла? Ответ на этот вопрос будет прост – самыми недостаточными. В то время Россия отнюдь не яв-

лялась самым населенным государством ни Европы, ни ее ближайшей периферии. По численности населения ее превосходили и Турция, и Франция, и Империя, немногим уступала ей Испания. Так, по приблизительным расчетам, с конца XV до сер. XVI вв. территория Российского государства увеличилась в 6 раз (до 2,5 млн. км²), а к концу столетия – еще вдвое (до примерно, по разным оценкам, 4,3–5,4 км²). На этой территории, превышавшей по площади Францию примерно в 9–10 раз, проживало значительно меньше людей. Если в конце XV в. население Российского государства составляло, по примерным подсчетам, около 2–3 млн. человек, то во Франции жило 14–15 млн. К середине XVII в. положение изменилось, но не намного: во Франции проживало порядка 16–18 млн. человек, а в России около 7 млн. Даже если взять более оптимистичные цифры Ц. Урланиса, который показывал для 1500 г. население Московии 5,8 млн. чел., а в 1650 г. – 11,3 млн. чел., или А.И. Копанева, который оценивал население России в середине XVI в. в 9–10 млн. человек, а на конец века в 11–12 млн., проживавших на территории 5,4 млн. км², все равно разница в численности населения и его плотности будет весьма и весьма значительной. Серьезным противником для России была и Турция. Османская империя в позднем Средневековье была одной из наиболее густонаселенных стран, непосредственно граничивших с Европой и Россией – по разным подсчетам, в течение XVI в. численность подданных султана выросла с 11–12 млн. до 22–25 млн. (или даже до 30–35 млн.) человек. В течение XVII в. ситуация стала иной, но по-прежнему не в пользу России – к исходу столетия во Франции, к примеру, проживало около 15 млн. чел, в Германии – 20, Испании – 10, тогда как во всем Российском государстве – 14 млн. [3, с. 190–191; 5, с. 93; 8, с. 118–119; 12, с. 235, 245; 14, с. 230; 18, с. 28; 20, с. 148].

То же самое можно сказать о природных богатствах России. По отношению к началу XVIII в. это не более чем миф. Для коренной России были характерны неплодородные почвы (черноземы Дикого поля в XVII в. еще только начали осваиваться), которые вкупе с суровым климатом и архаичной, примитивной агротехнологией давали урожай в луч-

шем случае сам-2-3. Хорошо известно также, что на территории Северо-Восточной Руси не было крупных месторождений металлов, в особенности, цветных и драгоценных (последние вообще практически отсутствовали), да и качество руд было низким. Так, английский посланник в России Дж. Флетчер, описывая уровень развития экономики России во 2-й половине XVI в., указывал на преимущественно сельскохозяйственный характер товаров, поступающих на рынок – хлеб, меха, воск, сало, ворвань, пенька, мед, кожи, икра, лен, деготь. Говоря же о железоделательных промыслах, он отмечал, что «здесьнее железо несколько ломко, но его весьма много добывается в Карелии, Каргополе и Устюге Железном. Других руд нет в России» [27, с. 30–34]. На низкое качество отечественного железа указывал позднее и беглый московский подьячий Г. Котошихин [13, с. 129]. Даже пушной зверь – и тот в европейской России был повыбит еще в XV–XVI вв., а иначе, зачем казаки и землепроходцы в погоне за ясаком прошли за меньше чем полстолетия всю Сибирь до Тихого океана, облагая ясаком в пользу «Белого царя» туземные народы? Много было леса, в том числе и строевого, но он пока еще не был слишком востребован на рынках Европы.

Бедность природными ресурсами, суровый климат, малочисленное, рассеянное по огромным просторам население и протяженные, практически не защищенные естественными препятствиями границы – все это ставило Россию в заведомо невыгодные позиции в сравнении с Западной Европой [см., напр.: 6; 16]. И в итоге, как справедливо отмечал С.М. Соловьев, для Западной Европы природа была матерью, а для Восточной Европы – мачехой [25, с. 8]. Не имея выхода к морям, к внешним источникам поступления драгоценных металлов, драгоценных камней, пряностей, московское правительство было вынуждено рассчитывать только на свои собственные силы.

Силы же эти были невелики. Невысокий уровень развития сельского хозяйства препятствовал быстрому развитию ремесла и торговли, становлению мануфактурной промышленности, росту городов как экономических, научных и культурных центров. Вынужденно экстенсивный характер разви-

тия сельского хозяйства и обусловленный фискальными и политическими причинами процесс постепенного полного закрепощения крестьян и прикрепления посадских людей к посадам отнюдь не способствовал образованию должного количества свободных рук и рынка наемного труда как одного из важнейших условий развития товарно-денежных отношений в стране и активизации процесса экономического роста. Отставание России в экономическом развитии неизбежно вело и к отставанию в развитии интеллектуальной сферы. Невысокий, в сравнении с передовыми странами Европы, уровень развития науки и техники был характерен для России на протяжении всего периода конца XV–XVII вв.

Невысокому уровню развития экономики и бедности, как страны, так и ее населения, соответствовала и бедность государства – казна постоянно была пуста, и даже если ее удавалось наполнить, то любая война моментально ее опустошала. Такое положение В.О. Ключевский метко охарактеризовал так: «Рать вконец заедала казну» [11, с. 200; ср.: 15, с. 157]. Внешних же источников финансирования, как то субсидии иностранных государств (как это было в случае Швеции, воевавшей на французские деньги) или займы, или результаты эксплуатации заморских колоний (как это было, к примеру, с Испанией в XVI в.) – не существовало.

Значение же заморских колоний показывает такой пример: между 1573 и 1598 гг. испанский король Филипп II получил из своих американских колоний свыше 50 млн. дукатов, но ему все равно их не хватило, поскольку активная внешняя политика и непрерывные войны, которые вела Испания, требовали денег намного, намного больше. Только война с голландцами в 90-х гг. XVI в. обходилась Филиппу в 9 млн. дукатов ежегодно [30, р. 9; 31, р. 175]. И это только один пример, относящийся к XVI в. Между тем, и в XVII, и в XVIII вв. тенденция роста государственных расходов не только сохранилась, но набрала новые обороты, и русские монархи, не обладая такими возможностями, заведомо оказывались в проигрышном положении.

Таким образом, имперские, «великодержавные» устремления наталкивались на

жесткие социально-экономические ограничения, которые в рамках тогдашнего общества преодолеть привычными методами не представлялось возможным. Следовательно, нужна была модернизация, которая позволила бы расширить эти узкие рамки. Российское общество конца XVII в. без нее не могло обойтись, и, как нам представляется, ни один здравомыслящий человек не будет отрицать этого и полагать, что, к примеру, раскольники были своего рода русскими протестантами и представляли реальную альтернативу тому курсу, который проводил Алексей Михайлович и его преемники. Вопрос упирается в другое: каким методами и в какие сроки осуществлять эту модернизацию. В принципе, мы согласны с мнением А.Б. Каменского, который писал, что «радикальная реформа стала для России конца XVII века насущной необходимостью, единственной возможностью выхода из кризиса», но у нас вызывает определенные сомнения его тезис, что эта радикальная, а не постепенная реформа выступал единственным средством «спасения государства» [9, с. 48].

Итак, в распоряжении имелось два возможных варианта: или постепенные социально-экономические и культурные преобразования, нацеленные, прежде всего, на развитие экономического базиса, культуры, просвещения в самом широком смысле, с одновременным усилением центральной власти и ее институтов (опробованные при предшественниках Петра Великого, на что и указывал Яков Долгорукий в своей сентенции); или же попытка совершить скачок «в светлое будущее» посредством тотальной мобилизации всех имеющихся ресурсов в интересах этой великой цели по принципу «Что хорошо для государства, то хорошо и для общества (т. е. для подданных)». По какому же сценарию должны были идти преобразования – по «мягкому» пути сочетания старины и новизны («модернизация без вестернизации» [29, с. 102]), или же через отрицание старины, коренную ломку традиций и обычаев?

Какой из указанных вариантов являлся оптимальным? Здесь все упирается в вопрос о сроках, которые были отведены Историей для России на модернизацию, было ли у нее в запасе даже не сто, а хотя бы пятьдесят лет или же нет? Ответа на это пока нет, и вряд ли

он появится в ближайшем будущем. Однако можно предположить, исходя из описанной выше ситуации, что все-таки подозревать великие державы конца XVII в. в том, что они собираются колонизировать Россию, не стоит – у них были несколько другие интересы и направленность. Да и слишком уж бедна была Россия на фоне других неевропейских стран Нового и Старого Света, на фоне Америк и обеих Индий, которые можно было подвергнуть колонизации и ограблению посредством неэквивалентного обмена. Полагать же, что таким колонизатором на рубеже XVII–XVIII вв. могли стать Речь Посполитая, пребывавшая со времен Хмельниччины и Потопа в перманентном кризисе, или же Швеция, было бы несколько наивно. Поэтому план Лейбница о «канализации» внешнеполитической активности великих держав в определенные регионы (для Швеции это Россия) оставался всего лишь досужими измышлениями немецкого философа. Если так, то получается, что у России было время для постепенных преобразований без надрыва, без безумной гонки за Европой, а, значит, и «модернизация без вестернизации» становилась вполне подходящим вариантом преобразований.

Однако Петр выбрал иной вариант, и этот вариант оказался успешным в ближней, но проигрышным в дальней перспективе. Почему? Попытаемся обосновать нашу точку зрения. Для начала цитата: «Петр, “революционер на троне”, сделав невероятно много для вхождения страны в систему западных государств, никакими “буржуазными преобразованиями” не занимался – он любыми способами укреплял военные силы абсолютистско-феодальной России и сделал это столь удачно, что на протяжении более чем столетия она смогла на равных участвовать в западных конфликтах» [19, с. 16].

Итак, Петр – революционер, который попытался ускорить ход развития России, заимствовав новейшие европейские достижения в области самых разнообразных технологий. Цель этих реформ вполне очевидна. Еще раз процитируем: «Тактику перенимания и избрал Петр, озаботившись линией выбрать из Европы лучшее и импортировать его в Россию. Характер данного импорта позволяет квалифицировать петровы действия

как насильственную вестернизацию. Обнаруживая на западе передовые технологии – военные, административные, финансовые, бытовые – без соответствующей рефлексии гражданского статуса (проблема неорганичности – потенциальные отторгающие реакции, императивы культурной, гражданской среды) Петр инкорпорировал их в национальную почву. Трансплантация западных институтов без учета отечественных реалий – это и есть вестернизация, осуществляемая не как самоцель (случай Павла), а как получение имперских выгод. Главное – добиться превосходства, превзойти Европу...» [7, с. 32-33].

Из приведенной выше цитаты вполне очевидны как цель и способы петровских реформ, так и их коренное отличие от тех шагов по переменам, что имели место ранее, и разница в подходах к реформам. Еще Карамзин подметил, что есть разница между эволюционным путем реформ, который проводил Иван III, и внешне революционным путем Петра. Петр выбрал модернизацию как «вестернизацию», причем насильственную, будучи совершенно уверен в том, что он, и только он понимает, что лучше для русского народа.

Здесь необходимо сделать некоторое отступление от главной темы. Говоря о петровских реформах, необходимо отметить, что четкого и стройного плана преобразований у молодого царя не было. Приступая к их осуществлению, он руководствовался первоначально лишь тем опытом, который он накопил на первых порах своего самостоятельного правления и путешествия в Европу, а также первостепенными нуждами государства. Однако через все его преобразования четко проходит красной линией одна идея, ставшая ключевой в его деятельности. Эта идея, заимствованная Петром на Западе – идея «общего блага». Это «общее благо» должно было быть достигнуто силой человеческого разума и деятельности человека. Направлять же эту деятельность, по мнению западноевропейских мыслителей, должно было государство, а точнее – его персональное воплощение, «просвещенный» монарх, обладающий абсолютной властью и ответственный за свои деяния только перед Богом. «Просвещенность» же монарха была

залогом того, что он не будет употреблять свою власть во вред обществу.

По мнению Петра, он должен был стать именно таким монархом, который выведет Россию и русский народ из мрака невежества и дикости. Конечно, царь любил Россию и русский народ, но «странною любовью». Безусловно, сравнивая образ жизни европейцев и своих подданных, он не мог не обратить внимания на разительные отличия, и ему было обидно за себя и за своих подданных. Петру хотелось, чтобы его подданные были так же богаты и счастливы, как, например, голландцы или англичане, и он был убежден, что путь к такой жизни лежит через просвещение России. Себя же Петр считал учителем, который призван самим Богом, чтобы пролить свет знания на темных, косных и ленивых русских людей, толкать их к новой жизни, даже используя насилие. Царь так и писал в одном из своих указов, что русский народ «яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят...» [22, с. 150]. При этом Петр, судя по всему, совершенно искренне полагал, что Господь возложил на него труднейшую обязанность вывести Российское государство на дорогу европейской цивилизации, и что он должен личным примером показать своим подданным, как нужно трудиться и действовать, чтобы догнать европейцев и быть не хуже их. Однако царь был один, и он не мог быть одновременно во многих местах, и потому, чтобы личный пример монарха не остался втуне, Петр решил задействовать всю мощь государственного аппарата принуждения и контроля над подданными.

Для успешного решения поставленной задачи старый государственный аппарат уже не годился, и Петр приложил огромные усилия, чтобы из патриархального Московского государства построить современное полицейско-чиновничье государство, основанное на началах военной организации и дисциплины. Это государство должно было стать надежным инструментом для проведения в жизнь воли монарха. Последняя же выражалась в потоке многочисленных указов, законов и предписаний. О том, какой была жизнь подданного российского царя в таком государстве, метко выразился русский историк

М.М. Богословский: «Подданный не только был обязан нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки...» [2, с. 12-13]. Отсюда любовь Петра (и не только его, но и многих его преемников «мужеска пола», особенно Павла I, Александра I и Николая I) к армии как к государственному институту, в котором принцип регулярности, порядка и дисциплины доведен до абсолюта; и значительный рост числа чиновников в петровскую эпоху, которые были призваны следить за исполнением многочисленных указов государя; и стремление Петра поставить под контроль государства все области жизни не только общества в целом, но каждого отдельно взятого человека. И поскольку немалое количество подданных вовсе не желали быть осчастливлены таким образом, возникла необходимость в совершенствовании репрессивного аппарата, ибо, как полагал сам Петр, обращаясь к своим подданным: «Сами знаете, хотя часто добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают...» [22, с. 388]. Полагая подданных в массе своей дураками, в ответ на предложение фискала Генриха Фика ввести в систему местного управления некий выборный из крестьян орган местного самоуправления, подобный шведскому кирхшпилю, Петр отвечал ему через Сенат: «Кирхшпильфохту и из крестьян выборным при судах и у дел не быть для того, что всякие наряды и посылки бывают по указам из городов, а не от церквей; к тому ж и в уездах из крестьянства умных людей нет...» [4, с. 6].

Что получилось в итоге? Да, безусловно, Петр сумел ускорить развитие России, и прежде всего экономическое, образно говоря, пробудил ее недра, создал промышленность, открыл Россию внешним рынкам, действительно превратил Россию в важный фактор мировой политики, в великую державу, в империю, наконец. Но какой ценой? Процитируем: «Однако парадокс истории России при Петре I состоял в том, что ради оснаще-

ния своей регулярной армии он “прихватил” у Запада капиталистический в потенции технологический элемент – мануфактуру, сочетая ее все более и более не с “наемным трудом”, к чему шел Запад, а с трудом крепостных. Тем самым был предопределен целый ряд поражений, которые последуют полтора столетия спустя, когда крепостной мануфактуре придется соперничать уже с капиталистическим производством Запада <...>. Промышленное производство увеличилось – развитие капитализма замедлилось...» [19, с. 16]. Выходит, что не был Петр революционером на троне, а, скорее, консерватором, и если уж и дальше использовать революционную фразеологию, то контрреволюционером. Петровские реформы сами по себе носили крайне противоречивый характер. «Гигантской антиномией реформаторства Петра <...> является антиномия “свобода – рабство”. На одной стороне – логика территориального расширения государства, необходимость борьбы за суверенитет <...>, требующие перехода на социальный форсаж, взыскующие абсолютизма и централизма <...>. На другой стороне – логика модернизации жизни, опирающаяся на заимствование цивилизно достаточно лояльных достижений и новинок» [7, с. 35-36].

Именно так: антиномия «рабство – свобода». Стремясь создать великую державу, Петр попытался внедрить достижения европейских технологий, используя по максимуму созданную его предшественниками систему социальных отношений. И, по нашему мнению, петровская вестернизация носила весьма своеобразный, ярко выраженный консервативный характер. Она не столько изменяла, перестраивала Россию, сколько, меняя ее внешний вид, фасад, оставляла при этом неизменной внутреннюю сущность прежнего «служилого» государства, постепенно создававшегося на протяжении XV–XVII вв.

Говоря об этом «служилом» государстве, необходимо совершить еще один экскурс в историю. Как писал Ю.Г. Алексеев, «...в отличие от наиболее развитых стран Запада она (Северо-Восточная Русь – Т. П.) встала на путь централизации на другом, более раннем этапе развития феодальных отношений. На Руси во второй половине XV в. еще не только не сложился капиталистический уклад (как

в тюдоровской Англии), но и не было сколько-нибудь заметных ростков новых буржуазных отношений (как во Франции Людовика XI)...» [1, с. 4]. Традиционная для прежней отечественной историографии концепция возникновения единого абсолютистского государства, возникшего в результате развития новых буржуазных отношений и выхода на политическую авансцену «третьего» сословия, основанная на анализе исторического процесса во многих странах Западной Европы, в России XV–XVII и даже XVIII вв. явно не годится.

О бедности Русского государства и его народа мы уже говорили выше, а теперь коснемся невыгодного геостратегического положения России. Расположенная на краю Великой Степи, она постоянно испытывала давление кочевников. Будучи же страной православной, она подвергалась еще и давлению католического Запада, которое особенно стало ощутимым в годы европейской Контрреформации. В.О. Ключевский отмечал, что территориальное расширение Московского государства в XV–XVI вв. не только поставило его «в непосредственное соседство с внешними иноплеменными врагами Руси – шведами, литовцами, поляками, татарами», но «это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами» [11, с. 195]. Между тем, еще в начале XX в. русский военный теоретик и историк Н.П. Михневич подметил, что «войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые» [17, с. 38].

Итак, Россия и ее народ на протяжении большей части своей истории были вынуждены вести напряженную борьбу за свое существование. К чему это должно было привести? Снова прибегнем к цитате: «Скудость ресурсов, связанная с отсталостью экономических отношений, при высоких государственных потребностях побуждала самодержавие проводить жесткую регламентацию общественной жизни. Государственные интересы в России всегда доминировали над общественными, иначе власть просто не смогла бы сконцентрировать в своих руках необходимые средства...» [10, с. 92]. Таким образом, для успешной борьбы за гегемонию в

Восточной Европе, для выживания в окружении мощных противников Московское государство должно было измениться внутренне, перестать быть похожим на вольную, свободную Киевскую Русь. «Нравится это кому-то или нет, но мобилизовать все силы нации и сконцентрировать их в нужном месте в нужный момент могла лишь сильная центральная власть, основанная на армейском принципе единоначалия», – отмечал А. Смирнов [24, с. 34]. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь был способен содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимую для нормальной жизни общества. Все это не могло не привести к тому, что в итоге, как отмечал А.Н. Сахаров, «Русское централизованное государство появилось на свет в жестоком противоборстве с Ордой и Литвой как мощная милитаризованная организация, которая, решив внутри- и внешнеполитические задачи – объединение русских земель и свержение татаро-монгольского ига, сразу же приступила к восстановлению былой общности восточного славянства <...>. От обороны и борьбы за независимость Русское централизованное государство логично перешло к все более расширяющейся и ожесточающейся экспансии...» [23, с. 5]. Для сравнения, польско-литовская модель, в которой шляхетские вольности были своего рода «священной короной», оказалась несовместима с новейшими требованиями в политической и военной сфере. Русское «служилое» государство, сложившееся в позднем Средневековье, оказалось способно мобилизовать все скудные силы и ресурсы общества для решения общественно важной задачи – дать адекватный ответ на военный вызов со стороны и Запада, и Востока, тогда как польско-литовская правящая элита, бдительно охранявшая свои сословные вольности – нет [см.: 28, с. 395-397].

Это «служилое» государство смогло отразить татарскую угрозу и приступить к освоению Дикого поля (достаточно указать на постройку Белгородской и Изюмской черт, выдвинувших рубежи Русского государства далеко в степь и сделавших возможными походы значительных армейских группировок в Крым), отвоевало у Речи Посполитой не

только Северщину, Смоленщину, но и Левобережную Украину, и, более того, настолько подорвало силы польско-литовского государства, что при всем своем нежелании поляки были вынуждены отказаться от намерений отвоевать утраченные земли и признать Москву по меньшей мере равноправным партнером. К началу XVIII в. ситуация вокруг России изменилась, и «служилое» государство, как нам представляется, в основном выполнило свою историческую задачу. Оно обеспечило не только выживание русского общества и его культуры, образа жизни, но и постепенно подготовило условия для перехода на иные начала развития. На наш взгляд, XVII в., точнее, вторая его половина, не случайно стал «бунташным» – общество почувствовало инстинктивно, что «пора и послабление дать, прибавить воли». Самые тяжелые времена остались позади и можно было приступить к изменению сложившейся модели, тем более что еще не поздно было повернуть в ином направлении – элементы иного порядка общественного устройства (взять хотя бы те же самые Земские соборы или незавершенность формирования того же крепостного права, во всяком случае, в 1-й половине XVII в.) еще существовали.

Однако этого не случилось. «Сслужилое» государство и общество, привыкшее к тому, чтобы служить, каждый на своем месте – царь на троне, бояре в думе, служилые люди в приказах или в поле с саблей или мушкетом в руках, купцы за прилавком, крестьяне в поле, ремесленники в мастерской, попы в церкви, монахи в монастыре, – общество и государство, которым была непонятна идея свободы и прав человека, ибо она и не могла зародиться там, где постоянно шла борьба за выживание, попали в руки Петра. Царь-реформатор получил уникальный инструмент осуществления своих замыслов и общество, привыкшее повиноваться верховной власти, в которой оно видело своего защитника и в определенной мере спасителя, хранителя традиционных ценностей. И этот уникальный механизм, способный мобилизовать все силы и ресурсы общества на решение значимых (или кажущихся таковыми) задач царь и направил на модернизацию-вестернизацию. Поставив сверхзадачу, исходя из того, что Россия вот-вот может рухнуть под натиском

более мощных противников, Петр решил использовать попавший ему в руки «административный» ресурс и сделал это сполна. Он до предела выжал все, что можно было, из этого «служилого» государства, а успех в Северной войне снял проблему оправданности жертв – победителей, как известно, не судят. Сам же успех в войне вроде бы показал, что созданный, точнее, модернизированный, «вестернизированный» Петром механизм «служилого» государства не просто эффективен, но идеален и потому может и дальше работать без особых изменений.

Но сумел ли Петр добиться той цели, к которой он стремился – достиг ли он «общего блага»? «Народ безмолвствует, но счастливы ли народ?» Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: тот самый народ, ради которого, в идеале, и затевались все эти реформы – народ счастлив не был! «Единоборство со Швецией <...> потребовало гигантского напряжения сил нации. При уменьшении на 7–15 % окончательно закрепощенного податного сословия страны (данные историков здесь расходятся) происходит трехкратное увеличение податей и доходов государства (примерно с 3 млн. рублей в 1710 г. до 10 млн. рублей в 1727 г.); две трети, иногда четыре пятых доходов уходят на войну. Десятки тысяч бывших крестьян гибнут теперь в баталиях Петра, при возведении северной столицы, работая в мануфактурах и на рудниках. Жесточайшему регламентированию подвергается деятельность купцов и предпринимателей. поголовно мобилизуется Петром на военную и административную службу дворянство, для чего вводится принудительное обучение всех дворянских отпрысков. Знаменитым “табелем о рангах” заново регламентируется – уже не по “роду”, а по заслугам – сословная значимость дворян. Невиданное развитие получает государственная бюрократия, опутывающая всю страну системой “сыска” и деспотической “опеки”...» [19, с. 15]. И, в общем, есть все основания согласиться с мнением авторов работы, из которой была взята предыдущая цитата: «Говорить о том, что Петр Великий заботился об “общем благе” подданных, конечно же, не приходится. Но он самыми беспощадными и варварскими методами обеспечивал “государственный интерес”» [19, с. 14]. Трудно не согласиться с мнением А.Б. Каменско-

го, отмечавшего, что «в результате реформ Петра степень несвободы русского дворянства, как и других социальных слоев русского общества, резко возросла. Дворянин или не дворянин, вне зависимости от наличия или отсутствия каких-либо привилегий, каждый житель империи должен был исполнять свою строго определенную функцию, состоящую в служении государству, вносить свой вклад в приумножение его богатства и могущества. Понятие “благо государства” совместились с понятием “общего блага” и стало высшей ценностью, перед которой отдельная человеческая жизнь не стоила ничего...» [9, с. 127].

Вне всякого сомнения, крутые, крайне расточительные и жестокие методы преобразований, во главу которых были поставлены интересы государства, привели к фактическому уничтожению тех ростков нового буржуазного общества, которые начали возникать на протяжении XVII в. «В качестве способа перевода России на интенсивное развитие была выбрана очень жесткая технология сверхэксплуатации народа. Ущемление прав, свобод (до петровских реформ простой народ, да и служилые люди были более свободны, чем после Петра – Т. П.), благосостояния оправдывалось чрезвычайщиной, в качестве итога давая не подъем уровня жизни, а увеличение статей казенного дохода. На примере преобразований Ивана IV (правда, с этим можно и нужно, по нашему мнению, поспорить – Т. П.) и Петра I убеждаешься: реформы в России обслуживают государево, а не народное дело» [7, с. 34].

Таким образом, подводя общий итог, отметим, что, на наш взгляд, цена успеха оказалась слишком велика. Придав России толчок посредством удара своей знаменитой дубины, Петр не сумел сделать самого главного – создать и запустить механизм внутреннего саморазвития России, ее экономики и, самое главное, общества. Еще раз процитируем: «Царизму, обладавшему огромными возможностями проникновения в стихийный процесс экономического развития, перераспределения его ресурсов и плодов, не удалось превратить процесс внедрения и роста “верхушек” капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений. Более того, конфликт буржуазного развития с крепостничеством

превращался в конфликт внутри первого, в столкновение разных вариантов самого капитализма, а позже – в 1917 году, в конфликт разных форм и средств приобщения к европейской цивилизации...» [17, с. 17]. При этом, насаждая в России новый порядок, Петр, подчеркнем это еще раз, не только не революционизировал общественные отношения, а законсервировал их наиболее архаичные, отсталые формы, и прежде всего крепостничество. Добавим к этому и упоминавшийся неоднократно раскол общества на европеизированную правящую элиту, образно говоря, «малый народ», и оставшуюся прозябать во мраке невежества основную массу населения – раскол, последствия которого не преодолены и по сей день.

Но и это еще не все. Сделав опору на служилых людей, Петр способствовал их сплочению, осознанию ими своей значимости, началу превращения ранее разрозненных страт служилых чинов сперва в шляхетство, а затем и в «благородное российское дворянство». Осознав себя как мощную политическую силу (а этому способствовала эпоха дворцовых переворотов, начало которой также положил Петр), оно не без оснований видело в крепостничестве основу своей власти и господствующего положения в обществе. А поскольку, за неимением других сил, государство не могло опереться ни на кого, кроме как на дворянство, то их судьбы оказались теснейшим образом связаны. Отменить крепостное право вопреки воле дворянства государство не могло, но и жить с ним становилось чем дальше, тем рискованнее. К началу XIX в. наиболее дальновидным представителям правящей верхушки стала очевидной опасность дальнейшего сохранения «служилого» государства, которое приобрело несколько странный характер – главное служилое сословие добилось абсолютной свободы от службы, тогда как степень несвободы остальных еще более возросла. Необходимость реформ стала еще более настоятельна, чем когда бы то ни было. Однако война 1812 г. и победа над Наполеоном способствовали своего рода «головокружению от успехов». В самом деле, если мы одолели Наполеона, следовательно, нет причин для беспокойства и для реформ – от добра добра не ищут. В

итоге преобразования оказались отложены еще на полстолетия, и носили вынужденно компромиссный характер.

Эта компромиссность, не удовлетворившая в конечном итоге никого, к концу XIX в. потребовала очередного витка реформ. Однако правящая верхушка, и прежде всего, сам император Николай II, оказались не способными к радикальным преобразованиям. Созданная Петром машина не смогла вовремя перестроиться, развернуться в новом направлении. Итог хорошо известен – три революции и крушение старого режима. Из всех оценок деятельности Петра Великого нам представляется одной из наиболее взвешенных и точных та, которая дана была мастером в такого рода делах В.О. Ключевским. Великий русский историк писал, что «противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решительностью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа и великими усилиями преобразователя, – столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ. Преобладание света или тени во впечатлении изучающего вызывало одностороннюю хвалу или одностороннее порицание, и порицание напрашивалось тем настойчивее, что и благотворные деяния совершались с отталкивающим насилием. Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самостоятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самостоятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная...» [11, с. 203].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев, Ю.Г. Под знаменами Москвы. М.: Мысль, 1992. 268 с.
2. Богословский, М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинции 1719-1727. М., 1902. 565 с.
3. Вернадский, Г.В. Россия в средние века. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 1997. 352 с.
4. Воскресенский, Н.А. Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 646 с.
5. Горская, Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма. М.: Наука, 1994. 154 с.
6. Дулов, А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 256 с.
7. Ильин, В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 384 с.
8. История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в). М.: Наука, 1993. 656 с.
9. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиция и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 328 с.
10. Карпачев, М.Д. «Каким был народ, таким было и государство». Материалы круглого стола «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43-93.
11. Ключевский, В.О. Курс русской истории. Ч. III // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. III. М.: Мысль, 1988. 414 с.
12. Копанев, А.И. Население Русского государства в XVI в. // Исторические записки. № 64. 1959. С. 233-254.
13. Котошихин, Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
14. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
15. Мейерберг, А. Путешествие в Россию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утвержде-
- ние династии. М.: Фонд Алексея Дубова – РИТА-ПРИНТ, 1997. С. 43-184.
16. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
17. Михневич, Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. 180 с.
18. Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М: Международные отношения, 1990. 446 с.
19. Плимак, Е.Г., Пантин, И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь Мир, 2000. 360 с.
20. Петросян, Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
21. Погодин, М.Н. Петр Великий // Погодин М.Н. Историко-критические отрывки. Т. I. М., 1846. 463 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. Т. 7. СПб., 1830. 933 с.
23. Сахаров, А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3-38.
24. Смирнов, А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34-38.
25. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. 701 с.
26. Татищев, В.Н. Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М.: Ладомир, 1994. 500 с.
27. Флетчер, Дж. О государстве русском // Прозжая по Московии. (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991. С. 25-138.
28. Флоря, Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2003. 403 с.
29. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
30. Anderson, M.S. The Origins of the Modern European State System 1494-1618. L.: Longman, 1998. 318 p.
31. Tallett, F. War and Society in Early Modern Europe 1495-1715. L.: Routledge, 1992. 336 p.

REFERENCES:

1. Alekseev, Yu.G. *Under the Banners of Moscow*. Moscow: Mysl', 1992. 268 p.
2. Bogoslovsky, M.M. *The Regional Reform of Peter the Great. Provinces 1719-1727*. Moscow, 1902. 565 p.
3. Vernadskiy, G.V. *Russia in the Middle Ages*. Tver': LEAN; Moscow: AGRAF, 1997. 352 p.
4. Voskresensky, N.A. *The Legislative Acts of Peter I*. Vol. 1. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy, 1945. 646 p.
5. Gorskaya, N.A. *Historical Demography of Russian Feudalism*. Moscow: Nauka, 1994. 154 p.
6. Dulov, A.V. *Geographical Environment and Russian History*. End of XV – Mid. of the Nineteenth Century. Moscow: Nauka, 1983. 256 p.
7. Il'in, V.V., Panarin, A.S. and Akhiezer, A.S. *Reforms and Counter-reforms in Russia*. Moscow: Moscow University Press, 1996. 384 p.
8. *The History of Europe*. Vol. 3. From the Middle Ages to Modern Times (the End XVth – the First Half of the XVIIth Century). Moscow: Nauka, 1993. 656 p.
9. Kamensky, A.B. *Russian Empire in the XVIIIth Century: Tradition and Modernization*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 328 p.
10. Karpachev, M.D. "What Were the People, So Was the State" Materials of the Round Table "Russian Old Order: the Experience of Historical Synthesis". *Otechestvennaya istoriya*. № 6. 2000. Pp. 43-93.
11. Klyuchevskii, V.O. *The Course of Russian History*. Part III. *Works in Nine Volumes*. Vol. III. Moscow: Mysl', 1988. 414 p.
12. Kopanev, A.I. The Population of the Russian State in the XVIth Century. *Istoricheskie zapiski*. № 64. 1959. Pp. 233-254.
13. Kotoshikhin, G.K. *Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich*. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p.
14. Le Goff, Zh. *The Civilization of the Medieval West*. Moscow: Progress, Progress-Akademiya, 1992. 376 p.
15. Meyerberg, A. A Trip to Russia of Baron Augustin Meyerberg, a Member of the Board of the Imperial Court, and Horace William Kalvuchchi, the Holder and Member of the Council of Government of Lower Austria, Ambassadors of August Roman Emperor Leopold to the King and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, Described by Baron Meyerberg. *Approval of a dynasty*. Moscow: Alexei Dubov Fund – RITA-PRINT, 1997. Pp. 43-184.
16. Milov, L.V. *The Great Russian Plowman and Features of the Historical Process*. Moscow: ROSSPEN, 2001. 576 p.
17. Mikhnevich, N.P. *The Fundamentals of Russian Military Art. A Comparative Essay on the State of the Art of War in Russia and Western Europe, the Most Important Historical Periods*. St. Petersburg, 1898. 180 p.
18. Molchanov, N.N. *Diplomacy of Peter the Great*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. 446 p.
19. Plimak, E.G. and Pantin, I.K. *Drama of Russian Reforms and Revolutions*. Moscow: Ves' Mir, 2000. 360 p.
20. Petrosyan, Yu.A. *The Ottoman Empire: the Power and Destruction*. Moscow: Publishing House Eksmo, 2003. 416 p.
21. Pogodin, M.N. Petr Velikij. *Historical and Critical Passages*. Vol. I. Moscow, 1846. 463 p.
22. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. The First Meeting. Vol. 7. St. Petersburg, 1830. 933 p.
23. Saharov, A.N. The Constitutional Draft and Civilizational Destiny of Russia. *Otechestvennaya istoriya*. № 5. 2000. Pp. 3-38.
24. Smirnov, A. The State of a Fighting Nation. *Rodina*. № 9. 1994. Pp. 34-38.
25. Solov'ev, S.M. *History of Russia Since Ancient Times*. Vol. 13. *Collected Edition of Eighteen Books*. Book VII. Moscow: Mysl', 1991. 701 p.
26. Tatischev, V.N. *Collected Edition*. Vol. 1. *History of Russia*. Part 1. Moscow: Lodomir, 1994. 500 p.
27. Fletcher, J. On the Russian State. *Passing Muscovy. (Russia of XVI-XVII Centuries Through the Eyes of Diplomats)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. Pp. 25-138.
28. Florea, B.N. *Ivan the Terrible*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. 403 p.
29. Hantington, S. *The Clash of Civilizations*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 p.
30. Anderson, M.S. *The Origines of the Modern European State System 1494-1618*. L.: Longman, 1998. 318 p.
31. Tallett, F. *War and Society in Early Modern Europe 1495-1715*. L.: Routledge, 1992. 336 p.

АРХИВ

УДК 004.55:930.25

Московкин В. М.,
Моисеева С. А.

ПУБЛИКАЦИИ ОБ ИНКУНАБУЛАХ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ ИНТЕРНЕТА¹

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Моисеева Софья Ахметовна, доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Для изучения степени представленности в Интернете научной литературы об инкунабулах проведено тестирование терминов «incunabula», «incunabulum», «инкунабула» и их производных с помощью поисковых систем Google Scholar и Google Books на 50-летних интервалах времени, с учетом статусов размещенных в этих интервалах книг: full text, preview, snippet view, no preview. Сделан краткий обзор найденных литературных источников разных статусов.

Систематический поиск в Google Books позволил идентифицировать каталоги инкунабул классических университетов Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани, Саратова, Томска, Харькова и Львова, первые два из которых представлены в открытом доступе. Из этого следует актуальность создания «Сводного электронного каталога инкунабул научных библиотек постсоветских университетов». На примере Харьковской инкунабулы Альберта Великого «De animalibus» (Mantue, 1479) показана возможность анализа представления конкретной инкунабулы в крупных традиционных и электронных каталогах.

Ключевые слова: инкунабула; открытый доступ; Интернет; Google Scholar; Googlebooks; incunabula; incunabulum.

Окончание. Начало см. в № 1(3) за 2015 г.

ARCHIVE

UDC 004.55:930.25

*Moskovkin V.M.,
Moiseeva S.A.*

PUBLICATIONS ABOUT THE INCUNABULA IN THE OPEN INTERNET ACCESS

Moskovkin Vladimir Mikhailovich, *Doctor of Geographical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Moiseeva Sofya Akhmetovna, *Doctor of Philological Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moiseeva@bsu.edu.ru

ABSTRACT

To study the representation of scientific literature on incunabula on the Internet the authors test the terms «incunabula», «incunabulum», «incunabula» and their derivatives in the Google Scholar and Google Books Search Engines using the 50-year intervals and the status the books were posted in these intervals: full text, preview, snippet view, no preview. The authors give a brief review of literature of different statuses.

A systematic search in Google Books made it possible to identify the incunabula catalogues of classical universities of Leningrad (St. Petersburg), Kazan, Saratov, Tomsk, Kharkov and Lvov. The first two of them can be found in the public domain. It implies the relevance of making the «Consolidated electronic catalogue of incunabula research libraries of post-Soviet universities.» Drawing on the example of Kharkov incunabula of Albert the Great «De animalibus» (Mantue, 1479) it is shown the possibility of submitting a specific analysis of incunabula in major traditional and electronic catalogues.

Key words: incunabula; open access; the Internet; Google Scholar; Google Books; incunabula; incunabulum.

Тестирование русскоязычного термина «инкунабула» и его производных с помощью Google Scholar и Google Books. Что касается тестирования русскоязычного термина «инкунабула» и его производных с помощью Google Scholar и Google Books, то, естественно, нами будет получено гораздо меньше откликов по сравнению с общепринятыми латиноязычными терминами «incunabula» и «incunabulum». Эксперименты с русскоязычными терминами, проведенные с помощью Google Scholar, приведены в Таблице 1. Отметим,

что сортирующий алгоритм по предметным областям «Google Scholar» для русскоязычных терминов отсутствует, в связи с чем, для исключения информационного шума, мы не фиксировали все семь предметных областей, как это осуществлялось при тестировании латиноязычных терминов. Если осуществить такую фиксацию, то для термина «инкунабула» мы получим всего один отклик вместо 43 (Табл. 1).

Таблица 1

Отклики на запросы термина «инкунабула» и ее производных, полученные с помощью Google Scholar 02.10.2012 г.

Table 1

Responses to search queries of the term «incunabula» and its derivatives obtained through Google Scholar, October 2, 2012

Термины / Terms	Количество откликов / Number of responses			
	Поиск по всей статье / Search all over the article		Поиск по заголовкам статей / Search by title articles	
Инкунабула	Включая цитирование / Including quotations	По крайней мере резюме* / At least summary (abstract)	Включая цитирование / Including quotations	По крайней мере резюме / At least summary (abstract)
		99	42 (31)	3
Инкунабул	215	97 (74)	7	3
Инкунабулы	293	126 (89)	9	0
Инкунабулами	39	18 (16)	0	0
Инкунабуловедение	5	5 (5)	0	0

* В скобках указано количество полнотекстовых документов / In parentheses is the number of full-text files.

В славяноязычном сегменте научных публикаций мы выявили большое количество полнотекстовых статей по русским, украинским, белорусским, литовским, латышским, болгарским и сербским инкунабулам. Например, в одной из этих статей мы находим информацию, что в Вильнюсском университете в настоящее время имеется 315 инкунабул [31]. Это намного больше, чем во Львовском (56 инкунабул, самая большая коллекция в украинских университетах) [13] или в Санкт-Петербургском университете (96 инкунабул) [16].

Огромный интерес представляет статья С.И. Дубинина [9], преподавателя кафедры немецкой филологии Саратовского государственного университета, посвященная первопечатникам и литературному немецкому языку юго-западного ареала. Со ссылкой на зарубежные источники он приводит очень важные количественные данные по пространственной активности центров книгопечатания в XV– начале XVI вв. Так, в Германии до 1500 г. было издано лишь около 30 % всех известных европейских инкунабул, а к

началу XVI в. в ней существовало уже около 50-ти издательских центров и примерно 250 печатников, в то время как в Европе их число достигало 1000. Первенство в технологическом развитии книгопечатания занимала Италия, хотя типографии в ней появились в середине 60-х годов XV в.

Изначально центрами книгопечатания юго-запада Германии выступили города Страсбург (первая типография появилась в 1468 г.), Аугсбург (1468 г.) и Базель (около 1470 г.), в дальнейшем их количество достигло 20-ти. Предпосылки зарождения книгопечатания в этом регионе связывают с наличием мощных центров рукописной книги ксилографического письма, а также с предрепарационным религиозно-просветительским движением. Быстрыми темпами развивались разделение и организация печатного труда, возникла книгопродажа. В Аугсбурге в 1480-1500 гг. действовали более 10-ти книготорговцев, в нем сложилась традиция иллюстрированной «народной книги». В Ульме (первая типография появилась в 1469 г.) типографии специализировались на издании книг по астрономии и географии, а Страсбург первым в Германии организовал книжные склады, используя рекламу и комиссионную торговлю. Стандартный (рентабельный) тираж книг в то время составлял около 300 экземпляров, причем практиковалось печатание и дополнительного тиража книг [9].

Далее С.И. Дубинин отмечает, что, с одной стороны, книгопечатание признавалось «славным почтенным искусством» («Кельнская хроника» 1499 г., в которой впервые было упомянуто изобретение Гутенберга), с другой стороны, известный гуманист, эльзасец Себастьян Брант (ок. 1458-1521) сомневался в пользе книгопечатания, отмечая в сатирической поэме «Корабль дураков» (1494), что работа в типографии достойна промотавшихся школяров. Он же с конфессионально-консервативных позиций порицал печатников как еретиков-отступников в лодке Сатаны, которые ради наживы игнорируют чистоту языка (гл. 103, строфы 77-83) [29].

В этой связи С.И. Дубинин отмечает со ссылкой на работу М.М. Гухмана [8, с. 75-76.], что поскольку немецкие инкунабулы еще не имели, подобно латинским книгам, «типографического status quo», первопечатники

довольно беспорядочно следовали старым рукописным традициям письменного языка, не стремясь к его нормализации и не заботясь о его единообразии. М.М. Гухман также подчеркнул длительность процесса переноса опыта работы с латинской книги (корректур, рукопись и набор, аутентичность текста и др.) на немецкую [9].

К сожалению, в обстоятельном обзоре С.И. Дубинина не были рассмотрены взаимные связи между книгопечатанием и создаваемыми в то время университетами. Этот пробел, уже на датском материале, восполнен в работе В.Е. Возгриня «Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV-XVII вв.)» [5], в которой показано влияние, оказанное Копенгагенским университетом (1478) на книгопечатание. Эта работа также находится в открытом доступе и легко идентифицируется с помощью Google Scholar. В ней отмечается, что через 4 года после открытия университета, учитывая возросшую потребность в учебной литературе, в Копенгаген из Любека переехал книгопечатник И. Шнелль, а вскоре и его нидерландский коллега Готфрид Хеменский. Они первоначально издали латинскую грамматику и переведенный Педера Лоле на латинский язык сборник датских пословиц, затем Готфрид Хеменский издал «Датскую рифмованную хронику». Это была первая в истории Дании книга на национальном языке, она имела огромную популярность в народе и многократно переиздавалась [5].

Рассматриваемый инкунабульный период книгопечатания в Европе совпал с показательными процессами над ведьмами, которые широко описывались в старопечатной литературе. Это нашло отражение даже в делах русского посольского приказа. Изыскания в его архиве одного шведского и двух российских исследователей привели к «Сочинению о демонах из архива посольского приказа» [18]. В этой работе отмечается, что основой схоластической демонологии были теории доминиканцев Альберта Великого (1200-1280) и его ученика Фомы Аквинского (1225/1226-1278). Суждения последнего высказаны в трактате «Сумма богословия» («Summa Theologica»), написанном в 1265-1274 гг. Данные суждения распадаются на две части: о наличии иерархии у демонов и о вреде, который они наносят человеку [18].

Обращает на себя внимание прекрасно иллюстрированная работа Н.И. Бугаевой, посвященная рукописным и печатным трактатам по архитектуре XV–XVI вв., которая также находится в открытом доступе Интернета [3].

Для исследователей, интересующихся проблемой миграции и судьбы старопечатной книги, будет интересен сборник статей напечатанных в 2008 г. в Таллинне под названием «Владельческий знак на старинной книге» [4]. Также отметим «Путеводитель по Императорской публичной библиотеке», изданный в 1860 г. [21]. Этот полнотекстовый документ заимствован из Google Books.

Google Scholar индексировал оцифрованный в полном объеме «Информационный бюллетень Российской библиотечной ассоциации» (2009, № 53), посвященный XIV Ежегодной конференции РБА «Библиотеки России в обществе знаний: динамика интеграции». Для нашего исследования из этого издания представляет интерес статья О.Н. Жлобинской о проекте «ENRICH» [11]. Этот сетевой проект создания европейской цифровой библиотеки рукописей и старопечатных документов хорошо вписывается в уже созданные сети электронных каталогов инкунабул и старопечатных книг, которые мы рассмотрели выше. В переводе на русский язык аббревиатура «ENRICH» означает «Европейские сетевые ресурсы и информация, касающиеся культурного наследия» (European Networking Resources and Information concerning Cultural Heritage). Этот проект финансировался с 01.12.2007 г. по 30.11.2009 г. в рамках программы eContent Plus. Его целью являлось создание основы европейской цифровой библиотеки культурного наследия (рукописи, инкунабулы, старопечатные книги, архивные документы и др.) путем интеграции разрозненного электронного контента. Консорциум ENRICH объединял 18 партнеров из 12-ти стран. Проект координировался Национальной библиотекой Чешской Республики совместно с двумя другими чешскими партнерами (AiP Beroun Ltd и Crossczech Prague Inc.). В основе проекта лежала цифровая библиотека Manuscriptorium¹, в которой были объединены данные из многочисленных библиотек Чехии и других европейских стран. Созданию этой библиотеки предшествовала многолетняя работа (с 1992 г.) под эгидой инициативы ЮНЕСКО

¹ <http://www.manuscriptorium.com/>

«Память мира», инициаторами и координаторами которой были Чешская национальная библиотека и AiP Beroun Ltd (Чехия). Объем каталога библиотеки Manuscriptorium на начало 2009 г. составлял около 180 тыс. описаний, 42 тыс. электронных копий документов, из которых полнотекстовых – 300 штук.

В заключение обзора полнотекстовых публикаций, посвященных изучению инкунабул и идентифицированных Google Scholar (Табл. 1), отметим обстоятельное исследование О.А. Жеравиной из Томского госуниверситета о роли библиотек Флоренции в деле сохранения и оцифровки итальянских рукописей и книжных памятников, а также их распространения в мировой сети Интернет [10]. Это исследование отразило огромную роль старых итальянских гуманистов и современных хранителей культурного наследия Италии. Их дело продолжается сейчас в предоставлении публичного и открытого доступа к этому наследию. Судьбу своих личных библиотек итальянские гуманисты, как правило, решали с позиций общественной пользы, передавая с трудом собранные книжные коллекции или завещая их в публичные библиотеки. Так же поступали и не столь именитые или вовсе неизвестные широкой публике врачи, профессора университетов, клирики, купцы и конторские служащие [10]. В наше время имеет огромное значение превращение собрания манускриптов и старопечатных книг Лауренцианы (Флорентийская библиотека Медичеа Лауренциана) в книжное наследие в сети Интернет, доступное для широких кругов научного сообщества – от палеографов до лингвистов, историков, философов, культурологов – и для широких масс пользователей этой сети, не связанных с наукой и не имеющих возможности оказаться в стенах знаменитой флорентийской книжной сокровищницы. Масштабным представляется и совместный проект Национальной библиотеки Флоренции с Компанией Google по оцифровке 300 тыс. книг, увидевших свет с V в. по 1870 г. [10]. Этот проект осуществляется в рамках общего проекта Google Books по оцифровке всего значимого книжного наследия мира, к которому подключено, как мы отмечали в начале статьи, около сорока крупнейших библиотек мира [28].

По аналогии с материалами Таблицы 1 протестируем теперь те же русскоязычные термины с помощью Google Books.

Таблица 2

Отклики на запросы термина «инкунабула» и ее производных, полученные с помощью Google Books, 11.10.2012 г.

Table 2

Responses to search queries of the term «incunabula» and its derivatives obtained through Google Books, October 11, 2012

Термины/ Terms	Количество откликов / Number of responses	
	Поиск по всей книге / Search all over the book	Поиск по заголовкам книг / Search by title articles
Инкунабула	211	3
Инкунабул	263	3
Инкунабулы	385	13
Инкунабулами	141	0
Инкунабуловедение	15	0

Выбрав из Таблицы 2 изучаемый нами термин во множественном числе («инкунабулы»), который встретился наибольшее число раз, протестируем его на полувековых

интервалах времени на предмет определения степени представленности книг в открытом доступе (Табл. 3). Ниже приведем обзор этих изданий.

Таблица 3

Степень представления в открытом доступе книг, в тексте которых встречается термин «инкунабулы». Google Books, 12.10.2012 г.

Table 3

The degree of representation in the public domain of books with the term «incunabula» in the texts; Google Books, October 12, 2012

Временной интервал	Full text	Preview ¹	Snippet view ²	No preview	Всего
01.1800 – 12.1850	2	0	0	0	2
01.1851 – 12.1899	15	0	41	19	75
01.1900 – 12.1950	1	0	42	19	62
01.1951 – 12.1999	2	8	143	48	201
01.2000 – 12.2011	0	32	48	10	90
Всего	20	40	274	96	430

¹ общее количество страниц ограничено для показа / total number of pages is limited to display

² показана обложка книги / shows the book cover

В первый временной интервал попали 2 полнотекстовых издания: учебно-литературный журнал «Отечественные записки» за 1840 г. [19] и «Книга в России» (ч. 2: XIX век) под редакцией В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова [17]. Последняя книга издана в советское время и попала в этот интервал из-за ошибочного написания на титуле книги после названия издательства и города, даты издания на латинском языке: MDCCCXXXV (1825). На титуле журнала «Отечественные записки» стоит штамп New-York Public Library, 1916.

Во втором временном интервале отметим издания, представляющие большой интерес для историков, филологов и библиографов. Это сочинение А.А. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», изданное в 1857 г. [22], а также «Опись библиографических книг и статей, изданных в России», составленная Григорием Геннади, и изданная в 1858 г. [6]. На первой книге стоит штамп Нью-Йоркской Публичной библиотеки (1927 г.), а на второй – библиотеки университета Вирджинии (University of Virginia Charlottesville Library). В последней книге приведены

библиографические описания с краткими резюме книг и статей, изданных в России с 1710 г.

Для изучения распространения инкунабул в странах Европы большой интерес представляет «Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года», сделанный В. Содольщиковым и опубликованный типографией Императорской академии наук отдельной книгой в 1860 г. [25]. Этот же обзор с рисунками библиотечного оборудования был опубликован в 1859 г. и в «Журнале Министерства народного просвещения» [26]. В этом же выпуске журнала, обнаруженном при запросе в Google Books слова «инкунабула», дано «Обозрение книг и журналов». На титуле книги В. Содольщикова стоит штамп Harvard University Wedener Library, а на титуле журнала – штамп Harvard College Library. В другом выпуске этого журнала за 1854 г., также находящемся в коллекции Harvard College Library, мы находим статью А. Артемьева «История рукописей библиотеки Императорского Казанского университета» [1]. И этот же журнал за ноябрь 1869 г. оцифрован и индексирован Google Books¹. Штамп американской университетской библиотеки здесь неразборчив, но отчетливо виден штамп библиотеки Константиновского межевого института.

В библиотеке Стэнфордского университета находятся «Путеводитель по императорской публичной библиотеке» (1860) и отчет этой библиотеки за 1863 год². Google Books оцифровал и индексировал книгу «Ученых записок Императорской академии наук» за 1858 г. под редакцией академика И.И. Срезневского³.

Большой интерес для изучения инкунабул представляет «Отчет Виленской публичной библиотеке за 1867 год» [20]. В нем отмечается, что эта библиотека создана в 1865 г. на базе библиотек закрытых римско-католических монастырей Северо-Западного края и переданных Главным начальником края в распоряжение Виленского учебного округа библиотеки бывшего Виленского музея древностей, а также конфискованных книг политических

¹ Журнал Министерства народного просвещения. СПб. Часть СXLVI, ноябрь, 1869.

² [21]; Отчет Императорской публичной библиотеки за 1863 год, представленный г. Министру народного просвещения Директором Библиотеки, тайным советником Деляновым. СПб., 1864.

³ Записки Императорской Академии Наук, кн. IV. Под редакцией академика И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1858.

преступников и многочисленных дарений. Из одних только монастырей во вновь созданную библиотеку было свезено до полутора тысяч книг. На титульном листе этого отчета стоит штамп Harvard College Library. From the collection of Merle Fainsod (1907–1972). В этой же библиотеке хранится «Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1866–67 академическом и 1867 гражданском году»⁴. К нему подшит аналогичный отчет за 1872–73 академический и 1873 гражданский год⁵. Место их хранения – Harvard University Library (штамп 1964 г.).

В Нью-Йоркской публичной библиотеке хранится литературно-ученый журнал «Русское слово» за 1860 г., издаваемый графом Г.А. Кушелёвым-Безбородко⁶. Мы обратили внимание на наличие и других выпусков этого журнала, находящихся в статусе «Snippet view». В этом статусе также наблюдаются разные выпуски «Славянского сборника» и «Русского вестника» (60–70-е годы XIX в.).

В заключение обзора полнотекстовых изданий, опубликованных во втором временном интервале, отметим «Материалы для библиографии или Обзорные русские и иностранных книг», составленное Яковом Березиным-Ширяевым и изданное в 8-ми книжках в 1868 г. [2]. Это издание хранится в библиотеке Мичиганского университета; в нем дан обзор книг по истории, археологии, нумизматике, географии, древней и новой литературе и др., начиная с XVI в.

В третий и четвертый временной интервалы попали две полнотекстовые статьи из журнала «Огонек» за 1950 и 1970 гг.

В целом в этих интервалах в статусе «No preview» очень много каталогов, учетных списков и инвентарей инкунабул разных библиотек. В третьем временном интервале обнаруживается обзор по инкунабулам Румянцевского музея⁷.

⁴ Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1866-67 академическом и 1867 гражданском году. М.: В университетской Типографии, 1868.

⁵ Отчет о состоянии и действии Императорского Московского университета за 1872-73 академический и 1873 гражданский год. М.: В университетской Типографии, 1874.

⁶ Русское слово. Литературно-учёный журнал, издаваемый графом Г.А. Кушелёвым-Безбородко. СПб.: Тип. Семёна Сединкина, 1860 (сентябрь).

⁷ Киселев, Н.П. Каталог инкунабулов Московского пу-

В четвертом временном интервале обнаруживается очень интересное исследование Ильи Герасимова об Александре Чайнове, опубликованное в 1997 г. в Казани [7]. Напомним, что Александр Васильевич Чайнов (1888–1937) являлся крупным российским экономистом, социологом, социальным антропологом, автором термина «моральная экономика» и основателем междисциплинарного крестьяноведения. Данное исследование раскрывает Александра Чайнова с другой стороны, как талантливого писателя и русского интеллектуала с большой буквы. В нем отмечается, что А. Чайнов был страстным коллекционером западноевропейской гравюры и старинных книг. В изданном им в 1926 г. кратком руководстве для музеев [27] одной из иллюстраций является гравюра Михеля Вольгемута «Танец смерти» из принадлежащей А. Чайнову инкунабулы Гартмана Шеделя «Книга всемирной хроники», напечатанной Антониом Кобергером в Нюрнберге в 1493 г. Судя по электронному каталогу инкунабул Британской библиотеки (Incunabula Short Title Catalogue), это издание было напечатано очень большим тиражом, на что указывает рекордно большое количество мест ее хранения. Один экземпляр тиража этого издания хранится в ЦНБ Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина [14], при отсутствии соответствующей ссылки в вышеуказанном каталоге. В этом же временном интервале в статусе «No preview» обнаруживается обзор Е.А. Немировского по славянским инкунабулам и палеотипам кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза¹.

По запросу «каталоги инкунабул» в поисковой системе Google можно увидеть большое количество библиографических описаний каталогов инкунабул, опубликованных до распада СССР. Помимо каталогов крупных библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, большую ценность представляет изданный в 1982 г. «Сводный каталог инкунабул небольших собраний, хранящихся в библиотеках СССР»².

бличного и Румянцевского музеев. Вып. 1-2. М., 1912-1913. Вып. 1. Инкунабулы «Румянцевского музеума». М., 1912. XXIV, 56 с. Вып. 2. Инкунабулы из собрания Норова. 1913. XVI, 56 с.

¹ Немировский, Е.Л. Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза // Советское славяноведение. 1968. № 1. С. 11-25.

² Сводный каталог инкунабул небольших собраний,

При сравнительном изучении каталогов инкунабул научных библиотек российских университетов следует иметь в виду ссылки на них для классических университетов Санкт-Петербурга³, Казани⁴, Томска⁵ и Саратова⁶. Полнотекстовые файлы таких каталогов насчитывают: Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета – 96 инкунабул; Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета – 14 инкунабул. Отметим, что в каталогах инкунабул научных библиотек Томского и Саратовского университетов учтено, соответственно, 26 и 10 инкунабул.

Самое большое количество (35) инкунабул среди украинских университетов хранится в научной библиотеке Львовского национального университета имени Ивана Франко⁷.

Для сравнительного изучения инкунабул научных библиотек российских или постсоветских университетов, на наш взгляд, необходимо составить сводный каталог инкунабул, а также оцифровать и выставить в открытый доступ уже опубликованные каталоги инкунабул по примеру Санкт-Петербургского и Казанского университетов.

Большой интерес может вызвать проект создания «Сводного электронного каталога инкунабул постсоветских библиотек», что позволит хранителям редких фондов библиотек и исследователям инкунабул сразу увидеть, в каких коллекциях присутствуют или отсутствуют изучаемые инкунабулы. В этой связи большой интерес представляет работа по созданию электронного каталога инкунабул РНБ [12], на конец сентября 2012 г. в

хранящихся в библиотеках СССР / сост. Н.П. Черкашина, К.Л. Биленькая; Вступ. ст. Е.Л. Немировского. М.: ГБЛ, 1982. 176 с.

³ [16]

⁴ Каталог инкунабул Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского / сост. Л.Н. Колосова. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1978. 18 с. Каталог инкунабул Научной библиотеки имени Н.И. Лобачевского Казанского Федерального Университета. Казань: Издательство Казан. Ун-та, 1978. 18 с.

⁵ Каталог инкунабул Научной библиотеки Томского университета / сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 39 с.

⁶ Каталог инкунабул Научной библиотеки Саратовского университета / сост. Ф.В. Гермашева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1970. 13 с.

⁷ [13]

нем насчитывалось 3263 инкунабулы. Таким образом, этот электронный каталог охватил около 50 % всего фонда инкунабул этой крупнейшей библиотеки России. Кроме того, отметим, что из 239 экземпляров инкунабул, включенных в «Сводный каталог инкунабул небольших собраний, хранящихся в СССР», 15 изданий представлены экземплярами библиотеки Харьковского университета [23].

Из недавно изданных в России работ большой интерес представляет «Каталог инкунабул и палеотипов из собрания Генриха Клемма», который насчитывает 137 инкунабул¹.

Анализ представленных инкунабул в крупных электронных каталогах на примере харьковской инкунабулы Альберта Великого «*De animalibus*». В заключение на примере одной из книг Альберта Великого (Albertus Magnus), хранящейся в Центральной научной библиотеке Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, покажем, как она представлена в других каталогах, доступных в Интернет.

Речь пойдет об издании «*De animalibus*» (Mantue, 1479). Трактат Альберта Великого «О животных», хранящийся в Харькове, детально описан в Каталоге инкунабул ЦНБ Харьковского университета [14] и в статье В.А. Репринцевой [24]. В каталоге Arnold Klebs показано 28 наименований книг Альберта Великого с указанием их изданий в разных печатных центрах. Его книга «*De animalibus*» в рассматриваемом каталоге показана следующим образом [30]:

14.1. Rome, Chardella, 2 Apr. 1478 (список каталогов с указанием этого издания нами опущен);

14.2. Mantue, Butzbach, 12 Jan. 1479
GW 588, HC 546, BMC vii 931,
Q – S 182, NYAM 3;

14.3. Venice, Grigoriis, 21 May 1495 (список каталогов с этим изданием нами опущен, экземпляр этого издания имеется в Российской национальной библиотеке).

Итак, экземпляр харьковской инкунабулы принадлежит к изданию, помеченному двойным номером 14.2. Из него видно, что эта ин-

кунабула издана Бутшбахом в Мантуе 12 января 1479 г. Ниже даются сокращенные названия каталогов с указанием номеров страниц, где описана данная книга. Например, Q – S это известный каталог медицинских инкунабул William Osler, изданный в Оксфорде в 1923 г.², NYAM – каталог инкунабул Нью-Йоркской академии медицины, изданный в 1930 г.³, BMC – каталог книг (XV в.) Британского музея, издаваемый в период 1908–1935 гг.⁴ и т. д.

Приведем перевод начального фрагмента этой книги из каталога ЦНБ Харьковского университета: «Начинается первая книга Альберта Великого о животном мире. Счастливо закончен этот труд о животном мире великого философа Альберта и предан тиснению в Мантуе через Паула Иоганнова немца из Бутшбаха Майнцского диоцеза в год от Р. Х. 1479 в 12 день января» [14].

В «Universal Short Title Catalogue» эта книга идет под номером USTC 998062 и имеет следующее описание: Автор: Albertus Magnus, St; Название: De animalibus. Место издания, издатель и дата издания: Mantova, Paulus de Butzbach for himself for Marcus Mazola & Antonius de Vignono, 12 Jan. 1479;

Ссылки: GW 00588; ISTC ia 00224000. Здесь первая ссылка на немецкий продолжающийся каталог «Gesamtkatalog der Wiegendrucke»⁵ соответствует GW 588 в каталоге Arnold Klebs. Вторая ссылка направляет нас на раннее отмеченный «Incunabula Short Title Catalogue» (ISTC) Британской библиотеки. В нем это издание описано аналогичным образом, но количество ссылочных каталогов достигает 30 (отсутствует ссылка на NYAM 3, имеющаяся в каталоге Arnold Klebs). Кроме того, в нем указаны места хранения рассматриваемой книги: 7 мест хранения в Великобритании, 3 – во Франции, 14 – в Германии, 17 – в Италии, 2 – в Испании, 4 – в Австрии, 9 – в США, 1 – в Канаде, 1 – в России, 1 – в Чехии, в Польше – 2, в Украине – 1, в Хорватии – 1, в Дании – 1, в Швеции – 1, в Норвегии – 1 (Табл.4).

² Osler, W. Incunabula medica, 1467 – 1480. List by V. Scholderer. Oxford, 1923.

³ Incunabula in the New-York Academy of Medicine. N.Y., 1930.

⁴ Catalogue of books printed in the XVth century now in the British Museum. Parts 1–7. London, 1908–1935.

⁵ <http://www.gesamtkatalogderwiegendrucke.de/>

¹ Каталог инкунабулов и палеотипов из собрания Генриха Клемма : Catalogue Henry Klemm's collection of incunabula and paleotypes / Российская гос. б-ка, НИО редких книг (Музей книги); [сост. и авт. вступ. ст. Н. П. Черкашина, Т. А. Долгодрова]. М.: Пашков дом, 2011. 334 с.

Таблица 4

**Места хранения книги
“De animalibus” Альберта Великого (Мантуя, 1479 г.), ISTC**

Table 4

*Storage locations of the book
“De animalibus” Albert the Great (Mantua, 1479), ISTC*

Страна	Города	Примечания
Великобритания	Оксфорд (4)*, Кембридж (2), Глазго (2), Лондон, Абердин	Различные колледжи Оксфорда: Bodley (2), Brasenose, New College
Франция	Париж, Лион	
Германия	Вюрцбург (2), Дармштадт (2), Мюнхен (3), Аугсбург, Берлин, Эрфурт, Фрайбург, Майнц, Мемминген, Нюрнберг, Трир, Веймар	Мюнхенские инкунабулы хранятся в трех разных библиотеках, включая университетскую
Италия	Болонья (2), Генуя (2), Бергамо, Фаэнца, Флоренция, Мантуя, Милан, Модена, Мондови, Парма, Равенна, Рим, Сиена, Турин, Венеция	Места хранения инкунабул в Болонье и Генуе разные, в обоих случаях одно из мест хранения – университетская библиотека
Испания	Мадрид, Толедо	
Австрия	Готвейг, Линц, Зальцбург, Вена	
США	Безесда, Кембридж, Чикаго, Ютика, Нью-Хавен, Нью-Йорк, Филадельфия, Сан-Марино, Вильямстон	
Россия	Москва (2)	Российская государственная библиотека
Чехия	Прага (2)	Национальная библиотека
Дания	Копенгаген	Королевская библиотека
Польша	Краков, Пелшин	
Норвегия		
Швеция	Стокгольм	Королевская библиотека
Украина	Харьков	Университетская библиотека
Хорватия	Загреб	
Канада	Монреаль	Университетская библиотека

*В скобках показано количество экземпляров инкунабулы в городах, где хранится более одного экземпляра / In parentheses is the number of copies of incunabula in the cities, where more than one instance.

При этом в некоторых местах хранения имеются несколько экземпляров книг, отмечается степень сохранности инкунабул. Книга представлена, в основном, в национальных и университетских библиотеках вышеуказанных стран. В отличие от других каталогов, приведена расшифровка сокращения названий ссылочных каталогов.

По запросу «Ablertus Magnus» в USTC было получено 499 откликов, в ISTC – 300 откликов, в ESTC – 36 откликов (в основном переводы на английский язык). В печатном каталоге Arnold Klebs, как отмечалось ранее, имеется 28 наименований книг Альберта Великого.

Изучение вышеуказанных каталогов показывает уникальность ISTC в вопросе изучения пространственной миграции инкунабул из их печатных центров.

Заключение. Несмотря на то, что Интернет в настоящее время сильно подорвал основы книгопечатания, имеется область, где он может помочь сохранить гутенберговское наследие (под ним в данной работе прежде всего понимается инкунабульный период книгопечатания от Гутенберга до конца 1550 г.) и передать его будущим поколениям. В этом отношении велика роль компании Google, которая, начиная с 2005 г., приступила к оцифрованию и индексированию всего значимого книжного наследия (около 120 млн. книг). В отличие от американского Google, европейцы, декларируя близкую цель – обеспечить доступ к книжному наследию Европы, способствовать его изучению и сохранению, – пошли по пути создания электронных каталогов и корпоративных сетей ограниченного доступа к полнотекстовым документам. К сожалению, эта деятельность слабо опирается на идеологию и технологии открытого доступа, и поэтому малозаметна и мало эффективна. В идеале все старопечатные книги должны быть оцифрованы и размещены в открытом доступе, что позволит не только сохранить эти книги в виде электронных копий для будущих поколений, но и стимулировать процесс их активного содержательного изучения и

сравнительного анализа для гораздо большего круга исследователей.

Для изучения степени представленности в Интернете научной литературы об инкунабулах с помощью поисковых систем Google Scholar и Google Books было проведено тестирование терминов «incunabula», «incunabulum», «инкунабула» и их производных. Эти эксперименты выявили большое количество релевантных статей и книг, что позволило сделать краткий обзор их содержания. Для терминов «incunabula» и «инкунабулы» проделано их тестирование с помощью Google Books на 50-летних интервалах времени с учетом статуса размещенных в этих интервалах книг: full text, preview, snippet view, no preview. Дан обзор книг, размещенных в разных статусах.

Систематический поиск в Google Books позволил идентифицировать каталоги инкунабул классических университетов Ленинграда (Санкт-Петербурга), Казани, Саратова, Томска, Харькова и Львова, первые два из которых представлены в открытом доступе.

В этой связи большую актуальность будут иметь проекты создания «Сводного электронного каталога инкунабул научных библиотек постсоветских университетов» и аналогичного каталога для постсоветских библиотек в целом, в котором ведущую роль занимала бы коллекция инкунабул РНБ.

В заключительной части работы показан пример анализа представления конкретной инкунабулы в крупных традиционных и электронных каталогах. Так, харьковская инкунабула Альберта Великого “De animalibus” (Mantue, 1479) отмечена во многих каталогах, причем данное издание этой книги, согласно каталогу инкунабул Британской библиотеки, хранится в 66-ти экземплярах в библиотеках 16-ти стран мира.

Показано, что этот каталог, насчитывающий около 30 тыс. изданий, представляет огромный интерес при изучении пространственной миграции (диффузии) инкунабул из европейских печатных центров в библиотеки стран мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артемьев, А.И. Исторические рукописи Библиотеки Императорского Казанского Университета // Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXXXIII. Отд. III. СПб., 1854. С. 1–56 (199–253).
2. Березин-Ширяев, Я.Ф. Материалы для библиографии или Обзорение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности NN. Кн. 1–8. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1868–1870.
3. Бугаева, Н.И. Рукописные и печатные трактаты по архитектуре XV–XVI веков // Архитектон: известия вузов. 2006. № 3(15). URL: http://archvuz.ru/2006_3/30 (дата обращения: 20.09.2014).
4. Владельческий знак на старинной книге : сборник статей / сост. и ред. Larissa Petina, Tallinn : Eesti Rahvusraamatukogu, 2008. 178 с.
5. Возгрин, В.Е. Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV–XVII вв.) // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / Под ред. В.И. Рутенберга. Л.: Наука, 1986. С. 152–181.
6. Геннади, Г.Н. Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1858. 196 с.
7. Герасимов, И.В. Душа человека переходного времени: Случай Александра Чаянова. Казань: Изд-во «Анна». 1997. 192 с.
8. Гухман, М.М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. В 2 ч. Ч. II. Становление немецкого литературного национального языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 204 с.
9. Дубинин, С.И. Первопечатники и немецкий письменно-литературный язык юго-западного ареала // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. Языкознание. 1999. № 3(13) С. 115–124. URL: <http://vestnik-samgu.ssu.samara.ru/gum/1999web3/yaz/199931202.html> (дата обращения: 20.09.2014).
10. Жеравина, О.А. Библиотеки Флоренции в культурном наследии Италии // Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 52–62.
11. Жлобинская, О.Н. Проект “ENRICH”. Создание европейской цифровой библиотеки рукописей и старопечатных документов // Информационный бюллетень РБА, 2009. № 53. С. 20–22. URL: <http://www.rba.ru/content/resources/bulletin/ib53/rba53.pdf> (дата обращения: 20.11.2014).
12. Западноевропейские издания XV в. (инкунабулы) в фондах РНБ. Электронный каталог. URL: <http://www.nlr.ru/rlin/incunab.php> (дата обращения: 15.01.2015).
13. Инкунабулы Научной библиотеки Львовского национального Университета имени Ивана Франко: каталог. – Incunabula Bibliothecae Universitatis Leopoliensis: Catalogus, 2011 (2-е изд.).

14. Инкунабулы Центральной научной библиотеки Харьковского университета. Каталог / сост. Е.С. Александрович. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1962. 20 с.
15. Каталог инкунабул /сост. и авт. вступит. ст. А.Х. Горфункель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 43 с.
16. Каталог инкунабулов Научной библиотеки С.-Петербургского государственного университета. URL: <http://www.library.spbu.ru/rus/ork/inkun.html> (дата обращения: 20.09.2014).
17. Книга в России. Под ред. В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова. Часть 2. Русская книга девятнадцатого века. СПб., 1861. М: Государственное издательство. 1925. 520 с.
18. Королев, А., Майер, И., Шамин, С. Сочинение о демонах из архива посольского приказа. К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2009. Т. 38. № 4. С. 108-121.
19. Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. Том VII. СПб.: В гутенберговой типографии, 1840.
20. Отчет о Виленской публичной библиотеке за 1867 год. Вильна: Тип. Сырина, 1868. 14 с.
21. Пыпин, А.А. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1857. 360 с.
22. Репринцева, В.А. История формирования коллекций отдела редких изданий и рукописей // Библиотечный форум Украины. 2005. № 1(7). С. 7-10. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/8?mode=full> (дата обращения: 15.01.2015).
23. Репринцева, В.А. Первенцы книгопечатания. К 200-летию Харьковского университета : Коллекция инкунабул ЦНБ // Universitates. Наука и просвещение. 2004. № 1. С. 54-59.
24. Содольщиков, В.И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1860. 89 с.
25. Содольщиков, В.И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CIV, отд. IV. СПб., 1859. С. 1-90 (353-441).
26. Чайнов, А. Старая Западная гравюра. Краткое руководство для музейной работы / Предисл. Н.И. Романова. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1926. 95 с.
27. Hayes, B. Bit Lit // American Scientist. 2011. Vol. 99. № 3. Pp. 190-194.
28. Brant, Sebastian. Das Narrenschiff / Bearb. Von E. Pradel. Leipzig, 1979.
29. Klebs, Arnold C. Incunabula scientifica et medica // Osiris. 1937. Vol. 4. P. 11.
30. Račius, Vidas. Vilniaus Universiteto Bibliotekas Incunabulai: Rinkinio Raida IR Sudėtis // Knygotyra, 2001. № 56. P. 124-134.

REFERENCES:

1. Artem'ev, A.I. Historical Manuscripts in the Library of Imperial Kazan University. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosvescheniya*. Part LXXXIII. Dep. III. St. Petersburg, 1854. Pp. 1–56 (199-253).
2. Berezin-Shiryaev, J.F. *Materials for a Bibliography*. Bk. 1-8. St. Petersburg, 1868-1870.
3. Bugaeva, N.I. Handwritten and Printed Treatises on Architecture XV-XVI Centuries. *Arkhitekton: News of Higher Education*. 2006. № 3(15). URL: http://archvuz.ru/2006_3/30 (date of access: September 20, 2014).
4. *Possessory Sign on an Old Book*. Ed. Larissa Petina, Tallinn : Eesti Rahvusraamatukogu, 2008. 178 p.
5. Vozgrin, V.E. University of Copenhagen in Denmark and Spiritual Culture (XV-XVII centuries.). *Urban culture: the Middle Ages and early modern times*. Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 152-181.
6. Gennadi, G.N. Russian Literature Bibliography. Inventory Bibliography of Books and Articles Published in Russia. St. Petersburg, 1858. 196 c.
7. Gerasimov, I.V. *The Human Soul in a Transition Period: The case of Alexander Chayanov*. Kazan: «Anna». 1997. 192 p.
8. Gukhman, M.M. From the German Nation to the German National Language. In 2 parts. Pt. II. *The Formation of German Literary National Language*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy, 1959. 204 p.
9. Dubinin, S.I. The First Printers, and German Writing and Literary Language of Southwest Area. *Vestnik of Samara State University*. Humanitarian series. Linguistics. 1999. № 3(13) Pp. 115–124. URL: <http://vestnik-samgu.ssu.samara.ru/gum/1999web3/yaz/199931202.html> (date of access: September 20, 2014).
10. Zheravina, O.A. Library of Florence in the Cultural Heritage of Italy. *Bulletin of Tomsk State University*. Ser. Cultural and art history. 2011. № 1. Pp. 52-62.
11. Zhlobinskaya, O.N. The Project “ENRICH”. Creation of a European Digital Library of Manuscripts and Early Printed Documents. *Information Bulletin RBA*. 2009. № 53. Pp. 20-22. URL: <http://www.rba.ru/content/resources/bulletin/ib53/rba53.pdf> (date of access: September 20, 2014).
12. *Western European Edition of the XV Century (Incunabula) in Funds NLR*. OPAC. URL: <http://www.nlr.ru/rlin/incunab.php> (date of access: January 15, 2015).
13. Incunabula of the Scientific Library Lviv University: Directory.– *Incunabula Bibliothecae Universitatis Leopoliensis: Catalogus*, 2011 (2nd ed.).
14. *Incunabula of the Central Scientific Library of Kharkiv University*. Catalog. Kharkov: Publishing Kharkov State University, 1962. 20 p.
15. *Catalog of Incunabula*. Ed. A. Gorfunkel. Leningrad: Leningrad State University, 1967. 43 p.

16. *Catalog of Incunabula of the Scientific Library of the St. Petersburg State University*. URL: <http://www.library.spbu.ru/rus/ork/inkun.html> (date of access: September 20, 2014).
17. *A Book in Russia*. Ed. by V.J. Adaryukov & A.A. Sidorov. Part 2. Russian Book of the Nineteenth Century. St. Petersburg, 1861. Moscow: State Publishing House. 1925. 520 p.
18. Korolev, A., Mayer, I. and Shamin, S. The Writing about Demons from the Archive of the Embassy. On the Question of Cultural Contacts between Russia and Europe in the Last Third of the XVIIth Century. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. Vol. 38. № 4. Pp. 108-121.
19. *Otechestvennye zapiski*. Erudite and Literary Magazine Published by Andrew Krajewski. Vol. VII. St. Petersburg: V gutenbergovoy tipografii. 1840.
20. *Report on the Vilnius Public Library for 1867*. Vilna: Typ. Syrina. 1868. 14 p.
21. Pypin, A.A. *Essay Literary History of Ancient Stories and Fairy Tales in Russia*. St. Petersburg, 1857. 360 p.
22. Reprintseva, V.A. The History of Collections of the Department of Rare Books and Manuscripts. *Bibliotechny forum Ukrainy*. 2005. № 1(7). Pp. 7-10. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/8?mode=full> (date of access: January 15, 2015).
23. Reprintseva, V.A. The Firstborns of Book Printing. To the 200th Anniversary of the University of Kharkov: Collection of incunabula CSL. *Universitates. Nauka i Prosvescheniye*. № 1. 2004. Pp. 54-59.
24. Sodol'schikov, V.I. Overview of Large Libraries of Europe at the Beginning of 1859. St. Petersburg: Typ. of Imperial Academy of Sciences. 1860. 89 p.
25. Sodol'schikov, V.I. Overview of Large Libraries of Europe at the Beginning of 1859. // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvescheniya*. Part CIV, dep. IV. СПб., 1859. Pp. 1-90 (353-441).
26. Chaianov, A. The Old West Engraving. A Quick Guide to Museum Work. Moscow: Ed. by M. & S. Sabashnikovs, 1926. 95 p.
27. Hayes, B. Bit Lit. *American Scientist*. 2011. Vol. 99. № 3. Pp. 190-194.
28. Brant, Sebastian. *Das Narrenschiff*. Bearb. Von E. Pradel. Leipzig, 1979.
29. Klebs, Arnold C. Incunabula scientifica et medica. *Osiris*. 1937. Vol. 4. P. 11.
30. Račius, Vidas. Vilniaus Universiteto Bibliotekas Incunabulai: Rinkinio Raida IR Sudėtis. *Knygotyra*, 2001. № 56. Pp. 124-134.

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(4)=161.1(048)»65»(4-015)

Пенской В.В.

«ТЕМА БЕЗ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой рецензию на недавно вышедшую монографию липецкого историка М. Б. Бессудновой, посвященную истории русско-ливонских отношений в конце XV в. Характеризуя монографию, автор рецензии вместе с тем высказывает свои соображения относительно особенностей процесса выстраивания отношений между Ливонской конфедерацией и Русским государством в этот период.

Ключевые слова: Русское государство; Ливония; русско-ливонские отношения.

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

UDC 94(4)=161.1(048)»65»(4-015)

Vitaly V. Penskoy

«A PROBLEM WITHOUT RESEARCH»

Penskoy Vitaly Viktorovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

ABSTRACT

The article is a review of the recently published monograph of Lipetsk historian Marina B. Besudnova. The monograph is devoted to the history of Russian-Livonian relations at the end of the XV century. When giving a review on the monograph the author expresses his opinion on the characteristics of the process of building relationships between the Livonian Confederation and Russian state in this period.

Key words: Russian State; Livonia; Livonian-Russian relationships.

Мы не случайно вынесли в заголовок рецензии название одного из разделов монографии липецкого историка М.Б. Бессудновой о русско-ливонских отношениях конца XV в. [2], ибо, пожалуй, в этих словах заключен основной смысл этой работы. Действительно, при всей значимости русско-ливонских отношений для русской истории (как всей русской земли в целом, так и ее северо-западной окраины – Псковщины и Новгородчины), тема эта исследована крайне слабо. Как справедливо отмечает исследователь в обстоятельнейшем историографическом обзоре в начале своей работы, «современные представления о Русско-ливонской войне 1501–1503 гг. и о трех десятках лет, которые ей предшествовали, содержат еще больше “белых пятен”, чем история Ливонской войны, а по уровню насыщенности мифами ее превосходят. Цицероновский постулат “История есть служанка политики” в процессе изучения русско-ливонских отношений конца Средневековья и раннего Нового времени проявлялся в виде устойчивой, долговременной традиции». И, как итог, с сожалением констатирует автор, «традиция эта породила и имплантировала в общественное сознание такое множество ложных концептов, аксиоматичных утверждений и мифологем, что с ними подчас не может справиться объективная логика современного научного знания» [2, с. 19].

С этим утверждением трудно не согласиться, будучи даже мало-мальски погруженным в тему, а по прочтении введения (повторим еще раз: весьма и весьма обстоятельного) – и подавно. На почти двух с половиною десятках страниц историк последовательно, шаг за шагом раскрывает (и это, несомненно, одно из достоинств рецензируемой монографии), как эта традиция политизированного и мифологизированного освещения русско-ливонских отношений складывалась и развивалась, превращаясь в монолит, причем с обеих сторон – и с русской (позднее советской), и с немецкой (немецко-прибалтийской). И трудно не согласиться с мнением исследователя, когда она пишет о том, что «русско-ливонский конфликт рубежа XV–XVI вв. (от себя добавим: и вообще вся история русско-ливонских отношений, начиная с конца XII в, когда началась немецкая колонизация При-

балтики, до XVI в. и позднее – В.П.) никогда не был объектом непредвзятого изучения, но традиционно использовался для построения моделей, контуры которых определяются политикой». Тем более важна предпринятая историком попытка отойти от этих жестких, продиктованных соображениями сиюминутной политической выгоды рамок освещения русско-ливонских отношений, взглянуть на стародавние события максимально отстраненно, *sine ira et studio*, преодолеть «рудименты “теории противостояния” двух миров-антиподов, какими вот уже много столетий представляются “Старая Ливония” и Русь...» [2, с. 42].

Насколько удалась эта попытка – судить, конечно, читателям монографии. Мы же хотели выделить ряд ее, на наш взгляд, несомненных достоинств и дополнить их своими соображениями, которые родились по ходу чтения книги, строго в рамках тезиса, выдвинутого автором исследования: «Так, может, вместо исконного “кто виноват?” задаться вопросом “как это случилось?” – и попытаться прояснить его, исходя из состояния противоборствующих сторон – Московской Руси и Ливонии, а также всего спектра межгосударственных отношений, сложившихся в Балтийском регионе к концу XV столетия...» [2, с. 42].

Итак, о достоинствах монографии. Поставив перед собой задачу преодолеть рудименты «теории противостояния», автор последовательно стремится их преодолеть, развенчивая складывавшиеся веками мифы и штампы. Прежде всего М.Б. Бессуднова, едва ли не первой в отечественной (и уж в современной – совершенно точно) историографии, попыталась дать ответ на вопрос – а что, собственно говоря, представляла собой Ливония на исходе Средневековья, накануне столкновения с молодым гигантом – Русским государством? Была ли она неким монолитом, единым (насколько это возможно было в ту эпоху) территориально-политическим образованием или же нет. И те отдельные намеки и идеи, ранее мелькавшие в отечественной литературе относительно того, что Ливония – это не только и не столько Орден, сколько целый ряд других образований, находившихся с Орденом и друг с другом в достаточно сложных отношениях, здесь приобретают законченный вид. Точно так же автор

монографии подвергает анализу и само состояние Ордена (традиционно в нашей литературе он именуется Ливонским, хотя, как указывает исследователь, это не совсем верное его наименование) во 2-й половине XV в. И, тщательно охарактеризовав внутреннее состояние Ордена и «старой Ливонии» к исходу XV в. в целом как «внутри» (внутриливонские отношения), так и «снаружи» (Ливония в системе балтийских и европейских, точнее, северо-европейских отношений), М.Б. Бессуднова приходит к выводу, неожиданному и не характерному для всей предшествующей отечественной историографии: Ливония в целом и Орден в частности отнюдь не стремились к агрессивной политике по отношению к растущему Русскому государству по причине, продиктованной недостаточностью ресурсов (любых – людских, материальных, экономических, административных и иных) для такого рода экспансионистской политики [2, с. 410].

Позиция автора по этому поводу вообще заслуживает отдельного разговора, поскольку имеет серьезные отличия от той, которую раньше занимали отечественные (да и зарубежные) историки. Не можем не процитировать весьма примечательное ее высказывание (на наш взгляд, заслуживающее внимания и имеющее немалые перспективы для дальнейшей разработки): «Европейские конфликты Нового времени, в изобилии возникавшие на фоне стремительно менявшейся геополитической обстановки, невозможно рассматривать в плоскости исключительно двусторонних отношений. Все они, как правило, являлись производными сложного сочетания предпосылок, зачастую не подлежащих классификации в поле относительных понятий, как “позитив” и “негатив”...» [2, с. 409]. К несчастью для Ливонии, она оказалась в сфере внимания сразу нескольких великих держав – в первую очередь Русского государства и Великого княжества Литовского, соперничавших за доминирование в Восточной Европе. И это не считая Священной Римской империи, Ганзейского союза, Швеции и Дании, также имевших свой интерес в «ливонском» вопросе. В конечном итоге их соперничество сыграло роковую роль в судьбе Ливонии, а события конца XV в., как показывает на страницах I раздела своего исследования М.Б. Бессуднова, стали своего

рода прообразом того, что ожидало Ливонию в XVI в., «веке экспансии» [5, с. 33], в котором ее не ожидало ничего хорошего.

В этом плане становится понятным, почему исследователь уделяет столь большое внимание (глава в I разделе, большая часть IV раздела и на протяжении немалой части II главы) фигуре Вальтера фон Плеттенберга, магистра Ордена и одного из главных действующих лиц в регионе в конце XV – начале XVI вв. Конечно, сегодня трудно сказать однозначно, какие помыслы двигали магистром, чем мотивировал он те или иные свои действия как глава Ордена, но создается впечатление, что Плеттенберг каким-то шестым чувством сумел понять еще только намечавшиеся политические тенденции и постарался, играя на противоречиях основных игроков на политической сцене Восточной и Северо-Восточной Европы, сохранить «старину» и тем самым продлить существование «старой» Ливонии. Во всяком случае, такой вывод можно сделать из последовательно разворачиваемой М.Б. Бессудновой картины внешне- и внутривосточных деяний магистра.

Но была ли выбранная Плеттенбергом политика отвечающей интересам Ливонии в долговременной перспективе? Любопытна с этой точки зрения выдержка из письма прусского герцога Альбрехта королю Польши Сигизмунду. В 1526 г. он писал, что «поскольку этот человек (магистр – В.П.) стар, следует, вероятно, принять во внимание его скорую смерть; сословия, епископства, города и прочие места в стране (Ливонии – В.П.) находятся в разладе и вплоть до сего дня пребывают в состоянии покоя только из-за любви, которую они питают к господину магистру, и страха. Но когда наступит его смерть, всякий, без сомнения, станет править, как ему заблагорассудится» [2, с. 130]. И эта выдержка наглядно показывает грядущий крах всей политики «разумного консерватизма» Плеттенберга. Выбранный им курс «заморозки старины» оказался в итоге губительным для Ливонии. Пытаясь сохранить несохранимое, магистр тем самым, по существу, поставил точку в исторической перспективе Ливонии. Он отказался переформатировать статус Ливонской конфедерации (впрочем, не только он один – все ливонские ландсгерры и город-

ской патрициат оказался в итоге не на высоте, и М.Б. Бессуднова это показывает в своей работе – партикулярность победила общий, стратегический интерес) тогда, когда это еще было возможно с минимальными потерями. Хотя, с другой стороны, остается вопрос – а возможна ли была эта переформатировка в то время? Можно привести пример ливонского магистра И.В. фон Херзе, который попытался было реформировать Орден за двадцать лет до Плеттенберга, но потерпел неудачу. Но, с другой стороны, после достаточно успешной для Ливонии войны 1501-1503 гг. с Русским государством Плеттенберг мог испытать судьбу и реформировать и Орден, и Ливонскую конфедерацию, но не решился на этот шаг – если рассматривал его вообще. Стать вассалом Дании или Польши, подобно последнему магистру прусского отделения Немецкого ордена Альбрехту, Плеттенберг не захотел, Империя от него де-факто отказалась, а с Москвой Плеттенберг категорически не хотел иметь, скажем так, «близких» (не говоря уже о вассальных) отношений. И эта отсрочка принятия неизбежного решения, освященная магией имени Плеттенберга, и привела в конечном итоге к роковому для Ливонии концу. Борьба между магистром Ордена В. фон Фюрстенбергом, попытавшимся продолжить курс Плеттенберга в новых, изменившихся условиях (не обладая при этом авторитетом и политическим весом покойного магистра), и его коадьютором и будущим преемником Г. Кеттлером, ориентировавшимся в своей политике на пример Альбрехта Прусского, привела в конечном итоге к разделу «старой Ливонии» между ее соседями и ее гибели (тогда как Пруссия сумела сохраниться в качестве единого целого).

Но вернемся к книге. В двух основных главах, II и III, имеющих характерные названия «Война или мир?» и «Ни мира, ни войны», автор исследования подвергает анализу состояние и развитие русско-ливонских отношений в последней четверти XV в. – накануне русско-ливонской войны 1501-1503 гг. И здесь также нетрудно заметить своего рода «красную нить», главный тезис, являющийся ключевым, с точки зрения исследователя, для понимания сущности происходящего. Суть его в том, что до поры до времени Псков и Великий Новгород, сохраняя независимость, играли в

отношениях Русской земли с Западом (через Ливонию) роль своего рода буфера, смягчавшего неизбежные при прямом столкновении двух разных культур и ментальностей конфликты. Однако, развивая свою мысль дальше М.Б. Бессуднова, с подчинением Новгорода власти Москвы и установлением московского протектората над Псковом «главным фактором, который предопределил развитие русско-ливонских противоречий, стало разрушение традиционного порядка общения между православным и католическим пространством («мирами»), который складывался веками и предусматривал своеобразный «адаптер», в роли которого выступали Великий Новгород и Новгородская земля, а также Псков [а от себя добавим – с «той» стороны таким «адаптером»-буфером выступала, выходит, Ливония]. Присоединение Новгорода к Московскому государству и установление его протектората над Псковом вызвало разрушение этой органичной композиции...» [2, с. 428-429]. И этот тезис, по нашему мнению, является своего рода «изюминкой» монографии и имеющим большие перспективы – причем в различных аспектах, в частности, применительно к изучению истории Новгорода и Пскова как самостоятельных территориально-политических образований и как вошедших в состав Русского государства земель.

Вместе с тем, принимая тезис автора о Новгородчине и Псковщине с одной стороны, а с другой – Ливонии (выделенное добавлено нами – В.П., ибо М.Б. Бессуднова, судя по всему, Ливонию таковой зоной не считает, что, по нашему мнению, неверно) как своего рода буферной зоне между миром православия и миром католичества, Востоком и Западом, хотелось бы изложить свои соображения по этому поводу. Безусловно, появление в устоявшихся взаимоотношениях Новгорода-Пскова и Ливонии-Ганзы «третьей силы» в лице Москвы неизбежно вело к коренному изменению баланса сил и обстановки на стыке двух миров. Но вот исчез ли в результате этого пресловутый «буфер»? Автор книги полагает, что Иван III осуществил своего рода «подгонку» общественного уклада Новгорода к московскому «стандарту». Но так ли это? Да, Иван осуществил выселение значительной части новгородской элиты, а на конфискованных землях рассадил своих

«шестников», провел инвентаризацию земель и перепись. Но была ли этим ликвидирована новгородская «старина» полностью, и приведена ли этими мерами Новгородчина к московскому «стандарту» (а и был ли тот московский «стандарт» вообще)? И этот вопрос относится не только к эпохе Ивана III, но и к временам более поздним – к примеру, к правлению Ивана IV. Даже если предположить, что Иван III провел радикальные политические реформы с тем, чтобы ликвидировать даже в зародыше возможные сепаратистские поползновения Новгорода, то ликвидировал ли он, предположим, экономические основы этого сепаратизма? Насколько выросла «связность» Новгорода и Москвы, насколько прочно Новгород был встроен в экономические и властные структуры Русского государства после преобразований Ивана III? В этой связи стоит отметить, что в современной отечественной историографии существует мнение о том, что Новгород и на протяжении большей части XVI в. сохранял определенную, достаточно высокую, степень автономии, и не только во внутренних делах [1], но и, похоже, во внешних [см., напр.: 3; 4; 6].

То же касается и Пскова – насколько здесь была ликвидирована «старина»? Ведь не прилагая особых усилий, можно подобрать немало признаков сохранения «самости» и Новгорода, и Пскова не только на рубеже XV–XVI вв., но и много позже. По всему выходит, что если Иван III и покушался на новгородско-псковскую «самость», то в весьма ограниченных масштабах, руководствуясь, прежде всего, мотивами политическими – привязывая благоприобретенные «отчины» к Москве политически, не покушаясь на внутренние основания их существования. И как бы он это сделал, если у Москвы не было на то ни сил, ни средств, прежде всего того самого административного ресурса – его и на самой Москве на тот момент, и много позднее тоже, было немного. Добившись на первых порах военной централизации, Москва очень долго была вынуждена мириться с отсутствием централизации политической, идя на соглашения и компромиссы с местными элитами, и в итоге, что при Иване III, что при его внуке, она оставалась «лоскутной» монархией. Осуществленный же Иваном III «перебор людишек» позволял решить главную на тот

момент задачу – ликвидировать возможность появления оппозиции и угрозу утраты территорий, тогда как сохранение «старины» в ее основаниях гарантировало лояльность основной массы «земли». По отношению к Новгороду это тем более примечательно, ибо, похоже, что к концу существования независимого Новгорода интересы боярской олигархии и «земли» начали существенно расходиться, что и обусловило в конечном итоге падение Новгорода. Однако при этом сохранялись и фундаментальные «корни» сепаратизма, которые рано или поздно должны были дать свои «вершки». Поэтому мы склоняемся к мысли о том, что «буфер» все же остался, но потребовалось время на его переформатирование и «притирку» старых его составных частей и элементов с новыми.

Кстати, в этой связи стоит отметить, что после войны 1501-1503 гг. в русско-ливонских отношениях наступает длительный, более чем полувековой период мирных отношений. Конечно, временами возникала напряженность, но до войны дело все же не доходило. И это может служить косвенным свидетельством того, что переформатирование системы политических отношений в регионе, осуществленное в конце XV – начале XVI вв., в Москве сочли вполне удавшимся, и сложившаяся ситуация ее устраивала. Что обращает на себя внимание, так это особый статус Новгорода и Пскова в отношениях с Ливонией и ливонскими ландсгеррами: русско-ливонские связи были отданы на откуп новгородским и псковским наместникам. Они, конечно, назначались Москвой, но насколько велика была степень их зависимости от столицы?

Последняя глава исследования М.Б. Бесудновой, как следует из ее названия «На пути к войне», характеризует политику ливонских ландсгерров, и прежде всего Плеттенберга, в критический для русско-ливонских отношений момент – конец XV в. Рассматривая причины, по которым Русское государство и Ливония, изначально, по мнению автора исследования [2, с. 414], не рассматривавшие себя как противники, в конечном итоге оказались в состоянии войны, историк выдвинул ряд любопытных соображений, заслуживающих того, чтобы привести их здесь. Во-первых, своего рода «бомбу» под русско-ливон-

ские отношения заложил, как это ни парадоксально, Псков. «В первой половине XV в. в связи с успехами псковской внутренней колонизации обстановка на границе стала стремительно накаляться. Возникла “проблема Пурнау”, оказавшаяся неразрешимой из-за обоюдных претензий на эту область Ливонского ордена и Пскова» [2, с. 412]. Псков, будучи не в силах взять эту область под свой контроль своими силами и не имея поддержки со стороны Новгорода, обратился за помощью к великому князю московскому и получил эту помощь. В итоге Москва оказалась втянута в пограничные разборки на не самом приоритетном для нее внешнеполитическом направлении, которые, как оказалось, имели для нее далеко идущие последствия. И отказаться от поддержки Пскова Иван III не мог – потеря лица могла обойтись очень дорого. Не правда ли, ситуация, сложившаяся тогда на псковско-ливонской границе, имеет немало параллелей и в наше время?

Во-вторых, последовательно проводя политику по инкорпорации Новгорода и Пскова в структуры формирующегося Русского государства, Иван III своими действиями невольно (ибо сама политика Ивана в качестве идеологического фундамента имела своей целью восстановление именно «старины» в том ее смысле, в каком ее понимали московские политические круги) разрушал де-факто привычную для всех участников политических и торговых отношений ситуацию в регионе. И этот объективный по своей сути процесс вызвал и у ливонцев, и у ганзейцев страх и ужас. В их сознании, пишет историк, «возник образ грозного московского тирана (выделено нами – В.П.)...» [2, с. 413]. И когда Иван начал перестраивать систему политических и экономических отношений с учетом своих имперских интересов и амбиций (вполне, впрочем, понятных – выступив одним из участников системы отношений, ранее его интересы не учитывавшей, он желал их изменить под себя, с тем расчетом, чтобы теперь в этом хоре звучал и его голос, и не на вторых ролях – политический и военный потенциал Русского государства, не сравнимый ни с ливонским, ни с ганзейским, ни со шведским или датским, давал ему на это

полное право), страхи и негативные образы воплотились в виде «Rusche gefahr», «русской угрозы» [2, с. 419-423]. Эта «Русская угроза», корни которой автор ищет (на наш взгляд, обоснованно), в ситуации, сложившейся в конце XV в. в Прибалтике, дальше начинает жить своей жизнью, усердно подогреваемая и Орденом (определенные круги которого нашли в этом *raison d'être* [2, с. 384-385, 387, 400-403]), и заклетыми друзьями московских Калитичей – польско-литовским Ягеллонами.

В этой связи подчеркнем еще раз, что не только Новгород и Псков были буферной зоной, но и Ливония тоже. И Москву она интересовала прежде всего именно в этом качестве. Конечно, всякая историческая аналогия хромает, но представляется, что здесь вполне уместна была бы аналогия с позицией Санкт-Петербурга по отношению к Речи Посполитой в XVIII в. И для Ивана III, и для его сына и внука, Ливония, слабая и раздробленная, не способная сплотиться внутри и выступить как единая сила, была нужна именно в роли буфера и своего рода витрины, канала, посредством которых Москва могла бы осуществлять политические и экономические связи с Западом – в особенности если Ливония занимала бы по отношению к Москве если не дружественную, то хотя бы благожелательную позицию, гарантируя московским купцам и дипломатам «путь чист» в обе стороны и бесперебойное поступление в Россию стратегически важных товаров и сырья. Примечательно: ведь Иван IV, отправляя свои полки в январе 1558 г., вовсе не имел своей целью (во всяком случае, на первых порах), покорения Ливонии и аннексии большей части ее территории (хотя он мог бы заявить свои претензии – и потом сделал это – на Юрьев (Дерпт) как на старинную свою «отчину»). И даже по мере эскалации конфликта он всячески уклонялся от введения прямого правления в оккупированной его войсками части Ливонии (за исключением Дерпта), предлагая роль своего вассала и «голдовника» то предпоследнему орденскому магистру Фюрстенбергу, то датскому принцу Магнусу. Кстати, М.Б. Бессуднова в своей работе сообщает весьма любопытную подробность – будущий император, а тогда римский король Максимилиан Габсбург предложил Ивану III взять под свое

покровительство оба, прусское и ливонское, отделения Немецкого ордена и вместе с ними ряд немецких городов Поморья [2, с. 185]. Не отсюда ли произрастает стремление Ивана IV иметь «своего» государя в Ливонии? И, возвращаясь к проблеме, отметим, что мы полагаем – решение Ивана IV вторгнуться в Ливонию было принято во многом по той причине, что Сигизмунд II вместе с его вассалом, прусским герцогом Альбрехтом, форсировали подготовку инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства по прусскому образцу. Полагая невозможным допустить аннексию этой территории своим противником (и тем самым установление более жесткой, чем ранее, блокады Русского государства), Иван и был вынужден пойти на такой шаг, не отвечавший его стратегическим интересам.

В общем, тезис об уничтожении «контактной зоны» Иваном III для нас представляется недостаточно убедительным. Подчеркнем – скорее всего, речь может идти об определенном реформатировании этого «буфера» с учетом новой политической реальности и соответствующей иерархии.

И еще один тезис, вызывающий определенные сомнения, – относительно той доктрины, которой руководствовался Иван III в своих действиях. М.Б. Бессуднова полагает, что Иван III заимствует концепцию *via regia* из Византии, со всеми полагающимися «довесками» к ней, в том числе и защиты православных везде, где они пребывают [2, с. 417]. Не есть ли это некое домысливание за Ивана его ментальных установок историком позднейших времен, некая модернизация минувшей действительности? Каким реально влиянием обладали русские книжники той поры на сознание Ивана III и его советников (а именно они могли такую идею продюсировать и индуцировать эту идею в сознание московского политикума – «книжность» самого Ивана, в отличие от его внука, вызывает определенные сомнения)? И где есть указания на то, что именно этой концепцией высшей, «императорской» власти, пользовался Иван III (нельзя же его знаменитые слова о поставлении свыше искони, сказанные Николаю Поппелю, полагать таковыми основаниями!)? По нашему мнению, сохранив-

шиеся документы не позволяют делать столь однозначные выводы относительно того, какими высшими идеями и установками руководствовался Иван III, определяя свой внешнеполитический курс.

Завершая рецензию, отметим, что достоинства книги можно перечислять еще долго, ибо, подчеркнем это еще раз, по нашему однозначному мнению, это первая в современной отечественной историографии работа, в которой подвергнуты детальному анализу взаимоотношения Русского государства, включая Новгород и Псков, и Ливонской конфедерации в конце XV века, в канун первой масштабной войны между Москвой и Ливонией. Можно много комментировать высказанные ее автором мысли и идеи. Обилие фактического материала, по большей части нового (ибо ливонские документы, опубликованные в большом количестве еще в XIX в., у наших историков не в чести), стремление по возможности объективно подойти к освещению событий с учетом пресловутой «ментальности» и «ментальных установок» той и другой сторон, – несомненные плюсы работы, делающие честь автору как историку и исследователю. Неординарность же подходов и стремление взглянуть на ситуацию, поднявшись над политическим конъюнктурами прошлого и настоящего, только способствуют желанию обсудить с автором монографии поднятые им проблемы и тем самым содействовать дальнейшим изысканиям в этом направлении. Конечно, при желании в работе можно найти и недостатки, но их можно объяснить, к примеру, тем, что русские документы и источники по истории русско-ливонских отношений сохранились в значительно худшей степени, нежели ливонские. Затрудняет работу с текстом отсутствие указателей, именного и географического прежде всего, да и словарь используемых терминов не помешал бы. Но эти недостатки, легко устранимые при подготовке 2-го издания монографии, отнюдь не портят благоприятного впечатления от представленной на суд заинтересованной публики, как профессионалов, так и любителей, работы, знаменующей новый этап.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бенцианов, М.М. Дети боярские «Новгородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241-277.
2. Бессуднова, М.Б. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М.: Квадрига, 2015. 448 с.+илл.
3. Дорошенко, В.В. Русские связи таллиннского купца в 30-х годах XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 49-52.
4. Курукин, И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М.: Квадрига, 2015. 192 с.
5. МакКенни, Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М.:РОССПЭН, 2004. 480 с.
6. Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-е – 80-е годы XVI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 569 с.

REFERENCES:

1. Bentsianov, M.M. The Landlords' Children. «Novgorod Landlords.» Novgorod Servitors Corporation at the End of XV – the MID. of the XVI Century. *Problems of Russian History. Vol. 3. Novgorod Rus': Historical Area and Cultural Heritage.* Ekaterinburg, 2000. Pp. 241-277.
2. Bessudnova, M.B. *Russia and Livonia in the Late XV Century: the Conflict Origin.* М.: Квадрига, 2015. 448 p.+ Fig.
3. Doroshenko, V.V. Russian Ties of Tallinn Merchant in the 30s of the XVI Century. *Baltic Economic Ties with Russia.* Riga, 1968. Pp. 49-52.
4. Kurukin, I.V. *Life and Works of Sylvester, the Mentor of Ivan the Terrible.* М.: Квадрига, 2015. 192 p.
5. McKenny, R. *XVI Century. Europe. Expansion and Conflict.* М.: ROSSPEN, 2004. 480 p.
6. Shaposhnik, V.V. *Church and State Relationships in Russia in the 30s-80s of the XVI Century.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2006. 569 p.

УДК 16;17

Чистякова Е.Ю.

**ДВИЖЕНИЕ BRIGHTS:
ОПЫТ РАЦИОНАЛЬНОГО
ДИАЛОГА О РЕЛИГИИ
И МОРАЛИ Д. ДЕННЕТА****Чистякова Екатерина Юрьевна, аспирант**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: chistyakova_e@bsu.edu.ru**АННОТАЦИЯ**

В статье рассматриваются возможные основания и перспективы диалога о религии и морали – так, как они представлены в исследованиях Д. Деннета, одного из наиболее известных представителей движения brights («нового атеизма»). В ситуации современного общества, постатеистического и пострелигиозного, как полагает Д. Деннет, диалог между верующим и атеистом означает просвещение в области ценностно-когнитивных структур религиозного опыта. В статье предлагается кейс-исследование этих условий, как они выявляются Деннетом в книге “Breaking the spell – Religion as a natural phenomenon”. Д. Деннет, как утверждает автор статьи, полагает сравнимыми религию и атеизм как исторические познавательные реальности, каждая из которых может быть объективирована в меру ее дискурсивности. Он настаивает на том, что только лишь религия не делает человека моральным, хотя и является исторической основой морали; не тождественны исторически слившиеся понятия «духовность» и «религиозность». Движение brights, если принимать во внимание аргументы Д. Деннета, имеет именно просветительский характер; «новый атеизм» не настроен воинственно против религии, но только против ее радикальных («монологических») проявлений.

Ключевые слова: рациональный диалог; религия; мораль; движение *brights*; религиозный фундаментализм; новый атеизм; смысл жизни.

UDC 16;17

*Ekaterina Yu. Chistyakova***THE BRIGHT'S MOVEMENT,
OR THE RATIONAL DIALOGUE
BETWEEN RELIGION AND MORALITY,
EXPERIENCED BY D. DENNETT****Chistyakova Ekaterina Yurievna**, *Postgraduate Student*

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

*E-mail: chistyakova_e@bsu.edu.ru***ABSTRACT**

The article considers the possible bases and prospects of the dialogue on religion and morals – as presented in D. Dennett's works, one of the most famous representatives of the *brights* movement ("new atheism"). As pointed out by D. Dennett, in modern post-atheistic and post-religious society, the dialogue between the believer and the atheist means the enlightening in the field of axiological and cognitive structures of religious experience. The article presents the case research of these conditions as they come to light in the book "*Breaking the spell-Religion as a natural phenomenon*". Dennett, according to the author, admits the comparable religion and atheism as informative historical reality, each of which can be objectified to the extent of its discursivity. He insists that the religion itself cannot make people moral, even though it is the historical basis of morality; historically merged concepts "spirituality" and "religiousness" are not identical. Taking into account the arguments of D. Dennett, the *brights* movement has an educational character; "New atheism" is not belligerent against religion, but just against its radical ("monologue") manifestations.

Key words: rational dialogue; religion; morals; brights movement; religious fundamentalism; new atheism; sense of life.

Увеличение доли верующих людей по всему миру и в России в частности приводит к актуализации вопросов, возникающих на пересечении сферы светского и сакрального. Происходит пересмотр жизненных ориентиров и переоценка ценностей в обществе. Результатом этого является изменение отношения к атеизму с нейтрального на агрессивное и осуждающее. В американском обществе присутствуют те же проблемы, связанные с религиозной принадлежностью населения. Ответом на происходящие социальные изменения является движение brights (светлые) или «нового атеизма», четырьмя главными подвижниками которого являются британский биолог Р. Докинз, американский философ Д. Деннет, журналист К. Хитченс, и философ С. Харрис [1]. Деятельность этих четырех мыслителей и всего движения направлены на популяризацию атеистического мировоззрения и науки [8]. Все они активно критикуют устоявшееся религиозное мировоззрение большинства мирового населения. Особую роль в идеологическом становлении «нового атеизма» сыграли работы Р. Докинза и Д. Деннета, которые активно поддерживают эволюционную теорию и распространяют ее на общество.

Д. Деннет является современным философом-когнитивистом и сторонником «нового атеизма» (движение brights). Российскому научному сообществу более всего известны его работы в области теории сознания. Он отталкивается от эмпирических данных наук о сознании и формирует свою теорию на стыке науки и философии. Деннет – ученик Куайна и Райла и сам иногда называет свою философию синтезом их идей [3]. Он основывается на аналитической традиции и на бихевиоризме, исходит из сциентистской и материалистической установки в вопросах сознания. Он пытается построить объективистскую теорию сознания от третьего лица, пользуясь гетерофеноменологическим методом [2, с. 124]. Он отвергает метафору «картезианского театра» и взамен ему предлагает модель множественных набросков [9, с. 143-144].

Он пытается преодолеть декартовский дуализм (по сей день царящий в когнитивистике), и настаивает на интенциональной (раз-

умной, целеполагающей) природе сознания [4, с. 15]. Разрабатывая проблему интенциональной установки, Деннет обнаруживает сходство человеческого сознания и компьютера. Он предполагает наличие «программиста» человека, которым является эволюционный принцип.

Деннет сознает необходимость принять во внимание культуру для объяснения сознания. Он подхватывает идею мемов у Докинза и развивает ее в «Эгоистическом гене». Мемы являются культурными аналогами генов и сравнимы с программами [6, с. 250-251]. Сознание выступает как комплекс мемов, которые накладываются на архитектуру мозга и определяют поведение человека. В процессе коммуникации и культурной имитации происходит перенимание мемов. Они, подобно генам, нацелены на выживание и распространение, независимо от благополучия их «переносчика».

От проблемы интенциональности через эволюционную биологию Деннет пришел к теории сознания, в котором обнаруживается проблема свободы воли. У него возникает идея, что проблемы сознания, являясь и без того трудными, усложняются еще двумя вещами: тревогой о свободе воли и о Боге. Так как многие люди выросли с верой в бессмертную душу и убеждением, что мораль зависит от наличия души и Бога, материалистические взгляды Деннета на сознание встретили враждебность. Это и побудило его «разрушить чары», писать книгу о том, как религия затуманивает головы многим людям, не давая смело смотреть в лицо трудным проблемам сознания.

Все взгляды Деннета по вопросам свободы воли и религии вытекают из его теории о сознании, ограничениях мозга и развитии ума. А именно, он отталкивается от эволюционной теории сознания и культуры. Религия как мем служит адаптивной функцией сознания и поэтому является природным явлением.

В своей книге «Разрушая чары: религия как природное явление» (2006 г.) Деннет стремится обосновать вредность такого опасного мема, как религия. Книга направлена на то, чтобы раскрыть людям глаза на

место религии в современном мире, и обладает агитационным потенциалом. Автор призывает читателей к рациональному диалогу на тему религии и настаивает на необходимости борьбы с радикальными ее проявлениями. На мой взгляд, с наибольшей отчетливостью условия возможности этого диалога, как их представляет себе Д. Деннет, дают себя знать в 10-й главе книги «Мораль и религия».

В первом параграфе под названием «Делает ли религия нас моральными?» Деннет полагает, что, те, кто думает, что религия является основным регулятором поведения людей и побуждает их быть добрыми из-за того, что их ожидает в загробной жизни, уничижают природу человека, делая его корыстным и неспособным к великодушным поступкам. «Я не выявил никаких свидетельств в пользу утверждения, что люди (религиозные или нет) не верящие в воздаяние на небесах и/или кару в аду, чаще будут убивать, насилловать, грабить или нарушать свои обещания, чем те, кто верит» [10, с. 279]. Данные статистики показывают, что среди заключенных одинаковое процентное соотношение религиозных и нерелигиозных людей. Более того, процент разводов в христианских семьях выше. Автор настаивает на отсутствии прямой связи между моралью и религией.

Вера в посмертное воздаяние может стать причиной чудовищного зла, и многие религиозные люди считают ее инфантильной и не способствующей моральной ответственности [5].

Вспоминая песенку о Санта-Клаусе [7], который приходит в город, чтобы принести подарки тем, кто хорошо себя вел, автор проводит аналогию с ожиданием небесного вознаграждения. Он называет это этикой абсурда: быть хорошим ради вознаграждения, а не ради самого добра.

Влияние религии на мораль, по мнению Деннета, не доказана, но нельзя отрицать того, что в прошлом религия являлась основой морали. Бог был гарантом исполнения договоренностей.

Он сравнивает миротворческие силы в Ираке с идеей Бога-наблюдателя и полагает ее основанием для формирования обще-

ственных гарантий, которое теперь может быть отброшено, поскольку уже выполнило свою функцию. Мы можем отказаться от идеи Бога-наблюдателя, так как в нашем обществе уже есть гарант нормального его функционирования – закон. А религия в ее попытке удержать идею Бога-наблюдателя становится рудиментом.

Еще одно представление о Боге – признание его примером для подражания. Бог, согласно этому воззрению, является совершенным существом, подражая которому мы приближаемся к этому совершенству. Из-за терпимого отношения к религии произошло смешение двух представлений о Боге-наблюдателе и Боге-примере для подражания. Но не стоит вдаваться в тонкие различия между доктринами, которые все же служат на благо человечества, когда существует множество глобальных проблем.

Несмотря на признание несовершенства доктрины, верующие не стремятся ее изменить, более того, это может подорвать источник организующей власти. «Сегодняшние религиозные войны могут быть слишком сложными, чтобы ожидать, что Бог остановит пули в воздухе, но вера в абсолютную Праведность мотивов может быть решающим компонентом в создании уверенности, с которой эффективные солдаты идут в бой» [10, с. 284]. Далее Деннет рассматривает феномен религиозного фанатизма на войне. Он задается вопросом: «может ли светская вооруженная сила, мотивированная в основном любовью к свободе или демократии, но не к Богу (или Аллаху), сохранить свой авторитет, и, следовательно, эффективность, с минимумом кровопролития против армии фанатиков?» [10, с. 284]. То есть, расшатывание религиозных устоев ведет к уничтожению эффективной армии фанатиков, которые верят доктрине.

Еще одним привлекательным моментом для фанатиков является «разрешение» на совершение насилия. Они ищут моральное оправдание в религии для своих кровожадных мотивов. И даже судьи, вынося свой вердикт, делают поблажку, считая религиозный фанатизм смягчающим фактором. Однако дело здесь обстоит как с преступле-

ниями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения, и поэтому фанатики должны нести полную ответственность за свои поступки.

В следующем параграфе «Придает ли религия смысл вашей жизни?», автор приводит статистические данные о том, что «большинство людей в мире считают, что религия очень важна в их жизни» [10, с. 286]. Многие считают свою жизнь бессмысленной без религии. Но может ли религия придавать жизни такой смысл, чтобы окружающие его уважали и считались с ним? Здесь же он ставит вопрос о статусе религиозных мошенников и лжерелигий. Люди, приходящие в религию, начинают чувствовать себя особенными, переосмысливают свои жизни, переживают духовное обновление независимо от того, настоящая ли это религия или «поддельная». Мошенники, которые наживаются на таких людях, хоть и совершают предосудительное действие, но те, кто их разоблачает, еще большее, так как они отнимают смысл жизни у людей, ведомых обманщиками.

Конечно, обманутые могли бы ввернуть свои время и деньги в руки признанных религиозных или светских организаций, но стоит ли нам разрушать их иллюзии? Данный моральный вопрос хорошо известен нам в других, более обыденных ситуациях. «Несмотря на ожесточенные разногласия во мнениях о других моральных проблемах, кажется, мы приближаемся к консенсусу в том, что жестоко и злобно вмешиваться в улучшающие жизнь иллюзии других, если эти иллюзии не являются сами по себе причиной еще больших бед» [10, с. 288]. Это решение уязвимо тем, что нужен всего один человек, чтобы разрушить утешительную иллюзию. Тем более, у нас нет четких критериев для определения тяжести последствий заблуждений, и мы не знаем, когда следует разрушать чужие иллюзии, «в результате – лицемерие, ложь, и отчаянные, но бесплодные попытки отвлечься» [10, с. 288].

Но говоря о лжерелигиях и мошенниках, мы забываем, что большинство представителей любой религиозной конфессии считают другую ложной. И все же есть меньшинство, которое проговаривается о несправедливости

такого отношения. Приводя высказывание Мэла Гибсона в качестве примера, автор отмечает, что «такие замечания сильно смущают две группы католиков: тех, кто верит им, но думает, что лучше всего не высказываться на этот счет, и тех, кто не верит им вообще, независимо от того, что может объявить церковь. И какая группа католиков более многочисленна или более влиятельна? Это совершенно неизвестная и в настоящее время непостижимая часть мучительных сомнений» [10, с. 289].

Смертная казнь как приговор для отступников от религии была распространена во всех авраамических религиях. В Библии, Торе и Коране можно встретить такую рекомендацию, однако христианство и иудаизм смогли преодолеть варварские убеждения. Сложнее дело обстоит с исламом как самой молодой религией из этих трех. Здесь мусульмане, которые не считают необходимой казнь вероотступников, боятся высказать свое мнение во всеуслышание, так как сами могут показаться отступниками в глазах других мусульман. «Так что не только нам, чужакам, остается гадать. Даже мусульмане “изнутри” действительно не знают, что мусульмане думают о вероотступничестве – они, в основном, не готовы ставить под угрозу свои жизни, что являлось бы главным признаком веры» [10, с. 289].

Деннет пишет о том, что есть два типа верующих: те, кто верит в Бога, и те, кто верит в веру. Он видит причину такой замаскированной веры в желании избежать конфликтов на религиозной почве, в которых набожные люди будут вынуждены вести себя нетерпимо. Автор приводит в качестве напоминания и примера эпоху инквизиции в христианской Европе.

В чем же заключается позиция толерантных религиозных людей? Деннет находит три варианта, «начиная с лицемерного макиавеллизма:

1. Политическая стратегия, в которой еще не настало время для откровенных заявлений религиозного превосходства, поэтому мы должны медлить и не будить лихо в надежде, что иноверцы со временем придут в истинную веру – через действительно терпимую точку зрения Эйзенхауэра: “Наше пра-

**ДВИЖЕНИЕ BRIGHTS: ОПЫТ РАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА
О РЕЛИГИИ И МОРАЛИ Д. ДЕННЕТА**

вительство не имеет никакого смысла, если не основано на глубокой религиозной вере, и неважно на какой”.

2. Действительно не имеет значения, какой религии вы клянетесь в верности, пока у вас есть какая-то религия – к еще более мягкому невмешательству манихейства.

3. Религия очень дорога для многих, чтобы думать об отказе от нее, даже при том, что она действительно не приносит пользы и является лишь пустым историческим наследием, которое мы можем позволить себе поддерживать, пока она тихо сама по себе не угаснет когда-нибудь в отдаленном и непредвиденном будущем» [10, с. 290].

Бесполезно просить людей выбрать какую-то из этих трех, во многом бестактных, точек зрения, они скорее выберут экуменический вариант терпимости.

Неужели, – спрашивает Деннет, – мы вынуждены притворяться в мире, где люди из-за религии умирают и убивают, последователи умеренных взглядов в религии запуганы радикалами, а другие боятся признаться в собственных религиозных убеждениях перед общественным мнением?

«По моему мнению, это не та сделка, в которой наша жизнь обретает драгоценный смысл только благодаря нашей преданности той или иной религии. Действительно ли это лучшее, что мы можем сделать? Разве не трагично, что так много людей во всем мире оказываются вовлеченными против воли в заговор молчания по причине своей тайной убежденности в том, что большая часть людей в мире прозябает в заблуждении (но они слишком добросердечны или хитры, чтобы так сказать) или по причине своей тайной убежденности в том, что их собственная традиция – именно такое заблуждение (но они боятся за свою безопасность, если они признают это)?» [10, с. 291].

Существуют люди умеренных взглядов на религию, воспитанные в определенной религиозной традиции и поддерживающие ее просто потому, что это их традиция, и они готовы отстаивать ее положения, так как это условие ее сохранения. Автор сравнивает ее с преданностью спортивной команде, которая тоже придает жизни определенный смысл.

«Это своего рода любовь, но не сумасшедшая любовь, которая заставляет людей лгать, мучить и убивать. Те, кто чувствует вину, наблюдая “измену” традиции, к которой они привязаны, невзирая на ее недостатки, должны задуматься над фактом, что сама традиция, к которой они так лояльны, “вечная” традиция, воспринятая ими в юности, является развитым продуктом многих корректировок, сделанных ранними почитателями этой традиции» [10, с. 292].

В третьем параграфе этой главы, названной «Что мы можем сказать о священных (духовных) ценностях?», Деннет предлагает способ обрести умеренную позицию: отказаться от абсолютистских положений религии. Он пишет, что раньше мораль имела преимущественно местный масштаб, т. к. люди не могли оказать влияние на события, происходящие далеко от них. Теперь же, благодаря технологическому прогрессу, область действия человека многократно расширилась, и моральная оценка не может ее полностью охватить. Мы можем использовать технологические средства, в том числе интернет, во благо и во зло, но иногда мы не можем четко оценить с моральной точки зрения наши поступки.

В условиях существования множества моральных вопросов стоит искать короткий свод правил морального поведения. Однако существует определенная трудность в интерпретации этих простых правил в конкретных ситуациях морального выбора. Даже кажущийся незыблемым принцип неприкосновенности человеческой жизни не всегда выполним. «Что мы должны сделать, когда более чем одна человеческая жизнь под угрозой? Если каждая жизнь бесконечно ценна и нет ничего более ценного, чем другой, то как мы можем, например, не давать еврею почку для пересадки, если она имеется в наличии? Современные технологии только усугубляют древние проблемы» [10, с. 294].

У многих людей возникает соблазн поручить принятие моральных решений кому-то, кто достоин доверия. Но будет ли это моральным, ведь мы сами ответственны за принятие моральных решений? Решение передать право принятия моральных решений эксперту

будет моральным тогда, когда это будет наш осознанный выбор.

Деннет считает мудрой такую модель поведения во всех других важных областях. Даже в случае принятия политических решений делегирование имеет место, когда оно будет осознанным и взвешенным, а не основанным на чувствах. «Именно поэтому те, у кого есть несомненная вера в правоту морального учения их религии, являются проблемой: если они сознательно и самостоятельно не смогли решить, достойны ли сами по себе их пасторы, священники, раввины или имамы этих делегированных полномочий над их жизнями, то они фактически принимают лично безнравственную точку зрения» [10, с. 295]. Деннет не пытается избежать этого шокирующего вывода, несмотря на то, что он оскорбителен для многих людей, считающих себя моральными. Считается образцовым среди верующих принятие морального учения их религии без вопросов и колебаний, т. к. это Слово Божие. Деннет же убеждает, «что тот, кто утверждает, что конкретный пункт моральных убеждений не обсуждаем, беспорен просто потому, что это Слово Божие или потому, что в Библии так написано, или потому, что “именно в это все мусульмане [индуисты, сикхи...] верят, а я – мусульманин [индуист, сикх...]”, с очевидностью лишает остальных возможности отнестись к их взглядам серьезно как к аргументу в моральной беседе, заставляет невольно признать их взгляды недобросовестно обоснованными и не заслуживающими никакого дальнейшего рассмотрения» [10, с. 295-296].

В качестве аргумента он приводит ситуацию, в которой он будет ссылаться на мнение своего друга в моральной оценке. Людям, участвующим в данном разговоре, покажется, что такой аргумент недостаточен. «Аргумент предполагает рассмотрение причин, а я не привел вам причину, которую вы смогли бы оценить в соответствии с моими ожиданиями» [10, с. 296]. То же самое и в случае ссылки на божественный авторитет. Для людей неверующих она не будет весомым аргументом. Если убежденность религиозного человека в правоте авторитета настолько

сильна, что он не может ее игнорировать, то такой человек, по мнению Деннета, «не способен к моральным убеждениям, своего рода автоматизированный раб мема, который он не способен оценить» [10, с. 296]. Но если человек утверждает, что может его оценить, но не допустит кощунственных сомнений в истинности доктрины, он признает отказ от рационального обсуждения. Таким образом, искренне верующие не могут участвовать в рациональном дискурсе на тему религии по причине недостаточности рациональных аргументов в пользу своих убеждений.

«Заметьте, эта позиция не предполагает непочтительности и не отрицает возможность того, что Бог указал вам истину. Если Бог говорит с вами, то часть вашей задачи – убеждать тех, с кем Бог еще не говорил, в том, что они должны верить. Если вы отказываетесь или неспособны попытаться сделать это, вы на самом деле подводите своего Бога под видом демонстрации вашей беспомощной любви. Вы можете отказаться от участия в дискуссии, если нужно, это ваше право, но тогда не ожидайте, что мы дадим вашему мнению особую оценку, которую мы не можем обнаружить другими способами, и не вините нас, если мы вас не поймем» [10, с. 296-297].

Многие религиозные люди станут отстаивать свои убеждения, привлекая рациональные доводы, которые не вызовут у них особых затруднений. Однако им следует принять дипломатическое решение: станут ли они вместе с Деннетом убеждать фанатиков в пагубности их влияния на религиозную традицию. Это он называет самой сложной проблемой настоящего. В каждой традиции есть небольшое количество мирно настроенных людей, которые хотят объединиться с представителями других религий и нерелигиозными людьми в попытке рационально разрешить моральные проблемы современности. Автор приводит в качестве примера принципы четвертого Всемирного Парламента Религий, проходившего в июле 2004 г. в Барселоне: «слушайте так, чтобы все могли услышать; говорите в почтительной манере; развивайте и углубляйте взаимопонимание; узнайте о точке зрения других и размышляйте над собственными взгляда-

ми, и откройте для себя новые идеи («Пути к миру», программа парламента)» [10, с. 297]. Хотя это мероприятие и объединило людей различных религий, которые прониклись взаимным уважением и пониманием, оно неэффективно в борьбе с радикальными элементами. «Умеренные мусульмане до сих пор совершенно не способны повернуть мнение мусульман против ваххабитов и других экстремистов, но умеренные христиане, иудеи, индуисты были некогда в равной степени беспомощными в борьбе с возмутительными проявлениями фундаментализма» [10, с. 297-298].

Деннет пишет о том, что настало время разумным верующим изменить традицию беспомощной любви к Богу. Достойны порицания религиозные лидеры, которые прикрываются догматами и не способны аргументировать свои воззрения.

Люди наивно полагают, что любовь к Богу освобождает их от необходимости понимать тонкости вероучения. Если такие люди хотят, чтобы другие уважали их позицию, они должны уметь ее рационально обосновать. «Бог, который был бы доволен проявлениями безрассудной любви, не достоин поклонения» [10, с. 298].

Деннет находит сходство между религией и бассейном: они притягивают неприятности. В законе указано, что люди, у которых есть потенциально опасные для детей объекты, должны принимать меры для защиты от этой опасности. «Собственники несут ответственность за причиненный вред, если они имеют что-то, что может привлечь невинных людей и нанести этим ущерб» [10, с. 299]. Люди, способствующие распространению религии должны нести такую же ответственность за вред, нанесенный некоторыми ее сторонниками. Да, террористы обычно имеют политические цели, но они зачастую принимают религиозный облик. «Действительно, эти фанатики редко или никогда не вдохновляются или управляются теми самыми глубокими и лучшими принципами религиозных традиций. И что же? Терроризм Аль-Каиды и Хамас – все еще ответственность ислама, а взрыв абортария – все еще ответственность христианства, а

кровавая деятельность индуистских экстремистов – все еще ответственность индуизма» [10, с. 299].

Ссылаясь на Сэма Харриса, автор рассказывает читателям про одну уловку: позитивная деятельность умеренных представителей различных конфессий обеспечивает маскировку ее радикальным элементам. «Короче говоря, умеренные во всех религиях используются фанатиками и должны не только возмущаться, они должны принимать все возможные меры, чтобы сократить фанатизм в собственных традициях» [10, с. 300].

Для достижения устойчивого мира с Западом исламу придется радикально измениться. И только умеренные мусульмане могут способствовать этим переменам. Западные люди должны продемонстрировать свою благожелательность, решая социальные проблемы, чтобы мотивировать исламских лидеров к сближению.

Как мы можем уберечь религию от использования фанатиков? Нам стоит воспринимать ее как достойный выбор человека, а не как нечто неприкасаемое. Попытки сделать это предпринимают брайтс (умные, сообразительные) – нерелигиозные люди, которые занимаются благотворительностью через светские организации. «Наши руки чисты, и нас больше, чем умеренных христиан, избегающих давать средства антисемитским организациям в христианстве или умеренных евреев, ограничивающих свою благотворительность организациями, работающими на обеспечение мирного сосуществования палестинцев и израильтян» [10, с. 301]. Необходимо обнаружить радикалов в каждой традиции изнутри. Верующие, которые не примкнули к этой деятельности, будут считаться ответственными за деяния радикалов в их традиции, так как «христианство, ислам, иудаизм, индуизм сами по себе притягивают неприятности, а не только их ответственные секты» [10, с. 301].

Фундаментализм должен быть осуждаем религиозной традицией, в лоне которой он возник, и только умеренно верующие в силах с ним бороться.

В четвертом параграфе, «Духовность и эгоизм», Деннет рассматривает два значения

слова «материализм». В повседневном смысле оно обозначает ориентированность на достижение исключительно материальных благ. Второй смысл связан с наукой и философией, он означает учение, полагающее единственной субстанцией мира материю. Отрицанием материализма в философии является дуализм, который настаивает на существовании двух субстанций (духа и материи). В повседневном смысле отрицанием материализма является духовность. Оба значения слова «материализм» связаны допущением, что свобода действий будет неограниченной при отсутствии веры в бессмертие души.

Проведя исследование, Деннет обнаружил, что множество представителей различных религиозных взглядов сходятся в одном: человек нуждается в духовности. «Эта потребность воплощена для одних в традиционной религии, для других – в культурах NewAge, в движении или хобби, а для других – в интенсивном стремлении к искусству или музыке, керамике, экологической активности или футболу!» [10, с. 302] Однако люди, отвечающие так, не могут четко сказать, что такое духовность, определяя ее как внимание к собственной душе, наличие глубоких мыслей, старание не быть просто материалистом. Это приводит к возникновению стереотипа атеиста: «атеисты испытывают недостаток в “ценностях”, они небрежные, эгоистичные, поверхностные, самонадеянные. Они думают, что они все знают, и все они полностью бездушные. (Вы действительно не можете быть хорошим человеком, если у вас нет духовной жизни)» [10, с. 303].

Деннет пишет, что, несмотря на бездарность такого определения, люди приблизились к одной из главных тайн жизни: «позвольте самому себе выбирать путь. Если вы сможете приблизиться к сложностям мира, к его славе и его ужасам с отношением скромного любопытства, признавая, что как бы глубоко вы ни смотрели, это будет лишь поверхностным взглядом, вы найдете внутри миров мира такой красоты, какую вы не могли прежде вообразить, и ваши собственные приземленные заботы сожмутся до нужного размера, не столь значимые в большей систе-

ме вещей. Сохранение этого благоговейного видения мира в повседневной жизни – задача не из легких, но она, безусловно, стоит усилий, поскольку если вы сможете остаться сконцентрированным и осознающим, вы сочтете трудный выбор легче, нужные слова придут к вам в нужный момент, и вы станете действительно лучше. Я предполагаю, что это является тайной духовности, и она не имеет ничего общего с верой в бессмертную душу или что-либо сверхъестественное» [10, с. 303].

Деннет приводит результаты исследования соотношения веры в «духовные силы» и морали в обыденном смысле, проведенные психологом Николасом Хамфри. Он заявляет, что все, кто контактировал со сверхъестественными силами, чувствовали себя в этот момент бесстрашными и неприкосновенными. Объяснение этого феномена коренится в убеждении, что вера в сверхъестественные силы делает человека более моральным. Далее автор приводит цитату по Хамфри: «Было ли у людей какое-либо религиозное образование или нет, они все были подвержены идее, что какая-то сверхъестественная покровительствующая фигура следит за ними и заботится о них. К такому заключению можно легко прийти, потому что чувства справедливости и правильности убеждают людей, что если такая фигура существует, то не верить в нее было бы крайне неблагоприятно, только испорченные дети могли бы быть такими неблагоприятными. Но если неверующие совершенно испорчены, естественно (хотя едва ли логично) предположить, что верующие совершенно безгрешны. Так или иначе, вера в этого сверхъестественного покровителя становится мерой моральной оценки... Абсурдный, но широко распространенный результат состоит в том, что каждая сверхъестественная история, нами услышанная, предполагается автоматически достойной внимания и уважения» [10, с. 304].

Приравнивание в обыденной жизни духовности к моральности, а материализма к аморальности – факт, с которым должна бороться материалистически ориентированная наука. «Рассогласование добра с научным материализмом имеет долгую историю. Нет

такой закономерности, что недоверие к нематериальности или бессмертию души должно сделать человека менее заботливым, менее моральным, менее преданным идее процветания всех на Земле, чем тот, кто верит в “дух”. Но разве такой материалист не будет заботиться только о материальном процветании людей? Если оно заключается только в жилье, автомобиле, еде, в “физическом” а не “психическом” здоровье, то нет. В конце концов, хороший научный материалист полагает, что психическое здоровье (духовное здоровье, если вам нравится) столь же физическое, столь же существенное, как “телесное” здоровье. Хороший научный материалист может быть столь же обеспокоен тем, достаточно ли правосудия, любви, радости, красоты, политической свободы, в том числе и религиозной свободы, как и тем, достаточно ли еды и одежды, например, так как все это материальные блага, и некоторые важнее, чем другие. (Но ради бога, давайте попробуем дать еду и одежду всем, кто нуждается в них, как можно скорее, так как без них правосудие, искусство, музыка, гражданские права и остальное – что-то вроде насмешки)» [10, с. 305].

Следует также развеять заблуждение, что очень религиозные люди жестоки и высокомерны. Эта путаница морального добра с духовностью заставляет людей совершать поступки, прикрываясь маской благочестия. И многие люди невинно полагают, что если они заботятся о собственной душе, они ведут моральный образ жизни. Чем монахи, сосредоточенные на очищении своей души, лучше коллекционеров марок или любителей гольфа? Они остаются вне реальных моральных проблем.

Конечно, нелегко будет развеять эту вековую привычку отождествления добра и духа. Даже среди ученых, занимающихся когнитивной психологией, есть те, кто верит в нематериальность души.

«Но что относительно этой жажды духовности, которую столь многие считают главной движущей силой религиозной преданности? Хорошей новостью является то, что люди действительно хотят быть хорошими. Верующие и брайтс одинаково порицают

грубый материализм (в обыденном смысле) массовой культуры и очень хотят не только наслаждаться красотой подлинной любви, но и донести эту радость другим. Возможно, в прошлом, для большинства людей единственной доступной дорогой к этому была приверженность сверхъестественному, и, в частности, определенной институциональной религии, но сегодня мы видим выбор между множеством альтернативных дорог и пешеходных дорожек» [10, с. 307].

Подход Деннета к проблеме рационального диалога между религией и моралью можно охарактеризовать как своего рода интеллектуальное левеллерство: религия – социальное явление, или точнее, опасный мем, который борется за умы людей в желании закрепиться и распространиться, причиняет вред «носителям»; социален и «новый атеизм», освободительный по отношению к религии как популярному мему. Не желая причинить вреда тем, кого плотно охватил этот мем, Д. Деннет фиксирует возможность рационального диалога между религией – как, прежде всего, моральным, познавательным-поведенческим опытом – и моральностью нового просвещения, «нового атеизма» с позиций некоего антирелигиозного нарратива; он расценивает религию как когнитивную форму сознания, имеющую прежде всего адаптивный смысл. Тем самым в рациональном диалоге на равных право первого аргумента отдается атеизму. Этот аргумент *ad hominem* вряд ли кого-то вводит в заблуждение в наше ненаивное время; он, скорее, поучителен, как опыт некоторой *игры в диалог*, один из участников которого уже знает сценарий и предлагает другому произносить заранее подготовленные им реплики. Однако и нарративы имеют свою судьбу. Как знать, во что обратятся домашние заготовки Деннета, когда начнется действительно открытый разговор, совершится не подотчетная ни одному из участников вольная диатриба, встреча собеседников, а не мемов религии и атеизма, которые властью опытного сценариста наделены голосом и облечены, будучи в истоке своем общими понятиями, в нарративную плоть...

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабицкий, А. Верю – не верю. URL: <http://esquire.ru/religion> (дата обращения 11.05.2015).
2. Васильев, В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
3. Васильев, В.В., Волков Д.Б. Интервью с Дэниелом К. Дэннетом. URL: <http://hardproblem.ru/interview/interviewdennett/> (дата обращения 11.05.2015).
4. Волков, Д.Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания. М.: Либроком, 2012. 320 с.
5. Командор, Ф.Ф. Д. Деннет «Разрушая чары: религия как природное явление». Краткое изложение. URL: http://samlib.ru/k/komandor_f_f/dennett_spell_resume.shtml (дата обращения 11.05.2015).
6. Современная философская энциклопедия: энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова и др. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.
7. Темиров, А. «Бог должен стать кем-то вроде Санта-Клауса»: Дэниел Деннет о том, как признаться себе в атеизме. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/5356-bog-dolzhen-stat-kem-to-vrode-santa-klaus-deniel-dennet-o-tom-kak-priznatsya-sebe-v-ateizme?show_comments=true (дата обращения 11.05.2015)
8. Худиев, С.Л. Новые атеисты. // Фома. 2012. № 4(108). URL: <http://foma.ru/novyie-ateisty.html> (дата обращения 11.05.2015).
9. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544 с.
10. Dennett, Daniel. *Breaking the Spell – Religion as a Natural Phenomenon*. NY: Viking Penguin, 2006. 448 p.

REFERENCES:

1. Babitsky, A. *I Believe – I Do Not Believe*. URL: <http://esquire.ru/religion> (date of access: 11.05.2015).
2. Vasilyev, V.V. *A Difficult Problem of Consciousness*. Moscow: Progress-Traditsiya, 2009. 272 p.
3. Vasilyev, V.V., Volkov, D.B., *Interview to Daniel K. Dennett*. URL: <http://hardproblem.ru/interview/interviewdennett/> (date of access: 11.05.2015).
4. Volkov, D.B. *Boston Zombie: D. Dennett and His Theory of Consciousness*. Moscow: Librocom, 2012. 320 p.
5. Comandor F.F. *D. Dennett “Breaking a Spell: Religion as Natural Phenomenon”*. Summary. URL: http://samlib.ru/k/komandor_f_f/dennett_spell_resume.shtml (date of access: May 11, 2015).
6. *Modern Philosophical Encyclopedia: The Encyclopedic Dictionary*. Ed. By Heff, O., Malakhov, V. S. etc. M: Kul’turnaya revolyutsiya, 2009. 392 p.
7. Temirov, A. “*God Has to Become Someone Like Santa Claus*”: *Daniel Dennett on How to Admit Atheism*. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/5356-bog-dolzhen-stat-kem-to-vrode-santa-klaus-deniel-dennet-o-tom-kak-priznatsya-sebe-v-ateizme?show_comments=true (date of access: May 11, 2015).
8. Khudiyev, S.L. New atheists. *Foma*. № 4(108) 2012. URL: <http://foma.ru/novyie-ateisty.html> (date of access: May 11, 2015).
9. Yulina, N.S. *The Puzzle Problem of Consciousness: the Concept of Daniel Dennett*. Moscow: Kanon +, 2004. 544 p.
10. Dennett, Daniel. *Breaking the Spell – Religion as a Natural Phenomenon*. NY: Viking Penguin, 2006. 448 p.

УДК 821.581;130.2

*Лин О.В.***ЭКЗИСТЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО:
В ГОРОДЕ КОШЕК ЛАО ШЭ****Лин Олег Винсинович, аспирант**

Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Нахимовский пр-т, 32, Москва, 117997, Россия

*E-mail: ferro_ignique@mail.ru***АННОТАЦИЯ**

В статье предлагаются результаты исследования экзистенциальных мотивов романа Лао Шэ «Записки о кошачьем городе» как памятника социальной культуры Китая 30-х годов прошлого века. Анализируются, прежде всего, материалы романа и комментарии к роману, написанные самим Лао Шэ. Автор статьи обращает внимание на то, что роман не отличается специальными программными смыслами – не идеологичен и не создан как некая художественная калька общественного устройства Китая. В нем дают себе знать более всего социальные интуиции Лао Шэ, неподражаемые личностные реакции писателя на события, происходящие в Китае, в связи с переживанием их как событий, исходящих из традиции этико-социального самосознания китайской культуры и возможных вопреки ей. Это и не роман-назидание, скорее – роман-переживание и роман-надежда. Дело не в том, что кошачий город представляет собою аналогию реального китайского города, как и не в том, что он вымышлен. Это город, который всегда возможен в обществе, которое перестает заботиться о себе и впадает в состояние нравственной раздробленности, простых жизненных зависимостей. Сильнее всего в этом романе – желание Лао Шэ собственными глазами увидеть Китай, в котором «ущербное становится совершенным, кривое – прямым, пустое – наполненным, ветхое сменяется новым».

Ключевые слова: общество; социальное; экзистенция социального; ментальность; цивилизация; животное начало; человек.

UDC 821.581;130.2

*Oleg V. Vin***SOCIAL EXISTENCE:
IN LAO SHE'S CAT COUNTRY****Lin Oleg Vinsinovich**, *Postgraduate Student*

The Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russia

*E-mail: ferro_ignique@mail.ru***ABSTRACT**

The article presents the results of the study of existential novel by Lao She “Notes about the cat’s city” as an active evidence of the social culture in China around the 30-ies of the last century. The true novel materials and comments, written by Lao She, have firstly been analyzed. The author of the article draws attention to the fact that the novel is neither ideological nor possess any major implications, created as a kind of art tracing the social structure of China. It’s on the contrary more intuitional, contains personal writer’s reaction to multifocal social events in China – the experience that comes from the tradition of ethical and social awareness of Chinese culture and potentially in spite of it. It is not a novel of warning, rather a novel of real experience and hope in art. It’s neither important that the cat’s city represents an analogy with Chinese city in reality, nor that the city is fictional. The city of cat-headers is always possible in a society that doesn’t take care of itself and falls into a moral deconstellation and everyday formal simplicity. The most important and not considered Lao She’s desire is to see China where “the flawed becomes perfect, the curve – straight, the empty – filled, the dilapidated is replaced by the new”.

Key words: society; social being; existentia of social being; mentality; civilization; animal basis; human being.

«Лао Шэ» – реалистическая, простодушная, чуть хитроватая маска, псевдоним, который создал для себя один из известных и весьма необычных мастеров китайской словесности прошлого столетия Шу Шэюй (1899–1966). Имя «Лао Шэ» (老舍) есть некоторая игра слов: оно производно от начальных букв его настоящего имени (舒慶春) и на русский может быть передано как «старина Шэ». Под этой маской Шу Шэюй прожил и пережил несколько эпох социальной истории Китая. Ни в одной из них он не потерялся, не обезличился; в каждой ему нашлось свое место. Выходец из бедной семьи, сирота, он получил основательное образование в частной школе, в которой преподавали в старинной конфуцианской манере. Едва став педагогом, учителем китайского языка и литературы и директором одной из пекинских начальных школ, он расстался с респектабельным статусом, вернулся в ученическое состояние и вольнослушателем изучал английский язык. Свой первый рассказ опубликовал после литературной революции, совершившейся в связи с событиями студенческого, изначально политического, «движения 4 мая» 1919 года, имевшего своим результатом социальный поворот в культурной жизни Китая – распространение разговорного языка байхуа, пересмотр конфуцианских этических норм и др. Вскоре после этого преподавал китайскую словесность в Лондоне, а затем в Оксфорде; стал известен своим первым романом «Философия почтенного Чжана», за которым последовали и другие. Ненадолго задержавшись в Париже и Сингапуре, возвратился в Китай и, оставаясь писателем, стал публицистом-организатором после японского вторжения. Цзинань, Циндао, Ухань, Чунцин; эмиграция на долгие годы в США (Нью-Йорк, Сан-Франциско). Окончательное возвращение на родину через считанные дни после провозглашения Китайской Народной республики. Активное пятнадцатилетнее творчество. И странная смерть, после избивения хунвейбинами во время «культурной революции», – на окраине Пекина, в озере Тайпинху. Смерть, похожая на самоубийство.

Жизнь под маской в литературе и различные роли Шу Шэюй–Лао Шэ, исполненные в жизни нелитературной, не были ангажированы какой-либо общей теорией, идеологической программой. Они свидетельствовали по большей части об искреннем уме этого мыслителя, его стилистической непринужденности и нравственном бесстрашии. Его романы ясны и символистичны – написаны с учетом той культурной традиции и тех внезапных социально-жизненных обстоятельств, в которых им пришлось появиться на свет. Эти романы экзистенциально конкретны, и поэтому они и теперь читаются как жизненные произведения, в которых легко и желательно принять участие.

Многие годы читается и перечитывается один из самых ироничных и, одновременно, укоренных в нескольких культурных традициях, его роман «Записки о кошачьем городе» (1932)¹. В нем собирается из культурных интуиций и размышлений о реальном Китае историчный и свободный образ китайского общества 30-х годов XX в.

Действие романа разворачивается на Марсе, где терпит крушение космический корабль. Выживает только один член команды, его берут в плен обитатели планеты – инопланетяне с кошачьими головами, жители старинной городской цивилизации кошек, которая насчитывает более двадцати тысяч лет. В древности эта цивилизация отличалась силой и независимостью; с течением времени она погрязла в себялюбии и братоубийственных дрязгах, опустилась до неконтролируемой зависимости от «дурманных листьев»². Позабыв о своих достоинствах, «кошкоголовые» утратили способность к единению и уступили свой суверенитет – были захвачены «низкорослыми воинами», «айцзибинами». Лао Шэ не объясняет причин падения цивилизации – он только *показывает* ее, изменившую своей традиции, впавшую в состояние нрав-

¹ [7]. Русское издание: [2]. Из актуальных исследований последнего времени см., напр.: [10, 1; 5].

² Кошачий мир изобилует дурманными листьями, которые, погружая в мир иллюзорного удовольствия, оказывают деградирующее воздействие на того, кто их потребляет.

ственной раздробленности, простых жизненных зависимостей. Население «кошачьего города» существует по определенным принципам, важнейший из которых – каждому следует стремиться возобладать над другим. «Кошкоголовые» в погоне за собственными желаниями нравственно дробят общество, не созидают и не воссоздают его¹.

Один из членов кошачьего общества дает такую характеристику своим соплеменникам: «Столько глупого, простого, невежественного, жалкого люда, прозябающего в бедности, покорного и одурманенного радостью дурманных листьев; как много солдат с палками, которые только и делают, что силой добывают дурманные листья и женщин; а сколько умных, своекорыстных, недалеконидных, бесстыдных политиканов, которые под себя составляют планы, а об обществе и не задумываются» [7] (Перевод мой – О.Л.).

Лао Шэ, описывая положение дел в воображаемой цивилизации, *не склонен это называть своей задачей*. Размышляя о себе, он отмечает: «Не имеет значения, отправляется ли искатель приключения на Луну или в ад. Он – критик или, возможно, испытывающий грусть журналист. В «Записках о кошачьем городе» исследователь, очевидно, относится ко второму типу <...>; его описание напоминает «слепое» ворчание старухи, которая отправилась на пир и вернулась домой, не наевшись досыта» [8] (Перевод мой – О.Л.).

Замысел романа порывист. Лао Шэ говорит о своей решимости написать роман исключительно иронически: «Человек, полностью лишенный мыслей, может в куче навоза найти зерна; способный мыслить человек не может довольствоваться этой кучей. И только недоучки хотят сохранить кучу навоза и при

¹ Подобное нравственное беспокойство Лао Шэ формулирует в «Услышанной истории»: «Успешному надлежит быть хитрому... большая рыба ест маленькую, маленькая – креветок». - «凡要成功的必须掏坏; 。。。。。大鱼吃小鱼, 小鱼吃虾米». 老舍. 听来的故事 [9] В современном китайском языке эта фраза дополнена тем, что «...креветки питаются илом». Фраза очень популярна как в устной речи, так и в письменной форме, в том числе на различных форумах и в блогах. См., напр.,: <http://blog.artron.net/space-39708-do-blog-id-167568.html>, http://blog.big5.voc.com.cn/blog_showone_type_blog_id_484504_p_1.html и др.

этом уговаривают мух: “Это негигиенично!”² <...> Вопреки ожиданиям я пошел переубеждать мух» [8] (Перевод мой – О.Л.).

В 30-е гг. Лао Шэ, вернувшись из-за границы, увидел Китай в удручающем экономическом и социальном состоянии и испытал сильнейшее разочарование из-за нравственных провалов страны в военном ли, торговом или любом другом деле. «Записки о кошачьем доме» не могли не появиться, но их появление не было связано ни с каким программным расчетом [10]. Лао Шэ пишет о случайности выбора общества кошек: «Я использовал именно кошачий город <...> из-за маленького семейного происхождения – я только что принес домой маленького котенка желто-белого цвета. Уэллс в «Первых людях на луне» сравнивал социальную жизнь на Луне с разделением труда у муравьев <...> Мои люди-кошки стали людьми-кошками совершенно случайно. Если бы в тот день я принес домой кролика, вполне вероятно, что люди-кошки стали бы людьми-кроликами; при всем при этом и у людей-кошек, и у людей-кроликов все бы пошло прахом» [8]³. Но

² «不卫生» - по иероглифно переводится как то, что «не берегает жизнь».

³ В беседе с Н. Т. Федоренко Лао Шэ уточнял особенности своего художественно-познавательного стиля, подчеркивая, что его письмо не имеет никакой заранее созданной умозрительной конструкции; в нем сохраняется свобода и событийная открытость слова, избегается речевая нарочитость: «Есть писатели, – говорил Лао Шэ, – которые наблюдают человека специально, чтобы потом сделать его героем произведения. То, что они делают, является своего рода портретом с натуры. Я не пользуюсь этим средством, а наблюдаю жизнь в более широком смысле этого слова. Конечно, прообразами моих героев являются люди, которых я когда-то наблюдал в жизни. Но почти никогда я не переносил человека на страницы своего произведения таким, каким я его видел. Прототип служит не более чем своеобразным семенем. Моя задача заключается в том, чтобы заставить это семя прорасти и дать цветы и злаки. Что же касается фактов, то и они не переносятся в произведения в готовом виде. Моя работа над ними обычно сводится к тому, чтобы простые факты обогатить, а чрезмерно сложные раскрыть и объяснить, но не опощить их. Важна, так сказать, психология факта. Мой опыт свидетельствует: чем лучше изучены факты, чем больше накоплено материала, тем легче складывается план, тем сподручнее пишется. Поэтому изучение фактов, длительное и тщательное накопление материала – обязательное условие каждой большой работы. Для меня эта работа так же увлекательна, как и работа за письменным столом, когда произведение пишется» [6].

дело даже не в выборе образа; программный расчет оказывается невозможным онтологически. По словам Лао Шэ, даже если бы он выработал идею, которую можно было предложить кошкам, она бы рассмешила их. В таком обществе серьезное отношение к идеям только забавляет. Не следует считать, что «кошачье общество» – это калька китайского общества начала XX вв. Лао Шэ не переносит человека таким, каким он его видит, в свои произведения, а позволяет реальному прототипу стать семенем, из которого произрастает образ героев. События в романе социально узнаваемы: зависимость от дурманных листьев, бюрократизм, злоупотребление властными полномочиями, присутствие иностранных государств на территории кошек и пр.; но и весьма важны позднейшие признания Лао Шэ в собственных разочарованиях – свидетельство того, что смысловой прообраз произведения был взят из реального мира.

Окончив работу над «Записками о кошачьем городе», Лао Шэ приходит к выводу, что этот роман не слишком удачлив в социальном отношении [8]; малоэффективно писать об ущербности устоев китайской общественной жизни, разбирая недостатки ко-

шачьей цивилизации. Впрочем, ирония позволяет безошибочно определить «человеческие недостатки». Она действенна, как нож, который извлекает наружу кровь.¹ Помогая определить диагноз, ирония «позволяет людям, с энтузиазмом взявшихся за лечение, остановиться на выборе лекарства» [8] (Перевод мой – О.Л.).

Роман Лао Шэ «Записки о кошачьем городе» следует понимать как памятник китайской культуры XX в., который обладает несомненной этико-социальной ценностью. Лао Шэ пишет о недолжном в обществе кошко-головых, на которое очень похоже, но еще не стало таким историческое, действительное китайское общество. Это не роман-назидание: это роман-переживание и роман-надежда. В его порывистом, ироничном стиле дает себя знать искренняя любовь к родине (爱国热情) [10], желание собственными глазами увидеть Китай, в котором «ущербное становится совершенным, кривое – прямым, пустое – наполненным, ветхое сменяется новым <...>» [3].

¹ («一刀见血» – взмах ножом, и видна кровь).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунакова, Р.Ю. Образ кошки в китайской литературной традиции (на материале романа Лао Шэ «Записки о кошачьем городе») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-1(23). С. 33-38.
2. Лао Шэ. Записки о кошачьем городе: пер. с кит. В. Семанов. М.: Муравей, 2000. 240 с.
3. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. URL: http://modernlib.ru/books/laoczi/dao_de_czin/read/ (дата обращения: 15.04.2015).
4. Малявин, В.В. Китайская цивилизация. М.: «Издательство Апрель» 2000. 632 с.
5. Минова, Р.Ю. Фольклорные мотивы в творчестве Лао Шэ (на материале романа «Записки о кошачьем городе») // Историческая поэтика жанра. 2007. № 2. С. 58-65.
6. Федоренко, Н.Т. Лао Шэ и его творчество // Лао Шэ. Избранное. Сборник. Пер. с кит. М.: Прогресс, 1981. URL: <http://mx.esc.ru/~assur/ocr/she/sheo.htm> (дата обращения: 15.04.2015).
7. 老舍. 猫城记 (Lao She. Maocheng Ji). Лао Шэ. Записки о кошачьем городе. URL: www.bookfree.com.cn (дата обращения: 15.04.2015).
8. 老舍. 我怎样写《猫城记》 (Lao She. Wo Zhenyang Xie «Maocheng Ji»). Лао Шэ. Каким образом я написал «Записки о кошачьем городе». URL: www.bookfree.com.cn (дата обращения: 15.04.2015).
9. 老舍. 听来的故事 (Lao She. Tinglai de Gushi). Лао Шэ. Услышанная история. URL: <http://lz.book.sohu.com/chapter-145128.html> (дата обращения: 15.04.2015).
10. 刘大先. 论老舍的幻寓小说《猫城记》 (Liu Da Xian. Lun Lao She de Huanyu Xiaoshuo «Maocheng Ji»). Лиу Да Сянь. Рассуждение о романе-вымысле Лао Шэ «Кошачий город». URL: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?id=71536> (дата обращения: 15.04.2015).

REFERENCES:

1. Bunakova, R. Yu. An Image of Cat in Chinese Cultural Traditions (Based on Lao She's Novel «Cat Country»). *Philological Science. Questions of Theory and Practise*. 2013. №5-1(23). Pp. 33-38.
2. Lao She. *Cat Country*: transl. by V. Semanov. Moscow: Muravey, 2000. 240 p.
3. Lao-zi. *Dao De Jin*. The Book of Path and Bliss (collection). http://modernlib.ru/books/laoczi/dao_de_czin/read/ (date of access: April 15, 2015).
4. Malyavin, V. V. *Chinese Civilization*. Moscow.: «Izdatelstvo Aprel», 2000. 632 p.
5. Minova, R. Yu. Folk motif in Lao She's creative work (Based on Lao She's Novel «Cat Country»). *Historical Poetics of Genre*. 2007. № 2. Pp. 58-65.
6. Fedorenko, N. T. Lao She and His Oeuvre. Lao She. *Selected Works*. Moscow: Progress. 1981: <http://mx.esc.ru/~assur/ocr/she/sheo.htm> (date of access: April 15, 2015).
7. 老舍. 猫城记 (Lao She. Maocheng Ji). Lao She. *Cat Country*. Website: www.bookfree.com.cn. (date of access: April 15, 2015).
8. 老舍. 我怎样写《猫城记》 (Lao She. Wo Zhenyang Xie «Maocheng Ji»). *How I Wrote «Cat Country»*: www.bookfree.com.cn. (date of access: April 15, 2015).
9. 老舍. 听来的故事 (Lao She. Tinglai de Gushi). Lao She. *A Story to Listen*. Website: <http://lz.book.sohu.com/chapter-145128.html> (date of access: April 15, 2015).
10. 刘大先. 论老舍的幻寓小说《猫城记》 (Liu Da Xian. Lun Lao She de Huanyu Xiaoshuo «Maocheng Ji»). Liu Da Xian. *The Speculation about Lao She's Fantasy Novel «Cat Country»*. Website: <http://www.literature.org.cn/Article.aspx?id=71536> (date of access: April 15, 2015).